

ИСТОКИ

качественные
сдвиги
в экономической
реальности
и экономической
науке

Истоки. Качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2015

УДК 330.1(059)
ББК 65.01

Истоки. Качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2015

Очередной (восьмой) выпуск альманаха «Истоки» продолжает серию, публикуемую Издательским домом Высшей школы экономики. Центральная тема выпуска – теоретическое отражение изменений и качественных сдвигов в экономической действительности и в сфере самого экономического анализа. В открывающих альманах статьи представлены проблематика социального конструирования экономической реальности и новые аспекты в истории двух, ставших вехами в развитии экономического анализа, теоретических революций – маржиналистской (1870-е гг.) и формалистической (1950-е гг.). Статьи российских авторов, подготовленные для альманаха, посвящены вопросам пространственных и временных координат в репрезентации экономической реальности. В работах видных американских экономистов продемонстрированы различия между монетаристским и кейнсианским подходами к проблемам кредитно-денежной политики на примере экономики США второй половины XX в. Качественные сдвиги в экономической реальности в контексте экономико-исторических исследований рассматриваются в статье Г. Кларка, который задается вопросом: почему не все страны мира стали экономически развитыми? Завершают альманах работы, посвященные истории латиноамериканского структурализма – направления анализа экономического развития, основанного на концепции периферийного капитализма аргентинского экономиста Р. Пребиша. Для специалистов в области экономической теории, истории экономической мысли, экономической истории и обществознания, студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 330.1(059)
ББК 65.01

, 2015

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2015

Содержание

Методология экономической науки	8
Н. А. Макашева	9
У. Дж. Сэмюелс	12
К синтезу и решению	13
Эпистемология	13
Дискурс	15
Социальное конструирование реальности	16
Выводы	19
В. С. Автономов	22
М. Блауг	26
I. Введение	26
Формалистическая революция 1950-х годов	26
II. Переформулировка Вальраса, осуществленная Эрроу и Дебре	27
III. Взлет и падение теории игр	29
IV. Возвращаясь к Вальрасу	31
V. Устарела ли теория общего равновесия?	32
VI. Реакция на провал теории общего равновесия	33
VII. Совершенная конкуренция и прочее	34
VIII. Заключение	35
История экономической науки	37
В. С. Автономов	37
У. Жаффе	41
С. Дж. Пирт	51
I. Введение	51
II. Различия	52
III. Экономический человек Менгера	55
IV. Экономический человек Джевонса	58
V. Заключение	63
Ф. В. Комим	64
Ф. Фонтен	67
Р. Ф. Эбер	72
I. Введение	72
II. Проблема «революционности» предельной полезности	72
III. Джевонс, Менгер и традиция инженеров-экономистов	73
IV. Заключение	74
Экономическая реальность: пространственные и исторические срезы	76
Г. Д. Гловели	76
I. У истоков: от Просвещения XVIII в. к эволюционизму XIX в.	76
II. Формационные подходы	78
Концепция индустриального общества – основа формационных подходов	78
Стадии капиталистической формации	79
Археологическое углубление формационного подхода	80
Партийная догматизация формационного подхода	81

Рента как формационная категория и вариативность докапиталистических обществ	81
Формационная вариативность в организационном подходе А. А. Богданова	83
Современные неоформационные подходы	84
III. Цивилизационные и антропогеографические подходы	85
Локально-цивилизационные и геополитические подходы	85
Антропогеографическая периодизация Л. Мечникова	86
Периоды всемирной истории и диффузионизм	87
Антропогеографический подход	87
IV. Аграрно-эволюционный подход	88
Вклад сельскохозяйственной экономики в периодизацию истории	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Истоки. Качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке

© Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

* * *

Методология экономической науки

За время, прошедшее с момента выхода в свет предыдущего выпуска «Истоков», экономическая методология и история экономической мысли потеряли двух своих выдающихся представителей: Уоррена Дж. Самюелса (1933–2011) и Марка Блауга (1927–2011). Редакция «Истоков» посчитала необходимым откликнуться на эти печальные события публикацией двух небольших работ этих ученых, сопроводив их краткими комментариями.

Н. А. Макашева

Вспоминая Уоррена Дж. Сэмюелса (1933–2011)

Уоррен Сэмюелс, безусловно, принадлежал к числу тех экономистов, которых в наш век специализации можно было бы назвать современными энциклопедистами. Обширные научные интересы и широкий взгляд на экономическую науку и историю экономической мысли, толерантное отношение к иной точке зрения – все это позволило Сэмюелсу стать исключительно востребованным редактором множества серийных и периодических изданий, включая такие известные, как серия «Recent Economic Thought», на протяжении практически двадцати лет выпускавшаяся издательством «Kluwer Academic Publishing», или «Studies in Institutional Economics» издательства «M. E. Sharp» (1990–1994). Число журналов, в которых Сэмюелс в разное время был либо редактором, либо членом редколлегии, близко к трем десяткам, длинен перечень научных обществ, в руководящие органы которых он входил. Заслуги Сэмюелса были отмечены несколькими академическими наградами (включая медаль имени Н. Д. Кондратьева), но главное – это, конечно, огромное количество его научных работ. Его послужной список, вместе с тем, не впечатляет разнообразием: образование получил в университетах штатов Флорида и Висконсин, десять лет преподавал в университете Майами и тридцать лет – в университете штата Мичиган. Насколько я знаю, не работал за пределами США.

В области истории экономической мысли Сэмюелс принадлежал, если так можно выразиться, к интеллектуальному направлению. Он рассматривал историю экономической мысли как часть общей интеллектуальной истории и считал, что ее изучение предполагает широкий контекст, выходящий за рамки собственно экономического анализа или экономической теории. Сэмюелс стремился выявить философские и социальные основания экономической теории, а экономическое знание рассматривал как процесс, имеющий социальный, культурный, политический и идеологический аспекты. В методологии он был сторонником принципа методологического плюрализма и позитивного подхода, когда единственной нормативной установкой был отказ от абсолюта, т. е. от самой возможности единственно правильной (научной) методологии. Это не означает, что Сэмюелс шел по пути Фейерабенда или склонялся, вслед за Макклоски, к риторическому подходу. Для него получение знания было процессом сложного взаимодействия исследования, интерпретации его результатов и экономики как социального конструкта, т. е. объекта воздействия со стороны людей, производящих и использующих соответствующее знание, при этом движимых различными мотивами и идеями. Отсюда его интерес к оценкам и убеждениям, дискурсу, смыслам и языковым конструкциям и, конечно, к институтам и политике.

Весьма показательно, что его первое большое произведение было посвящено классической теории экономической политики¹, а его последняя книга, над которой ученый работал более двух десятилетий, представляет собой «расследование», связанное с понятием невидимой руки и его смыслов². Сэмюелса можно считать современным продолжателем дела старых американских институционалистов, а присуждение ему в 1995 г. премии Веблена – Коммонса – свидетельством верности этой традиции.

Все, кто знал Сэмюелса лично, отмечают не только его высокий профессиональный уровень, но и доброжелательность, чувство юмора, преданность семье, готовность поддержать молодых исследователей. Я могу это подтвердить, основываясь на очень кратком личном общении и более продолжительном заочном. Хочу также отметить его способность улавливать скры-

¹ *Samuels W. J. The Classical Theory of Economic Policy. Cleveland, 1966.*

² *Samuels W. J. Erasing the Invisible Hand: Essays on an Elusive and Misused Concept in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.*

тые смыслы, причем даже в среде ему совершенно незнакомой. Помню, как Елена Николаевна Кондратьева однажды сказала: «Он же такая умница, все понимает». Тогда речь шла о необъяснимых для иностранцев аспектах драмы отечественной экономической науки и личных трагедий ее участников, а также о деликатных обстоятельствах, связанных с публикацией некоторых материалов, их сохранностью и доступностью.

Знакомством и сотрудничеством с Уорреном Сэмюелсом я обязана работе над несколькими проектами: выпуску избранных работ Н. Д. Кондратьева английским издательством «Pickering & Chatto»³, подготовке конференции, посвященной С. Н. Булгакову, а также участию Сэмюелса в первом симпозиуме по эволюционной экономике, состоявшемся в сентябре 1994 г.⁴

Русская экономическая мысль, безусловно, не относилась к сфере непосредственных научных интересов Сэмюелса, и, казалось бы, что могло быть дальше от американского экономиста, чем поиски С. Н. Булгаковым религиозного смысла хозяйственной деятельности и экономической науки, однако моя просьба принять участие в соответствующем проекте нашла понимание и отклик. Хотя религиозное, и тем более православное, мироощущение было чуждо Сэмюелсу, его, несомненно, заинтересовали озабоченность Булгакова процессом очищения экономической науки от религиозного и социального содержания, который имел место в конце XIX – начале XX в., а также стремление русского мыслителя понять значение веры в нашем восприятии экономической реальности⁵.

В проекте, посвященном Кондратьеву, Сэмюелс играл исключительно важную роль. Он, конечно, не являлся специалистом в области больших циклов, и его участие в проекте до известной степени было определено случайными обстоятельствами. Но это был абсолютно счастливый случай. Поскольку важно было представить Н. Кондратьева не только как автора концепции больших циклов (хотя бы и познакомя зарубежнх исследователей с неизвестными им обстоятельствами, с ней связанными), но и как методолога и экономиста-практика, трудно было найти более подходящего лидера проекта. Благодаря своему авторитету Сэмюелс смог привлечь к работе видных специалистов и, что не менее важно, убедить издательство осуществить проект и обеспечить его высокий научный уровень.

К сожалению, Сэмюелсу не повезло с публикациями на русском языке. Их крайне мало⁶, несмотря на то что первое знакомство российского читателя с этим экономистом состоялось еще в далеком 1981 году. Тогда на русском языке был опубликован сборник статей «Современная экономическая мысль»⁷, включающий работу Сэмюелса «Идеология в экономическом анализе»⁸. Это издание стало настоящим событием, поскольку давало представление об эволюции западной экономической мысли в XX в., разнообразии существовавших школ, проблем и подходов, знакомило с активно работавшими на Западе экономистами, в конечном счете пробивало брешь в стене, отделявшей отечественную экономическую науку от мировой.

Статья Сэмюелса, помещенная в настоящем выпуске «Истоков», в определенном смысле продолжает и развивает линию аргументации, предложенную в «Идеологии в экономическом

³ The Works of Nikolai D. Kondratiev / transl. by S. Wilson; ed. by N. Makasheva, W. Samuels, V. Barnett: 4 vols. L.: Pickering & Chatto, 1998.

⁴ Сэмюелс У. Дж. Некоторые замечания об экономической реформе в России с точки зрения эволюционной перспективы // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики: доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пушкино, 12–15 сентября 1994 г. М.: ИЭ РАН, 1995. С. 242–247.

⁵ Сэмюелс У. Историк экономической мысли о трудах Сергея Булгакова // Экономика и культура: материалы международной научной конференции, Москва, 11–13 октября 1994 г. М.: ИСЭПН, 1995. С. 144–160.

⁶ К вышеуказанным могу добавить: Сэмюелс У. Торстен Веблен как экономист-теоретик // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 99–177.

⁷ Modern Economic Thought / ed. by S. Weintraub. The University of Pennsylvania Press, 1977.

⁸ Сэмюелс У. Дж. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981. С. 661–682.

анализе» и некоторых других его работах. Выбор именно этой статьи обусловлен еще и тем обстоятельством, что проблема «чистоты» и объективности экономического знания, его сложной взаимосвязи с экономической реальностью никогда не была столь актуальной, как сегодня.

Чтение текстов У. Сэмюелса – занятие, требующее определенных усилий со стороны читателя, и в этом отношении предлагаемая работа вполне типична. Однако глубина мысли и оригинальность позиции автора послужат вознаграждением.

© Макашева Н. А., 2015

У. Дж. Сэмюелс

**«Истина» и «дискурс» в социальном конструировании
экономической реальности: очерк об отношении
знания к социально-экономической политике**

Перевод сделан по: *Samuels W. J. "Truth" and "Discourse" in the Social Construction of Economic Reality: An Essay on the Relation of Knowledge to Socio economic Policy // Journal of Post Keynesian Economics. 1991. Vol. 13. No. 4. P. 511–524.*

Люди хотят достоверного, чтобы не сказать абсолютного, знания⁹. Трудно удержаться от того, чтобы не заметить, что существуют два типа людей: те, кому совершенно необходимы определенность и законченность, и те, кто способен допустить неоднозначность и незавершенность. Большинство, скорее всего, относится к первому типу, хотя стремление к абсолюту вовсе не означает, что абсолюта существует; то, что люди принимают как «факт», «реальностью» может и не быть. Стремление людей к обладанию достоверным знанием объясняется по крайней мере тремя причинами. Во-первых, оно связано с их верой в то, что действия и политика, базирующиеся на знании, должны исходить скорее из верных, чем из ложных представлений. Во-вторых, источником этого стремления являются убеждения, которые принимаются за истинное знание и служат основой действий, направленных на сохранение или изменение институциональных структур и практик. В-третьих, стремление к обладанию достоверным знанием обусловлено потребностью в «успокоительном средстве», которое снимало бы тревожность, сопутствующую нашей жизни в условиях непредсказуемости, когда наша значимость как индивидов и как вида оказывается под вопросом.

Потребность в достоверном знании породила множество различных систем представлений: анимизм, антропоморфизм, магию, теологию, общую философию, метафизику, эпистемологию, науку, рационализм, эмпиризм, логический позитивизм, логический эмпиризм, идеологию, философию науки, социологию знания, герменевтику, литературную критику, социологию науки, структурализм, философскую лингвистику и т. д. Некоторые пытаются определить природу и признаки достоверного знания; другие же, а возможно и все, сомневаются или пытаются разобраться в том, какие существуют идеи относительно природы и признаков достоверного знания. Кто-то поддерживает, а кто-то подвергает сомнению проект под названием «знание», коль скоро его целью является Истина. Кто-то утверждает: что бы ни принималось за знание (Истина или истины), в действительности оно тесно связано с дискурсом, вымыслом и риторикой. Неизбежно возникает проблема самодостаточности: поставить вопрос об основах достоверного знания – значит поставить вопрос об основах знания, которое принято в качестве достоверного. Почти всегда в качестве возражения уместно спросить: «Откуда *Вы* это знаете?»

В последние полвека развитие эпистемологии и философии науки привело к тому, что прежняя вера многих в эпистемологию вообще и в позитивизм в частности оказалась подорванной. За этот период продвижения в анализе дискурса *как такового* дали дополнительный повод усомниться в существовании достоверного знания.

⁹ Понятие «достоверность» по существу психологическое, но при этом имеет межсубъектный характер и, следовательно, связано с внутренними психологическими потребностями и мотивами индивида, свойствами группы, к которой он принадлежит, со степенью приверженности индивида группе, консенсусом внутри нее. Наличие этих психологических и социологических обстоятельств свидетельствует в пользу аргумента, выдвигаемого ниже и состоящего в том, что ни одну из эпистемологических (или дискурсивных) позиций нельзя рассматривать как простое отражение действительности. Далее мы проанализируем природу этих позиций и коснемся их самодостаточного характера.

Эти продвижения достигли критического момента, после которого по этому вопросу, вероятно, начнет складываться консенсус. Если же наше ощущение приближающегося консенсуса несколько преждевременно, то лишь из-за широко распространенного желания людей, а возможно, их фундаментальной потребности обладать надежным, если не абсолютным знанием. Однако если консенсус действительно сложится, хотя бы среди интеллектуалов, это будет иметь огромное значение для исследований и практики во всех областях научного знания, особенно для наук о человеке и социальных наук, включая экономику: причем не просто для исследований и практики, но и для психодинамики нашего восприятия этих наук.

Цель этого эссе – дать представление о предлагаемом решении, или синтезе, который признает важность, во-первых, эпистемологии и ее границ и, во-вторых, анализа дискурса. Все это исключительно значимо в контексте социального конструирования реальности: то, что мы делаем с помощью эпистемологии и дискурса, особенно важно, поскольку это влияет на наши действия, индивидуальные или коллективные, и таким образом (ре)конструирует экономику, политику и общество. Мы ограничим дискуссию социальными науками, хотя многие темы актуальны и для естественных наук; более того, изначально они были подняты в рамках последних. При этом описанная нами ситуация не является специфической для экономики¹⁰. Наш подход предполагает серьезные ограничения разумности человеческого стремления к достоверному знанию и поэтому основывается на том, что многое, если не все, что мы считаем знанием, особенно в социальных науках, в высшей степени условно, проблематично и относительно. Многие из того, что признается знанием, базируются на принятии отдельными людьми или обществом некой парадигмы, мировоззрения и (или) некой модели дискурса и имплицитных сущностных и эпистемологических установок, которые складываются в набор исходных убеждений.

К синтезу и решению

Вполне возможно, что консенсус так и не будет достигнут. Люди слишком сильно хотят получить надежное, заслуживающее доверия знание и поэтому склонны отвергать критические замечания в его адрес. И, возможно, не только представители доминирующей в каждой науке эпистемологии, но всякий человек вообще, скорее всего, будут выбирать из этих исходных убеждений наиболее привлекательные. Если возникнет консенсус (а это совершенно не обязательно), то он может иметь различные варианты. Синтез и решение, которые представлены ниже, позволят найти компромисс между критикой, нашими эпистемологическими потребностями и существенными ограничениями, которые ставит нам практика.

Эпистемология

Эпистемология – важная тема, обсуждение которой нельзя обойти или просто прекратить. Проблема требований, предъявляемых к знанию, важна; и надо ценить стремление людей к достоверному знанию, на основании которого можно было бы давать практические рекоменда-

¹⁰ Данный очерк продолжает линию рассуждения, представленную в других работах автора (*Samuels W. J. A Critique of the Discursive Systems and Foundation Concepts of Distribution Analysis // Analyse & Kritik. 1982. Vol. 4. P. 4–12; Samuels W. J. The Idea of the Corporation as a Person: On the Normative Significance of Judicial Language // Corporations and Society: Power and Responsibility / ed. by W. J. Samuels, A. S. Miller. Westport, CT: Greenwood, 1987; Samuels W. J. An Essay on the Nature and Significance of the Normative Nature of Economics // Journal of Post Keynesian Economics. 1988. Vol. 10. P. 347–354; Samuels W. J. Determinate Solutions and Valuational Processes: Overcoming the Foreclosure of Process // Journal of Post Keynesian Economics. 1989. Vol. 11. P. 531–546; Samuels W. J. The Methodology of Economics and the Case for Policy Diffidence and Restraint // Review of Social Economy. 1989. Vol. 47. P. 113–133; Samuels W. J. Introduction // Economics as Discourse / ed. by W. J. Samuels. Boston: Kluwer, 1990; Samuels W. J. Review of the Philosophical Entries in “The New Palgrave” // Economics and Philosophy. 1990. Vol. 6. P. 301–309).*

дации. Мы с готовностью отдаем должное и позитивистским попыткам дать объективное, подтверждаемое и воспроизводимое определение реальности скорее через выделение наблюдаемых явлений и связанных с ними понятий, а также свойств и операций, чем через обозначение исходных понятий, абсолютов и смыслов.

Запрос на абсолютистскую, предписывающую эпистемологию, однако, не был удовлетворен. В частности, позитивизм натолкнулся на такие эпистемологические и дискурсивные ограничения, что это породило сомнения в том, что он может дать исследованию.

Эпистемология может и должна заниматься скорее разработкой критериев знания, чем рекомендаций. Она должна выявлять различные альтернативные наборы критериев (с соответствующими ограничениями), зависящих от требований к статусу знания. В этом случае индивиды и группы людей получают возможность выбора. Нереальность установления окончательного, абсолютного, предписывающего набора таких критериев не должна служить препятствием для выбора отдельными индивидами определенной эпистемологической позиции и следования ей независимо от характера ее ограничений. Она не должна мешать признавать наличие различных критериев и при этом ориентироваться на собственные предпочтения. Вопреки некоторым предпочтениям, притязаниям или убеждениям, методологический плюрализм всегда существовал, и эта практика должна быть явным образом обозначена. Методологический плюрализм – это единственный принцип, который согласуется и с нашими желаниями, и с существенными ограничениями эпистемологической практики.

Специалистам следует быть более внимательными к жестким ограничениям той эпистемологии, которую они предпочитают. Ранее мы в основном приняли определенные методологические позиции и применили их таким образом, что, формально признавая наличие ограничений, по существу их игнорировали. Это верно в отношении всех концепций, используемых в научной практике. Нам нужно осознанно и окончательно признать жесткие эпистемологические ограничения нашей работы. Осмысленность любого набора эпистемологических критериев зависит как от их сильных, так и от слабых сторон.

В особенности необходимо признать, что знание, тождественное Истине, получить сложно. Нечто, принимаемое нами за знание, обычно несет специфические черты той или иной парадигмы и эпистемологии. Доказательства его достоверности по большей части базируются не на фактической верификации или фальсификации, а на соответствии данной парадигме. То, что мы принимаем за знание, скорее всего, имеет также социологическую и дискурсивную основу, оно проходит через сознание людей, сформированное под воздействием культурных факторов. Метаосновы всех эпистемологических и других философских позиций в высшей степени проблематичны. В социальных науках «смысл» более важен, чем Истина; он создается людьми и часто содержит проекции их ожиданий, опасений и (или) желаний и совсем не обязательно отражает некую конкретную абсолютно трансцендентную реальность. Подобно тому, как данные «нагружаются» теорией, теория часто, если не всегда, является продуктом селективного опыта, перцепций и интересов. В экономической науке и теория, и эмпирика несут на себе отчетливую печать тех ограничений и допущений, которые считаются необходимыми для получения определенных, оптимальных, взвешенных результатов. Такие ограничения накладываются на описания, объяснения и анализ. Это, в свою очередь, ведет к тому, что либо анализ процессов, происходящих в «реальном мире», и действий экономических акторов заменяется упражнениями по решению умозрительных задач, либо и эмпирическая база, и методы анализа становятся объектом манипуляций, призванных дать нужный результат.

С точки зрения методологического плюрализма могут существовать различные критерии для того, чтобы признать знанием те или иные теории или утверждения. Эти критерии могут относиться к следующим областям: 1) космология; 2) метафизика; 3) наука или позитивизм, включая различные комбинации индукции и дедукции; 4) здравый смысл, включая прагматизм.

Должна появиться возможность для того, чтобы заняться идентификацией, осмыслением и формулировкой тех оснований, в соответствии с которыми мы принимаем нечто в качестве знания. Необходимо внести ясность в вопрос о том, на чем строятся наши убеждения. Такой подход не должен привести к самонадеянной раздаче предписаний, хотя формулирование и защита принятых критериев не должны мешать нашим попыткам убедить других в преимуществах этих критериев. Однако наш взгляд должен быть достаточно объективным и широким, чтобы признавать границы этих преимуществ, а также неизбежные слабости, сопровождающие сильные стороны того или иного подхода. Интеллектуальное высокомерие должно уступить место терпимости.

Должна открыться и возможность пойти дальше словесных заверений о том, что прогресс науки и получение знания немыслимы без критики. В экономической науке слишком часто происходит так, что единственным видом критики, который принимается, является критика изнутри данной школы или в рамках данного эпистемологического подхода. Иными словами, имеет место рабская привязанность к принятым методологическим и содержательным доктринам. Интеллектуальная зрелость предполагает преодоление эгоцентризма и осознание того, что, коль скоро мы не можем быть всем для всех, ни одна из эпистемологий не может удовлетворить всем возможным представлениям о знании. Понятие Истины должно быть заменено большим знаком вопроса. Нам необходимо подтвердить роль критики, а также признать условность достоверного знания.

Для поколения, которое было воспитано на эпистемологии позитивизма или логического эмпиризма, такая позиция как минимум некомфортна. Необходимо признать, что логический эмпиризм являлся идеологией науки. Его задача состояла в легитимации статуса науки и ученых, а также в том, чтобы скрыть от большинства людей пределы науки, свести к трюизмам серьезные эпистемологические проблемы и замаскировать тот факт, что сама научная практика тех, кто верил в достоверное знание, не согласовывалась, да и не могла согласовываться, с предписаниями науки.

Дискурс

Значение теорий и утверждений не исчерпывается их эпистемологическим статусом. Утверждения и теории должны также рассматриваться как лингвистические и риторические феномены, а следовательно, как дискурс.

Гуманитарные или общественные науки, и в первую очередь экономика (в первую очередь, поскольку она наиболее очевидным образом претендует на статус «настоящей» науки), по существу представляют собой не только эпистемологические, но и социологические явления, связанные с дискурсом. Они представляют собой системы убеждений и способы дискурса. Смысл исторического, социального, политического и экономического явления создается, открывается и пересматривается человеком. Общественные науки, включая определенные научные школы, сложились как способы дискурса, как повествование, содержащее наборы метафор, строгий смысл которых не определен. Эти науки – способ размышления о мире, система верований, мировоззрений. Они являются некими представлениями реальности, каковы бы ни были их эпистемологические основы. Категории, в которых ведется такой дискурс, являются понятиями и смыслами, с помощью которых мы осознаем экономику, политику и общество. Понятия, используемые в таком дискурсе, являются знаками, смысл которых не обязательно происходит из внешнего мира, а конструируется человеком, причем одни знаки взаимодействуют с другими. Понятие имеет лишь тот смысл, который мы в него вкладываем и затем используем. Различные направления научной мысли отдают предпочтение различным понятиям, различным значениям, различным представлениям реальности. Экономическая наука создала системы дискурса, в терминах которых объясняется и обсуждается то,

что считается экономикой. Доминирующее направление экономической мысли, неоклассическая теория, являет собой иерархическую дискурсивную позицию, проистекающую из представления западной цивилизации о самой себе, например, как о пространстве, где действуют автономные, самодостаточные индивиды, нацеленные на максимизацию собственной выгоды. Одновременно она подтверждает эти представления.

Эпистемология, понимаемая как исследование критериев языка, является поэтому лишь частью, хотя и важной частью, процесса, который можно назвать определением реальности. Мы также должны отдать должное другой его части и исследовать системы дискурса, с помощью которых люди изучают себя и общество. Критика эпистемологии в течение длительного времени состояла в критике отдельных эпистемологических позиций изнутри собственно эпистемологии; и коль скоро доминирующей модернистской эпистемологией являлся логический эмпиризм, критика эпистемологии по большей части приняла форму критики логического эмпиризма. Однако критика логического эмпиризма, возможно именно ввиду его большой сложности, также включала критику эпистемологии как таковой. Это подтверждает в общем виде, но со всей определенностью, что существует нечто большее для понимания смысла, чем эпистемологические предписания, и что эпистемологию необходимо понимать как часть процесса убеждения, т. е. риторики.

Критика эпистемологии также подтверждает, что язык как таковой – это способ, посредством которого мы интерпретируем воспринимаемые объекты, являющиеся предметом нашего рассмотрения; что изучение как таковое происходит через определенные модели дискурса и что большая часть воспринимаемого нами как знание в действительности является предметом дискурса, – а возможно, и только им. Доктрины, парадигмы, модели и теории всех школ экономической мысли, например марксизма, посткейнсианства, институционализма, представляют собой социальные и интеллектуальные конструкторы, формирование которых происходит с использованием элементов языка. Именно язык соединяет убеждения, парадигму или мировоззрение, тем самым создавая смыслы. Язык же сам по себе является социальной конструкцией, а не отражением реальности.

Таким образом, к условности, с которой мы формулируем утверждения и теории, выведенные из того, что стало общепринятым на основе эпистемологических соображений, необходимо добавить и условность, связанную с дискурсивной природой языка, используемого в утверждениях и теориях. «Рынок» – это метафора, и представления о корпорации как об «индивиде», а об экономике как о совокупности индивидов и корпораций могут меняться, хотя экономика по-прежнему может описываться в терминах «рынки» и «корпорации». Совершенно очевидно, что нам следует обратиться к понятиям, в которых мы осмысливаем реальность; это те же самые понятия, которыми оперируют утверждения и теории и к которым мы предъявляем тот или иной набор эпистемологических критериев.

Утверждение о важности анализа предполагаемого знания как дискурса не означает призыва к отказу от классической концепции истинного знания (или истины) или от строгого определения каузальности и других механизмов, т. е. от анализа того, что «в действительности происходит». Анализ дискурса не исчерпывает задач социальных исследований, хотя, наряду с эпистемологией более высокого уровня и сложности, он подчеркивает трудность, если не очевидную невозможность, реализации этого проекта.

Социальное конструирование реальности

Предшествующее обсуждение эпистемологии и анализа дискурса, несомненно, приложимо к исследованиям элементарных частиц, геологии Земли, структуры галактик и ко всему предметному полю естественных наук. В еще большей степени оно приложимо к предмету общественных наук. Экономика (и политика, и общество в целом), в отличие от Солнечной

системы или атома, строится и перестраивается человеком¹¹. Идеи, к которым мы применяем различные наборы эпистемологических критериев и которые формулируются в терминах и знаках, существующих в данной системе дискурса, живут в социально (ре)конструированной реальности.

У этой социальной (ре)конструкции есть два альтернативных значения: в первом случае осуществляется социальное конструирование смысла, который мы придаем экономике, притом что последняя существует независимо; во втором – происходит социальное конструирование и экономики как таковой, и придаваемого ей смысла. Коль скоро наше знание об экономике – это тот смысл, который мы ей придаем, даже если она существует независимо, проблемы анализа дискурса и эпистемологии, бесспорно, всегда имеют к ней непосредственное отношение. О каком бы из значений ни шла речь, наиболее полезным было бы следующее предположение: экономика не существовала бы, если бы не существовали люди; экономика представляет собой артефакт, результат человеческой социальной (ре)конструкции.

В той мере, в какой экономика является артефактом, для социальной (ре)конструкции важно не столько то, что «истинно» в эпистемологическом смысле, сколько то, во что люди верят и на основании чего они действуют, а именно то, что отчасти создается и развивается посредством языка. Если люди принимают парадигму производительности и мыслят в ее рамках, они будут проводить и поддерживать иную политику и создавать иную экономику, действовать иначе, чем если бы они принимали парадигму эксплуатации и мыслили в ее рамках.

Именно потому, что знания-убеждения играют важную роль в социальной (ре)конструкции экономики, политики и общества, идеи, теории, парадигмы, утверждения и модели обязательно имеют политическую составляющую, а эпистемология и анализ дискурса – политическую природу, и поэтому являются объектом не только изучения, но и манипулирования. Контроль над языком и знаниями-убеждениями – это контроль над определением реальности и, таким образом, над политикой, а следовательно, и над социальной (ре)конструкцией «реальности».

Комбинация полной неопределенности (в том смысле, что нам не дано знать социальное будущее до тех пор, пока оно не наступит, а оно не наступит до тех пор, пока мы не создадим его) и социальной (ре)конструкции реальности означает, что из нескольких, и вероятно многих, возможных вариантов будущего лишь один реализуется в какое-то время и в каком-то месте. В той мере, в какой общественная наука «объясняет» или каким-то образом исследует положение вещей, она изучает то, что уже состоялось, придавая этому состоявшемуся особый статус и тем самым затушевывая и лишая значимости то, что (пока) не состоялось, но должно где-то и когда-то состояться. Это, конечно, является ограничением эмпирического подхода, которое устанавливается из эпистемологических соображений, но это также является и ограничением нашего дискурса, который имеет двойственную причинно-следственную связь с тем, что уже осуществилось.

Идея социальной (ре)конструкции реальности сама по себе – непременно и неизбежно политическая. Она открывает дорогу изменениям, указывая на производный характер актуализированной реальности, вынося на публичное обсуждение выбор, который был сделан в прошлом и делается в настоящем. При этом, возможно, в других отношениях ее значение не столь очевидно.

Идея социальной (ре)конструкции реальности (сама по себе концептуализация реальности) подчеркивает важность избирательного восприятия, а также селективное усвоение нор-

¹¹ Если не будет человечества, то не будет и экономики, а Солнечная система и атомы будут. В этом смысле экономика отличается от Солнечной системы. Физическое содержимое земных недр существует независимо от человека; их же значение как полезных ископаемых – исключительно связано с человеком. То же самое было бы, если бы человечество могло использовать Солнечную систему или манипулировать ею подобно тому, как оно использует минералы и металлы для изготовления средств производства и потребительских товаров, а атомы – для создания ядерного оружия.

мативных установок в процессе, посредством которого реальность социально реконструируется. Контроль над дискурсом – это контроль над перцепциями, установками, а следовательно, над действиями и относительной актуализацией различных возможностей. Не трудно представить, каким образом в ситуации, когда избирательная перцепция соединяется с иерархическими социальными структурами, убеждения производятся и подвергаются манипулированию. Это не всегда и не вполне заслуживает осуждения. В этих процессах проецируются отдельные ожидания и стремления людей, а также идеи, порождаемые мифологической и символической системой общества. И эти проекции и идеи будут работать как на изменения, так и на преемственность, будут поддерживать те или иные структуры свободы и контроля, те или иные комбинации иерархии и равенства.

Дать определение реальности – значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует. Иными словами, и то и другое предполагает нечто, существующее независимо от человеческого разума, исходных установок и теорий или существовавшее до их появления. В общественных науках то, что мы считаем реальностью, скорее всего, по большей части представляет собой лишь предполагаемый базис, на котором происходит реконструкция реальности, а не онтологически данную реальность¹². Все мы рождаемся и воспитываемся в обществе, которое нам приходится воспринимать как реальное, и каждый из нас, просто живя в обществе и будучи его составной частью, вносит свой вклад в его реконструкцию, тем самым способствуя созданию общества, которое позднее будет восприниматься людьми как реальное. Фрэнк Найт, как и ряд других авторов, утверждал, что связь между знаниями и политикой имеет для людей решающее значение. Он считал также, что человеческое общество не так уж отличается от обычных игр, таких как, например, футбол или покер: все они созданы людьми и не существуют априори как независимая от человека реальность.

Можно возразить, что, хотя люди и придают смысл реальности и с этой точки зрения создают ее, существующая на тот или иной момент реальность на самом деле не является человеческим творением. Это возражение, однако, не противоречит изложенному выше. Люди, конечно, задействованы – по крайней мере, в осмыслении социальной реальности, и в этом плане социальная реальность – творение человека. Но даже если в представлениях людей господствует детерминизм, их отношение к социальным процессам не будет пассивным. Что-то мы приветствуем, а что-то нет; какие-то системы социальной организации мы предпочитаем, а какие-то вызывают у нас отвращение и т. д. Общественные науки (как описание и объяснение происходящего и как обоснование политики), а также социальная и экономическая политика исходят из предпосылки о важности человеческой деятельности. Даже те идеологические направления, которые проповедуют *«laissez-faire»* и «невмешательство», предлагают программы действий для правительства, и эти программы, хоть и в иной форме, тоже содержат инструменты социальной (ре)конструкции реальности. Если бы экономическая роль правительства была заданной и являлась неотъемлемой частью реальности, не было бы никакой необходимости делать выбор между консерваторами, либералами, радикалами и т. д. – и не было бы никакой разницы между результатами сделанного выбора.

Несмотря на несовместимость анализа дискурса с господствующей методологией логического эмпиризма, а также несмотря на конфликт между верой в истину как объект знания о реальности и признанием ее социальным конструктом, высказанные в этом очерке идеи не являются ни радикальными, ни противоречащими соображениям ведущих представителей мейнстрима и других экономистов. Хорошо известна позиция Д. Макклоски, не только теоре-

¹² Во время подготовки этой статьи мне довелось услышать дискуссию о возможности легализации однополых браков. По утверждению одного из ее участников, подобные союзы – не то же самое, что настоящий, «реальный» брак.

тика и специалиста в области эконометрики, но и историка экономической мысли и при этом – одного из лидеров направления, рассматривающего экономическую науку с позиций риторического подхода. Близкая точка зрения высказывалась и другими экономистами, пусть и не в таком развернутом виде и не так безоговорочно. Теоретик общего равновесия Рой Вайнтрауб, по всей вероятности, стал первым, кто был готов признать то, что вытекает из дискурсивной и допускающей различные толкования природы экономики. За ним вскоре последовали Арьё Кламер и Уильям Брейт, а также Джек Амарильо и Дональд Лавуа. Роберт Солоу не пошел так далеко и был не столь решительным, однако и он соглашался с тем, что господствующая вера экономистов мейнстрима в «единственно верную модель» имеет социальную природу¹³. Склонность рассматривать экономическую науку как язык обнаруживали и те теоретики, работы которых в остальных отношениях никак не были связаны с анализом дискурса или риторики. Джек Хиршлейфер называет экономику «всеобщей грамматикой общественных наук»¹⁴. Джордж Стиглер пишет, что «дефиниции не дают никакого знания о реальном мире, но влияют на восприятие мира»¹⁵, – и, следовательно, они важны как для теории, так и для политики. Мартин Бронфенбреннер упоминает о той высокой оценке, которую он дал «теоретической механике системы цен... как интеллектуальной конструкции»¹⁶. Развитие мысли, часто неосознанно, движется в указанном нами направлении, делая соответствующие идеи частью обычного дискурса.

Выводы

Эпистемология оперирует понятием истины, а анализ дискурса – смыслами. Каждый из этих подходов сопряжен с серьезными проблемами и имеет ограничения, связанные отчасти с природой объекта, а отчасти с тем, каким образом каждый из этих подходов реализуется. Приверженцам анализа дискурса следовало бы признать ограничения своего подхода подобно тому, как они поступают в отношении логического эмпиризма. Более того, понимая, что к методологическому плюрализму призывают люди, чьи идеи на данный момент не являются доминирующими, нам нужно позаботиться о том, чтобы их энтузиазм в отношении методологического плюрализма сохранился даже в том случае, если они окажутся в большинстве. А кроме того, мы должны помнить, что анализ дискурса не является исключительно поддержкой некой политической философии или программы.

Большая часть категорий, принципов, критериев и дихотомий не существуют сами по себе. Они требуют соответствующей среды. Они применимы не только в тех случаях, когда к ним обычно обращаются. По-видимому, суть дела заключается в том, что, даже когда мы думаем иначе, мы не свободны от необходимости делать выбор, вводить дополнительные предпосылки, причем обычно мы не осознаем важности этого. Знание – это процесс. Это процесс выбора (совсем не обязательно «рационального»). Даже если мы все согласимся с тем, что существует лишь единственная верная парадигма, модель, единственное объяснение, наши представления о том, какая именно модель является верной, все равно будут различными, и мы окажемся перед необходимостью выбора. То, что наблюдение «нагружено» теорией, что есть «проблема герменевтического круга» и «предтеоретическое видение», а также, *inter alia*, что знание, существующее в рамках различных парадигм, несопоставимо, – все это делает абсолютно необходимым выбор между парадигмами. Возможно, образование, психологиче-

¹³ Solow R. M. Economic History and Economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 330; Solow R. M. Comments from Inside Economics // The Consequences of Economic Rhetoric / ed. by A. Klammer, D. N. McCloskey, R. M. Solow. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 30f.

¹⁴ Hirschleifer J. The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 53.

¹⁵ Stigler G. J. Memoirs of an Unregulated Economist. N.Y.: Basic Books, 1988. P. 94.

¹⁶ Bronfenbrenner M. Instead of a Philosophy of Life // American Economist. Fall 1988. Vol. 32. P. 4.

ские или какие-то иные обстоятельства побудят нас скептически отнестись к подобным утверждениям, а также к утверждению о существенной (но не полной) нерелевантности концепций, базирующихся на естественных науках. Однако в общественных науках мы обнаружили чрезвычайно много практик, которые не могут быть содержательно охарактеризованы или поняты без использования лингвистического аппарата и соответствующих концепций, приведенных выше. С одной стороны, социально-экономическая реальность так сложна и многогранна, что она может быть представлена по-разному; разные индивиды рассматривают ее с разных точек зрения и, таким образом, определяют и интерпретируют неодинаково. С другой стороны, ученые, работающие в области общественных наук, одновременно являются социальными акторами в процессе (ре)конструирования реальности – акторами, которые часто верят в то, что они могут внести свой вклад в общественное развитие.

Я думаю, что должна существовать возможность быть эклектиком и агностиком в отношении эпистемологической и дискурсивной природы экономической науки. Нам нужно стремиться допускать двусмысленность и незавершенность – хотя бы потому, что, каковы бы ни были наши предпочтения, реальный процесс производства знания «в действительности» представляется процессом социального конструирования с присущими ему характеристиками неоднозначности и незавершенности.

Я с пониманием отнесусь к тому, что кто-то может расценить взгляды, представленные в этом очерке, как проявление бесхребетности, релятивизма, нигилизма, недисциплинированности, нездоровья и цинизма, присущих нашему веку. Но, как мне кажется, эпистемологический и дискурсивный плюрализм – это то, что вызвано к жизни проблемой достоверного знания, а не самообманом, пусть и искусным. Такой плюрализм вовсе не означает, что «все годится». Он указывает на то, что каждый индивид имеет свои собственные суждения. Альтернатива такому подходу – признание того, что «годится лишь что-то одно», а также близорукость, претенциозность и ложная уверенность.

Плюрализм означает допущение существования эпистемологических критериев и дискурсивных толкований, отличных от тех, которые мы сами предпочитаем, а также сознательное сопротивление приданию нашим предпочтениям статуса привилегированных. И это – задача, которая стоит перед людьми, а не перед реальностью или языком. Именно люди делают выбор, и факт этого выбора не должен быть заслонен ни результатом этого выбора, ни мнимой абсолютностью, создающей психическое ощущение *надежного* знания. Экономика утверждает, что все имеет свою цену: цена претензий на абсолют – реконструкция социальной реальности на основе заведомо ложных представлений.

Ощущение нигилизма, ниспровержения основ и анархии возникает отчасти в связи с потребностью в абсолюте, обеспечивающем психологический комфорт, отчасти в связи с необходимостью легитимации статус-кво и отчасти в связи с тем, что трудно, признавая относительность и обусловленность наших убеждений, продолжать смотреть на них серьезно. Правда, однако, и то, что все мы делаем выбор, а затем пытаемся не вспоминать этот факт. По наблюдению Кнорр-Цетины, общее правило состоит в том, что «научные статьи пишутся не для того, чтобы способствовать пониманию альтернатив, а для того, чтобы создать впечатление, что то, что *было сделано*, – это все, что *могло быть сделано*»¹⁷. Интеллектуальные поиски вообще и наука в частности должны стремиться к большему.

Многим кажется разумным полагать, что эта рациональная критика имеет смысл, только если признается, что истина существует. Но даже если мы все согласимся, что это так (при этом мы можем расходиться в представлениях о том, в каком смысле и в какой степени истина соответствует «реальности» – об этом мы уже говорили), мы все равно будем по-разному представлять себе собственно содержание этой истины. Таким образом, истина – это то, что индивиды

¹⁷ Knorr-Cetina K. D. *The Manufacture of Knowledge*. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1981. P. 42.

принимают в качестве достоверного знания. Многое можно было бы извлечь из исследования матрицы подобных индивидуальных представлений, – конечно, если ее возможно обнаружить. Эта позиция может расстроить тех, кто воспринимает ее как составляющую скептицизма, нигилизма и (или) релятивизма. Возможно, в свете ограничений как эпистемологии, так и анализа дискурса, а также в свете социальной (ре)конструкции реальности такой инструментализм – это то, к чему в конечном счете на практике сводятся все позиции. Так или иначе, «истина» часто ассоциируется с интересами, продуктом, сознательно произведенным в идеологических целях, властью и (или) материальными выгодами: у нас есть политические, а также эпистемологические и дискурсивные основания для скептицизма и недоверия.

Признание открытости методологического плюрализма и анализа дискурса, чрезмерно нагруженного релятивизмом и нигилизмом, не означает, что утрачивают значение доказательность, характер и качество аргументов. Напротив, они становятся еще более важными, поскольку мы уже не можем считать (или делать вид), что большая часть того, во что мы верим, на самом деле является отражением мира или непреложным фактом. Отдельные простые факты, безусловно, существуют, как, например, даты и события Гражданской войны, битва при Гастингсе или атака на Перл-Харбор. Однако по большей части такие факты – предмет конвенции или договоренности (как, например, григорианский календарь), и в этом смысле они не обладают собственным бытием. Важные вещи не являются простыми и не сводятся к непоколебимым и однозначным фактам. Многие из сложных фактов являются предметом интерпретации: атака на Перл-Харбор – это одно, а ее геополитическое объяснение или геополитическое объяснение Гражданской войны и, следовательно, ее «значение» – это другое. Часто подобные вещи становятся предметом достижения согласия и взаимопонимания. Действительно, «оболочка цивилизации», неодинаковая в разных обществах и изменчивая во времени, образована именно этим всеобщим согласием, а не упрямыми объективными фактами. Хотим мы это признавать или нет, но на каком-то уровне объяснения или понимания, считающегося адекватным, надежным или принятым, субъективизм – явление повсеместное, независимо от того, в какой степени и каким образом мы обращаемся к убеждениям.

Перевод с английского Е. В. Виноградовой

В. С. Автономов

Памяти Марка Блауга (1927–2011)

Марк Блауг – наверно, самый известный после Шумпетера историк экономической науки. Он сказал свое веское слово также в экономической методологии и экономике образования. Его учебник-бестселлер «Экономическая теория в ретроспективе», книга «Экономическая методология: как экономисты объясняют», принадлежащие его перу сборники кратких портретов выдающихся экономистов «100 великих экономистов до Кейнса» и «100 великих экономистов после Кейнса» хорошо известны российскому читателю, но этот перечень далеко не исчерпывает его наследие. За свою долгую жизнь Марк Блауг побывал гражданином трех стран: Нидерландов, США и Великобритании, – и членом Британской и Королевской Нидерландской академий наук. Родился в Гааге, в семье еврейского промышленника, изготовлявшего плащи, детство провел в Амстердаме. Семье удалось покинуть оккупированную нацистами Голландию и выехать сначала в Лондон, а затем в Нью-Йорк, где Марк окончил колледж, а затем Городской университет Нью-Йорка. В аспирантуру, т. е. на Ph.D.-программу, Блауг поступил в более престижный нью-йоркский университет – Колумбийский, где его руководителем стал знаменитый Джордж Стиглер, будущий нобелевский лауреат, прославившийся не только как теоретик, но и как глубокий историк экономической науки. В Колумбийском университете преподавали в то время знаменитый исследователь экономических циклов Артур Бернс, будущий нобелевский лауреат Уильям Викри, видный институционалист Джон М. Кларк, автор «Великой трансформации» Карл Поланьи. Марк Блауг был человеком страстных интеллектуальных увлечений, но умел их переосмысливать и отвергать, когда обнаруживал, что они не ведут к истине. С юности ему были присущи вера в познаваемость мира и увлечение амбициозными теоретическими системами, претендовавшими на его объяснение. Первыми такими системами на его пути были марксизм и фрейдизм, которые, казалось, содержали ответы на все вопросы каждого человека в отдельности и человечества в целом. Увлечение марксизмом дошло до того, что студент Блауг вступил в Коммунистическую партию США, где, впрочем, продержался недолго и откуда в 1945 г. был исключен за расхождение с генеральной линией. Он проявил солидарность с руководителем партии Браудером, смещенным со своего поста по настоянию Москвы за то, что тот продолжал в некоторых вопросах поддерживать президента Рузвельта, когда бывшие союзники по антигитлеровской коалиции уже стали расходиться по разные стороны баррикад холодной войны. Однако разрыв с партией не привел к немедленному отказу от теоретического марксизма. Понадобилось еще семь лет наблюдений за мировыми событиями, внутренней работы и чтения бывших марксистов, отпавших от «всесильного учения» (среди них назовем Артура Кестлера), чтобы Блауг перестал считать себя марксистом. Последним «аргументом» стал ввод советских танков в Восточный Берлин в 1952 г., свидетелем которого он случайно оказался.

Марку Блаугу, как и многим американским ученым левых взглядов, пришлось пострадать от маккартизма. Причем роль здесь сыграло даже не бывшее членство в компартии, а то, что молодой преподаватель Блауг подписал петицию студентов Городского университета, где он вел занятия, зарабатывая средства на оплату колумбийской Ph.D.-программы. Студенты протестовали против увольнения по антикоммунистическим мотивам одной из коллег Блауга, а петицию у них, по правилам университета, могли принять, только если ее подпишет один из преподавателей. Единственным согласившимся это сделать и оказался Марк Блауг, второй раз пострадавший за сочувствие гонимым и попавший в критическое положение – его научная карьера оказалась под угрозой. Выручил кто-то из тайных доброжелателей, раздобыв грант на изучение экономической теории Рикардо и его школы в Лондоне. Давид Рикардо – основоположник «строгой теории» в экономической науке и непосредственный

предшественник Маркса-экономиста, но без политических крайностей последнего – оказался мыслителем, настолько близким Блаугу по духу, что он не только успешно защитил в 1954 г. диссертацию о взлете и падении школы Рикардо, но и назвал Давидом Рикардо своего старшего сына (младший, очевидно по причине любви родителей к музыке Вагнера, получил имя Тристан). 27-летний доктор философии был сразу же принят преподавателем истории экономической мысли (assistant professor) в славный Йельский университет. «Детская болезнь левизны» в жизни Марка Блауга постепенно проходила. Тем, кто встречал Марка Блауга в последние десятилетия его жизни – а к ним относится и автор этих строк, – трудно было догадаться о бунтарском прошлом этого элегантного, слегка надменного джентльмена, напоминавшего английского лорда (по крайней мере, в нашем понимании того, как должен выглядеть английский лорд). Но позиция Блауга в право-левом континууме политических воззрений не сменилась на противоположную. По его собственному признанию, он со временем стал придерживаться правых взглядов в области экономической политики, но сохранил левые убеждения в вопросах политики социальной. Особенно четко это проявилось в период правления М. Тэтчер, социальная политика которой вызвала его яростное неприятие.

Но это будет потом, а пока молодой лектор читает взыскательным йельским студентам курс истории экономической мысли. Итогом этой работы станет его самая известная книга, которая выйдет в свет в 1962 г., выдержит пять изданий и будет переведена на все основные языки, – «Economic Theory in Retrospect». По непонятной прихоти издательского редактора ее русский перевод получил название «Экономическая мысль в ретроспективе», что неверно: не мысль, а именно теория. Блауг продолжил здесь традицию Йозефа Шумпетера, создавшего первую историю экономического анализа, т. е. специальных методов и инструментов исследования, применяемых экономистами, в отличие от истории экономической мысли, т. е. мнений и взглядов по экономическим вопросам, принадлежащих как профессионалам, так и дилетантам. Но если Шумпетер снабдил свою историю анализа описанием широкого исторического, философского и прочего контекста, то Блауг осуществил его программу создания чистой истории экономического анализа на практике. Впрочем, здесь у Блауга был и непосредственный предшественник – научный руководитель его диссертации Джордж Стиглер с работой «Теории производства и распределения».

В заглавии учебника Блауга важно не только слово «теория», но и слово «ретроспектива». Достижения экономистов прошлого рассматриваются и оцениваются с учетом современного состояния экономической теории. Автор исходит из наличия кумулятивного прогресса в экономических исследованиях, его история является, говоря в терминах самого Блауга, «абсолютистской», а не «релятивистской». Надо сказать, что, несмотря на большой успех книги, Блауг впоследствии пересмотрел свой подход к истории экономической науки. В автобиографической статье для журнала «American Economist» Блауг написал, что абсолютистская интерпретация лишает историю идей всякого смысла и права на существование. Перемена точки зрения Блауга материализовалась, в частности, в вышедшей под его редакцией серии «Schools of Thought in Economics». Таким образом, и в этой области Блауг проявил склонность к переоценке ценностей. Но для того чтобы история экономических учений стала интересной для йельских студентов конца 1950-х гг., требовалось именно то, что было сделано Блаугом в этой книге. Вера в могущество современной экономической науки никогда не была так велика, как в те годы, когда казалось, что «великий неоклассический синтез» в теории и кейнсианская политика экономического регулирования на практике в значительной мере достигли великих целей познания и исправления мира. С точки зрения этого достигнутого величия история экономической науки, естественно, воспринималась как последовательность шагов в правильном направлении, которые были учтены в современной теории, и ошибок, которые вряд ли заслуживали внимания.

Так или иначе, в 1962 г. подошел срок, когда должен был решаться вопрос о том, будет ли Марку Блаугу предоставлен постоянный контракт (tenure) в Йельском университете. Очевидно, что он мог надеяться на успех, поскольку добился в своей области выдающихся результатов. Однако в Париж, где Марк исследовал историю французской текстильной промышленности XIX в., из Йеля пришло известие о том, что в университете не нуждаются в постоянной ставке профессора по истории экономических учений. Видимо, шок от этой новости был настолько сильным, что 35-летний исследователь решил сменить не только область своих изысканий, но и страну проживания. Блауг, по его собственному признанию всегда чувствовавший себя европейцем, решил поселиться в Лондоне. Свободное же место в Лондоне нашлось только в сфере экономики образования: в Институте образования требовалось читать лекции для повышающих квалификацию учителей и администраторов. Впрочем, лекционная нагрузка была невелика, так что основное время можно было посвящать исследованиям, за которые Блаугу пришлось браться с нуля. Преподавал Блауг и в Лондонской школе экономики. Вначале его неприятно удивила теоретическая незрелость новой для него области исследований – экономики образования, в которой господствовали весьма приземленные эмпирические работы. Но вскоре его вновь увлекла амбициозная теория – теория человеческого капитала Шульца и Беккера, которая обещала поставить экономику образования на научную основу. В итоге Блауг стал одним из признанных специалистов в области экономики образования, востребованным не только как теоретик, автор нескольких монографий, но и как эксперт. Он строит прогнозы численности рабочей силы и занятости, разрабатывает планы развития и финансирования образования для многих развивающихся стран по линии Международной организации труда. И вновь увлечение сменяется разочарованием: Блауг сталкивается с коррупцией и своекорыстием властей развивающихся стран, цель которых – получить деньги от международных организаций, а эксперты приглашаются только для того, чтобы помочь в этом «благородном деле», в остальном же их выводы остаются не востребованы. В теории человеческого капитала Блауг тоже перестал видеть универсальный ключ к решению проблем экономики образования – доходы людей зависят не только от того, что они знают, но и от того, как они себя ведут, какой сигнал посылают внешнему миру.

В середине 1970-х гг. Блауг возвращается к истории экономической науки и начинает активно заниматься ее методологией. Интерес к методологическим вопросам возник у Блауга ранее, когда он прочитал «Методологию позитивной экономической науки» Фридмана. Но решающий поворот к этой теме случился во время той же знаменательной стажировки в Париже в 1962 г., когда ему попала книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Взахлеб прочитав ее, он взялся за все другие произведения Поппера, и перед ним открылся новый мир. Кумиры юности Маркс и Фрейд не выдержали испытания критерием фальсификации – их всеобъемлющие теории нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Влияние трудов Поппера на Марка Блауга было чрезвычайно глубоким: даже стиль его методологических произведений своей безжалостной ясностью напоминает попперовский. Позднее, в Лондоне, он познакомился и подружился с Имре Лакатосом, философию науки которого воспринял как продолжение дела Поппера. В 1980 г. выходит книга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (2-е изд. – 1992 г.), в которой Блауг с наибольшей полнотой изложил свое методологическое кредо и дал критический анализ некоторых отраслей современной экономической теории. Можно сказать, что Марку Блаугу принадлежит самая серьезная попытка отстоять философию и методологию экономической науки, построенные на попперовских идеях. Думаю, что этому идеалу экономической теории, обращающейся к проблемам реального мира, – а такую теорию, по мнению Блауга, лучше основывать на эмпирически проверяемых выводах – он остался верен до конца и не подвергал его пересмотру. В этом духе выдержаны и его антиформалистические работы, одну из которых мы предлагаем вниманию читателей.

© Автономов В. С., 2015

М. Блауг ФОРМАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1950-х годов

Перевод сделан по: *Blaug M. The Formalist Revolution of the 1950s // Journal of the History of Economic Thought. 2003. Vol. 25. No. 2. P. 145–156.*

I. Введение

В 1950-е гг. в экономической науке произошло событие, которое не было по достоинству оценено большинством экономистов и даже профессиональными историками экономической мысли. Наша наука пережила интеллектуальную революцию не менее глубокую и важную, чем так называемая кейнсианская революция довоенных лет. Я называю ее формалистической революцией (*formalist revolution*), следуя примеру Уорда¹⁸, который первым распознал ту интеллектуальную трансформацию, которую претерпела экономическая теория после окончания Второй мировой войны.

Принято считать, что в период между двумя мировыми войнами в экономической науке главной тенденцией была борьба между институционалистами и неоклассиками. Однако, как нам недавно напомнили некоторые историки¹⁹, для описания состояния экономической науки в то время лучше всего подходит термин «плюрализм». То необыкновенно распространенное единообразие аналитического стиля среди экономистов, которое мы сегодня называем неоклассической экономической теорией, сложилось только в 1950-е гг. Преображение экономической науки в конце 1940-х и в 1950-е гг. точно названо «формалистическая революция», потому что оно отмечено тем, что экономисты стали отдавать форме экономического аргумента не просто предпочтение, но абсолютное предпочтение перед его содержанием. Это часто, хотя и не всегда, означало использование математического моделирования, потому что конечной целью была имитация пресловутой программы Гильберта в математической науке, т. е. полная аксиоматизация экономических теорий. Может быть, я преувеличиваю? Давайте рассмотрим некоторые из ведущих публикаций 1950-х гг.

Формалистическая революция 1950-х годов

1. Arrow «Social Choice and Individual Values», 1951.
2. Arrow and Debreu «Existence of Equilibrium for a Competitive Economy», 1954.
3. Patinkin «Money, Interest and Prices», 1956.
4. Solow «Technical Change and the Aggregate Production Function», 1957.
5. Koopmans «Three Essays on the State of Economic Science», 1957.
6. Dorfman, Samuelson and Solow «Linear Programming and Economic Analysis», 1958.
7. Debreu «Theory of Value», 1959.
8. Sraffa «Production of Commodities by Means of Commodities», 1960²⁰.

¹⁸ Ward B. What's Wrong with Economics? L.: Macmillan, 1972. P. 40–41.

¹⁹ Morgan M. S., Rutherford M. American Economics: The Character of the Transformation // From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / ed. by M. S. Morgan, M. Rutherford. Annual Supplement to Vol. 30: History of Political Economy. L.: Duke University Press, 1998. P. 21–25; Mehrling P. G. The Money Interest and the Public Interest: American Monetary Thought, 1920–1970. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; Yonay Y. P. The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economics in America between the Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998; Mirowski P. Machine Dreams: How Economics Became a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 157, 190.

²⁰ Arrow K. J. Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley & Son, 1951; Arrow K. J., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22. P. 265–290; Patinkin D. Money, Interest and Prices: An Interpretation of Money and Value Theory. Evanston, IL: Peterson, 1956. (2nd ed. Abridged; N.Y.: Harper & Row, 1989); Solow R. M.

У нас недостаточно времени, чтобы рассмотреть каждую из этих работ по отдельности²¹. Однако центральное место тут определенно занимает доказательство существования общего равновесия, принадлежащее Эрроу и Дебре. В этой работе аккуратно представлены все худшие черты формализма, которые сводятся не просто к применению математических методов в экономической теории, но скорее к общему преклонению перед математическим моделированием как перед самостоятельной конечной целью, а также к пониманию равновесного решения математически сформулированной экономической модели как окончательного ответа на вопрос, с которого, собственно, началось исследование.

Формалистическая революция сделала существование и детерминированность равновесия краеугольным камнем экономического анализа. Но что же в этом нового? Ведь нахождение равновесного решения той или иной модели всегда было целью экономической теории? И да и нет. Равновесие является конечным состоянием процесса, который мы, экономисты, называем конкуренцией. Экономический анализ может придавать особое значение либо природе конечного состояния, либо природе конкурентного процесса, который, вероятно, движется по направлению к конечному состоянию; но экономический анализ редко в одинаковой мере может акцентировать и то и другое. В своих «Основаниях экономического анализа» Самуэльсон подчеркивает значение сравнительной статики как прогностического инструмента теории цен²². Этот подход предполагает существование принципа, который Самуэльсон называет «принцип соответствия» и согласно которому анализ устойчивости равновесия дополняет исследование его детерминантов. Плодотворные теоремы в сравнительной статике, утверждал он, требуют четкого моделирования тех изменений, которые вызываются состоянием неравновесия. Однако мало кто осознает, что в ходе формалистической революции 1950-х гг. само понимание равновесия как процесса было настолько предано забвению, что то, что сегодня называется неоклассической ортодоксией, экономической теорией мейнстрима, состоит из теоретических построений вокруг исключительно статичного конечного состояния равновесия. Устойчивости равновесия уделяется совсем мало внимания: динамичный процесс коррекции сохранился только в неортодоксальной австрийской экономической теории или в столь же неортодоксальной эволюционной экономике. Позвольте мне объяснить, что я имею в виду.

II. Переформулировка Вальраса, осуществленная Эрроу и Дебре

Знаменитая работа Эрроу и Дебре 1954 г. по сей день рассматривается как чисто научное доказательство существования общего равновесия в рыночной экономике, воплощение того, о чем Вальрас мечтал восемьдесятю годами ранее. Однако с нашей точки зрения, эта работа также является идеальным примером того, как излишняя концентрация на природе равновесия может вытеснить анализ неравновесных процессов. Сразу после выхода в свет она стала превозноситься за смелое обращение к новым математическим методам, предполагающим замену дифференциального исчисления выпуклым анализом, за характеристику равновесия через теоремы о разделяющей гиперплоскости, а не через касательные, а также за при-

Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No. 3. P. 312–320; Koopmans T. C. Three Essays on the State of Economic Science. N.Y.: McGraw-Hill, 1957; Dorfman R., Samuelson P. A., Solow R. M. Linear Programming and Economic Analysis. N.Y.: McGraw-Hill, 1958; Debreu G. Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium. New Haven: Yale University Press, 1959; Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

²¹ См. подробнее: Blaug M. The Formalist Revolution of the 1950s // The Blackwell Companion to The History of Economic Thought / ed. by W. J. Samuels. Oxford: Basil Blackwell, 2003.

²² Samuelson P. A. Foundations of Economic Analysis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1947.

менение тогда относительно новых инструментов – теории игр и равновесия по Нэшу²³. Почти никто при этом не обратил внимания, что в этой работе – в одной из первых в экономической теории – был использован так называемый не прямой, неконструктивный доказательный метод современной математической науки.

Для подтверждения существования общего равновесия Эрроу и Дебре опирались на «теорему о неподвижной точке» Брауэра. Суть логики этой теоремы в том, чтобы доказать какой-либо вывод, продемонстрировав, что его нарушение связано с логическим противоречием, поскольку несовместимо с одной или несколькими аксиомами модели. Подобное «неконструктивное» доказательство перескакивает от аксиом модели напрямую к ее финальному результату: вместо того чтобы сконструировать пример доказываемого положения, в данном случае положения о существовании равновесия, неконструктивное доказательство сводится к тому, что равновесие логически заложено в одной или нескольких аксиомах²⁴. Современные доказательства существования равновесия *à la* Эрроу и Дебре неизменно неконструктивны в том смысле, что не пытаются показать, как достигается равновесие, но демонстрируют лишь, что существование равновесия логически предполагается определенными достоверными, не зависящими от каких-либо институтов предпосылками относительно экономического поведения. Можно сказать, что все эти доказательства подтверждают возможность существования равновесия, а не его действительное существование.

Более того, Эрроу и Дебре совершенно откровенно отрекаются от любых аргументов в пользу того, что теория общего равновесия позволяет дать точную описательную картину экономики. Чтобы доказать существование мультирыночного равновесия, им приходится предположить существование форвардных рынков для всех предлагаемых благ и услуг, наличие полного набора условных (contingent) товарных рынков, отсутствие свободных денежных остатков у индивидов, отсутствие запасов у субъектов рынка, отсутствие банковского кредита и т. д. И даже при всем этом выясняется, что они не могут пролить свет на единственность или устойчивость общего равновесия. Эрроу и Дебре признают: «Для такого исследования устойчивости потребовалось бы охарактеризовать динамику конкурентного рынка»²⁵. Не удивительно в таком случае, что они воспользовались относительно новым понятием равновесия по Нэшу, чтобы найти решение для «абстрактной экономики». Дело в том, что объяснение равновесия по Нэшу является негативным: равновесие по Нэшу в некооперативной игре таково, что независимая стратегия каждого игрока является наилучшим ответом на стратегии его или ее соперников и это верно для каждого игрока; коротко говоря, для такой игры не существует никакого равновесного решения, кроме равновесия по Нэшу, потому что в конечном счете никакой игрок не может улучшить результат. Обратите внимание, что при этом ничего не говорится о том процессе, который приводит к установлению равновесия; ни слова также не сказано об ожиданиях игроков, о верности их предположений относительно поведения других игроков, об их эпистемологических способностях к обучению и т. д. Равновесие здесь просто навязывается в качестве неподвижной точки, в которой закончились рыночные изменения²⁶.

²³ Weintraub E. R. *Stabilizing Dynamics: Constructing Economic Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 104–107.

²⁴ Простое объяснение теорем о неподвижной точке см.: Dorfman R., Samuelson P. A., Solow R. M. *Linear Programming and Economic Analysis*. P. 371–375. «Теория общественного выбора» Эрроу (Arrow K. J. *Social Choice and Individual Values*), вышедшая за три года до работы Эрроу и Дебре, является даже лучшим примером использования метода косвенного доказательства. В ней Эрроу постулирует набор правдоподобных условий, которые накладывают ограничения на функции благосостояния индивида и общества, а затем предлагает читателю математическое доказательство того, что невозможно удовлетворить всем этим условиям одновременно иначе, чем при диктатуре (Mirowski P. *Machine Dreams*. P. 303–305). Эта теорема невозможности, похоже, предполагает, что в условиях демократии коллективный выбор должен ограничиваться двумя альтернативами, но такой вывод связан с политическим устройством общества, а этот вопрос Эрроу не обсуждает.

²⁵ Arrow K. J., Debreu G. *Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy*. P. 266.

²⁶ Weintraub E. R. *Stabilizing Dynamics*. P. 108.

Очевидно, что статья Эрроу и Дебре – это оголтелый формализм. Некогда экономическая задача (вопрос о том, возможно ли вообще одновременное мультирыночное равновесие в реальной экономике) превратилась у них в математическую задачу о воображаемой экономике, и эта задача решается не по стандартам экономической науки, но по математическим стандартам²⁷. Это чистой воды бурбакизм, названный так в честь группы французских математиков, которые с 1939 г. продолжают работать над энциклопедическим трудом о математических структурах, иллюстрирующих Гильбертов аксиоматический метод²⁸. Дебре сам провозгласил себя бурбакианцем и разработал собственную теорию ценности, в которой превозносил преимущества формальной аксиоматизации: «Приверженность строгой научности диктует нам аксиоматическую форму анализа, при которой теория в узком смысле слова логически полностью отделена от своей интерпретации»²⁹. Купманс двумя годами ранее дал простое изложение этой новой бурбакианской экономической теории децентрализованного принятия решений³⁰.

III. Взлет и падение теории игр

Одна из исторических загадок рассматриваемого нами периода – это практически полное исчезновение теории игр в 1950-е и 1960-е гг., последовавшее за ее громким появлением на экономической сцене в 1944 г., когда была опубликована «Теория игр и экономическое поведение» фон Неймана и Моргенштерна. Нет никаких сомнений в том, что большинство экономистов разочаровалось в ранней теории игр. Возможно, это произошло потому, что она предлагала конкретные решения только для кооперативных игр с нулевой суммой, что для экономической науки малоактуально³¹. Однако после почти полного забвения теория игр вновь вернула себе утраченную популярность в 1970-е гг., став при этом чуть ли не единственным в экономической науке языком для анализа интерактивного поведения рациональных акторов. Учитывая тот факт, что теория игр является, возможно, уникальным примером математической теории, явно изобретенной для применения в общественных науках, ее упадок, продлившийся почти целое поколение, выглядит столь же загадочным, как и ее триумфальное возвращение в последние двадцать лет³².

Ключом к пониманию падения и взлета теории игр в экономической науке являются исчезновение неравновесного анализа из вальрасианской микроэкономики и растущее внимание к конечному состоянию равновесия, что отличало ортодоксальную экономическую теорию в 1950-е гг. В период между двумя мировыми войнами и микроэкономика, и теория экономического цикла уделяли наибольшее внимание тому, что Джоколи³³ называет «как и почему?» равновесного анализа. Равновесие с давних времен представлялось экономистами как баланс сил, но в 1920-е гг. Хайек порвал с этим стандартным механистическим пониманием равновесия. Он опубликовал серию эссе, описывающих динамическую концепцию равновесия

²⁷ Walker D. A. *Advances in General Equilibrium Theory*. Cheltenham: Edward Elgar, 1997. Ch. 4.

²⁸ Weintraub E. R., Mirowski P. *The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics // Science in Context*. 1994. Vol. 7. No. 2. P. 245–272; Mirowski P. *Machine Dreams*. P. 392–394.

²⁹ Debreu G. *Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium*. P. 3.

³⁰ Koopmans T. C. *Three Essays on the State of Economic Science*.

³¹ Luce R. D., Raiffa H. *Game and Decisions*. N.Y.: Wiley, 1957. P. 10–11; Dorfman R., Samuelson P. A., Solow R. M. *Linear Programming and Economic Analysis*. P. 445.

³² Миrowsки замечает об этом: «Когда будет писаться история экономической науки последней четверти XX в., самым важным и необъяснимым явлением будет падение и взлет теории игр, прошедшей весь путь от малозначимого придатка исследования операций и теории принятия решений до центрального элемента ортодоксальной неоклассической экономической теории» (Mirowski P. *Machine Dreams*. P. 479).

³³ Giocoli G. *Fixing the Point: The Contribution of Early Game Theory to the Tool Box of Modern Economics / Department of Economics, University of Pisa: [Unpublished paper]*. Pisa, 2000; Giocoli G. *Equilibrium and Rationality in Modern Economics: From the Years of “High Theory” to the Foundation of Modern Game Theory: Ph.D. thesis / Università degli Studi di Firenze*. Firenze, 2000.

как ситуации, в которой все планы экономических агентов постепенно приводятся в соответствие друг с другом и становятся согласованными, т. е. подтверждающими их ожидания³⁴. Коротко говоря, центральным вопросом экономической науки до войны был вопрос о том, как именно мотивируемые собственными интересами агенты в контексте многопериодной модели принятия решений учатся формулировать и пересматривать свои планы и ожидания. Однако ранняя теория игр в том виде, в каком она описывается в произведении Неймана и Моргенштерна, выросла не из тех вопросов, которые волновали ортодоксальную экономическую теорию перед войной, но из математического формализма, ведущего свое начало от Гильберта. Среднестатистическому экономисту интересующего нас десятилетия (1950-х гг.), несмотря на усилия Эрроу и Дебре, было тяжело принять концепцию равновесия, основанную на доказательствах, связанных с теоремой о неподвижной точке, потому что эти доказательства нельзя было никак содержательно проинтерпретировать применительно к процессу достижения этого равновесия. Поэтому экономисты неохотно признавали раннюю теорию игр. Не сразу было усвоено также и понятие равновесия по Нэшу, сегодня распространенное повсеместно, потому что в работе Нэша, опубликованной в 1951 г., идея равновесия отстаивалась при помощи негативного доказательства, связанного с неподвижной точкой. В своей докторской диссертации Нэш предложил позитивное доказательство собственной концепции равновесия, прибегнув к тому, что он назвал «массовым действием» (mass action)³⁵ и что мы теперь называем «эволюционной» интерпретацией³⁶. Речь здесь идет об итеративном процессе приспособления. Ограниченно рациональные игроки, предположил Нэш, постепенно учатся корректировать собственные стратегии, чтобы получать большее вознаграждение, наблюдая за другими игроками, и этот процесс со временем приводит к наступлению равновесия по Нэшу. Однако по совету своего научного руководителя Дэвида Гейла Нэш убрал страницы, где об этом говорилось, из печатной версии диссертации, опубликованной в сборнике «Annals of Mathematics» 1951 г.³⁷ Вместо них он использовал аргумент Неймана и Моргенштерна, гласивший, что если бы каждый игрок имел одинаковые знания о структуре игры и был бы гиперрациональным, т. е. умел бы мгновенно производить совершенные расчеты, да еще вдобавок все игроки обладали бы совершенной эмпатией (несмотря на отсутствие какой-либо коммуникации друг с другом), то тогда равновесие в игре непременно оказалось бы набором выигрышей, а его нарушение было бы несовместимо с этими предпосылками³⁸. Это как раз пример того, что ранее мы называли негативным доказательством существования равновесия.

Вся критика, которой издавна подвергалась классическая теория дуополии (почему дуополисты, несмотря на опыт, должны продолжать близоруко ожидать постоянных реакций от своих конкурентов?), была отмечена, когда Нэш предложил перескочить напрямую к финальному долгосрочному равновесию, игнорируя длительный процесс приспособления, ведущий к этому равновесию³⁹. Теперь равновесие можно было описать, не вдаваясь в неудобные подробности о том, кто, собственно, объявляет определенную наконец-то цену.

³⁴ *Ingrao B., Israel G.* The Invisible Hand: Economic Equilibrium in the History of Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. Ch. 8; *Weintraub E. R.* Stabilizing Dynamics. Ch. 2, 5.

³⁵ *Nash J. F.* Essays in Game Theory. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. P. 32–33.

³⁶ *Milath G. J.* Do People Play Nash Equilibrium? Lessons from Evolutionary Game Theory // *Journal of Economic Literature*. 1998. Vol. 36. No. 3. P. 1347–1374.

³⁷ *Leonard R. J.* Reading Cournot, Reading Nash: The Creation and Stabilisation of Nash Equilibrium // *Economic Journal*. 1994. Vol. 104. No. 424. P. 492–511; *Jacobsen H. J.* On the Foundations of Nash Equilibrium // *Economics and Philosophy*. 1996. Vol. 12. No. 1. P. 67–88.

³⁸ *Mirowski P.* Machine Dreams. P. 339–349.

³⁹ Кен Бинмор справедливо отмечал: «Работа Нэша, вышедшая в 1951 г., не просто позволила экономистам оценить широчайший спектр возможных способов применения идеи равновесия по Нэшу, но также освободила их от прежней необходимости объяснять динамику процесса уравнивания перед тем, как переходить непосредственно к обсуждению того равновесия, к которому этот процесс должен привести в долгосрочной перспективе» (*Nash J. F.* Essays in Game Theory. P. xii).

Когда Эрроу и Дебре в 1950-е гг. применили теорию игр и равновесие по Нэшу, чтобы доказать существование общего равновесия, формалистическая революция еще находилась на ранней стадии развития. Потребовался еще десяток или более лет формализма и бурбанизма, чтобы сломить сопротивление, оказанное экономистами теории игр и доказательству существования некооперативного равновесия, основанному на неподвижной точке. Только в 1970-е гг. равновесие по Нэшу было принято в качестве базовой концепции равновесия неоклассической экономической теории, после чего, разумеется, оно было объявлено воплощением того принципа рациональности, который всегда был важнейшей чертой экономической теории.

IV. Возвращаясь к Вальрасу

Мы описали работу Эрроу и Дебре как краеугольный камень вальрасианской программы, но теперь мы должны попытаться оценить их достижение в том виде, в каком оно представляется нам полвека спустя. Распространение концепции равновесия как конечного состояния и почти полное исчезновение понятия равновесия как процесса – а именно этого, как я считаю, добились Эрроу и Дебре – уходят корнями в труды самого Вальраса, который, постепенно отдаляясь от первой редакции «Элементов чистой политической экономии», позволил вопросу о существовании равновесия вытеснить вопросы о единственности и устойчивости равновесия.

Судьба «Элементов» Вальраса сложилась схоже с судьбой «Теории игр и экономического поведения» Неймана и Моргенштерна. После смерти Вальраса в 1910 г. книга стала постепенно забываться, и к 1930 г. в мире было едва ли более полудюжины экономистов, которые хотя бы просто прочитали Вальраса, не говоря уже о том, чтобы его понять. Это состояние полного забвения сменилось постепенным возрождением, которое в послевоенные годы вывело теорию общего равновесия на передний край экономической науки. Хикс, Хотеллинг, Ланге и Самуэльсон были теми, кто в золотое десятилетие 1930-х гг. способствовали возвращению теории общего равновесия⁴⁰. В трудах этих ранних защитников Вальраса теория общего равновесия выступает как квазиреалистичное описание рыночной экономики, прекрасно подходящее для решения практических вопросов, таких как определение целесообразности «рыночного социализма». Но в работах современных венских математиков теория общего равновесия стала постепенно аксиоматизироваться, все дальше уводиться от любых вопросов, связанных с тем, насколько она близка к реальной жизни, не говоря уже о ее эмпирической проверке. Это непосредственно и привело к написанию работы Эрроу и Дебре, а также к выходу «Теории ценности» Дебре, где теория общего равновесия отстраивается как самодостаточная математическая структура, не имеющая обязательной связи с реальностью или, в лучшем случае, как в работе Эрроу и Хана «Общий анализ конкуренции»⁴¹, чисто формально описывающая определение экономического равновесия в идеализированной децентрализованной конкурентной экономике.

Учитывая, что такая фундаментальная переоценка наследия Вальраса произошла менее чем за одно поколение, это поистине одно из самых выдающихся изменений гештальта (*gestalt-switches*) в интерпретации значительной экономической теории за всю историю экономической мысли.

⁴⁰ *Blaug M.* Competition as an End-State and Competition as a Process // *Not Only an Economist: Recent Essays*. Cheltenham: Edward Elgar, 1997. P. 77–78; *Samuelson P. A.* How “Foundations” Came to Be // *Journal of Economic Literature*. 1989. Vol. 36. No. 3. P. 1384n.

⁴¹ *Arrow K. J., Hahn F.* General Competitive Analysis. San Francisco: Holden Day, 1971. (Mathematical Economics Texts. Vol. 6).

V. Устарела ли теория общего равновесия?

Давайте коротко остановимся на том, что произошло с неовальрасианской исследовательской программой где-то через пятьдесят лет после Эрроу и Дебре. Доказательство существования равновесия, предложенное Эрроу и Дебре, сегодня так же неопровержимо, как и в 1954 г., пусть даже только потому, что использованный ими метод косвенного доказательства логически безупречен и не может быть пересмотрен в свете новых фактов, поскольку имеет дело лишь с принципиальной согласованностью обмена между чисто виртуальными агентами. Однако о чем это говорит – совсем другой вопрос. Не ясно, как и почему данный негативный метод доказательства вообще стал представлять интерес для экономистов, учитывая, что он не имеет ничего общего ни с каким узнаваемым экономическим механизмом. Даже если мы предположим, что предпосылкой исследования действительно является отсутствие неравновесных цен, почему-то в ходе доказательства ни разу не поднимается интересный вопрос о том, как обмен, основанный на предопределенных равновесных ценах, может быть реализован. В самом деле, Эрроу и Дебре просто-напросто отказались от идеи продемонстрировать связь между математическим решением проблемы существования равновесия и результатом рыночных взаимодействий агентов. Коротко говоря, в теории общего равновесия, т. е. в неовальрасианской микроэкономике, не хватает всего лишь одного элемента – конкурентного взаимодействия между участниками сделок на реальных рынках. Мы забыли, как удачно выразился Клауэр⁴², что «на невидимой руке есть еще и “пальцы”»⁴³.

Оставим теперь проблему существования равновесия. Относительно его единственности было доказано, что общее равновесие подразумевает один и только один ценовой вектор тогда и только тогда, когда все товары являются приблизительными субститутами друг друга; эта предпосылка, мягко говоря, выглядит маловероятной. Наконец, существует еще критически важный вопрос устойчивости. Статические свойства равновесия не имеют практического значения, если они не способны устоять перед небольшими колебаниями и быстро восстановиться после отклонений от равновесия. Верить в эмпирическую значимость теории общего равновесия – значит полагаться на устойчивость равновесия в динамике⁴⁴. Далее, нужно сказать, что гипотеза об относительной стабильности действительно обладает интуитивной правдоподобностью, поскольку, как однажды сказал Самуэльсон⁴⁵, «как часто читателю приходилось видеть, чтобы яйцо стояло на одном из концов?» Но это, вероятно, объясняется действием неценовых механизмов координации, таких как преобладающие обычаи, правила и процедуры рынка, технологические ограничения и т. д. Все эти механизмы мало способствуют формированию стабилизирующих свойств моделей ценообразования, основанных на общем равновесии. Подобные стандартные предпосылки об устойчивости, восходящие к Вальрасову анализу «нащупывания» (*tâtonnement*) и гласящие, что цена каждого товара изменяется пропорционально избыточному спросу на него, не предопределяются ни одним из общепринятых рыночных институтов или правдоподобных правил поведения⁴⁶. Несмотря на наличие обширной литературы на тему локальной и глобальной устойчивости, дискуссия пока что зашла в тупик: мы не только не можем доказать, что конкурентные рынки неизменно устойчивы, но мы даже не понимаем толком, какие именно особенности рынков делают их

⁴² Clower R. C. Economics as an Inductive Science // Southern Economic Journal. 1994. Vol. 60. No. 4. P. 806.

⁴³ См.: Costa M. L. General Equilibrium: Analysis and the Theory of Markets. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. Ch. 4.

⁴⁴ Fisher F. M. Disequilibrium Foundations of Equilibrium Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 2, 3, 17, 216.

⁴⁵ Samuelson P. A. Foundations of Economic Analysis. P. 5.

⁴⁶ Walker D. A. Advances in General Equilibrium Theory. Ch. 5.

более или менее устойчивыми⁴⁷. Так, в одном из основных учебников по микроэкономике вначале объявляется, что доказательство Эрроу и Дебре является одним из величайших достижений современной экономической науки, а затем признается, что «экономисты хорошо (или мы надеемся, что хорошо) умеют распознавать состояние равновесия, но плохо умеют предсказывать конкретно, как будет развиваться экономика, находящаяся в состоянии неравновесия»⁴⁸.

Мы пришли к любопытному выводу о том, что равновесие в теории общего равновесия не считается ни единственным, ни устойчивым и что само его существование можно продемонстрировать только косвенно, при помощи негативных доказательств. Тем не менее теория общего равновесия продолжает считаться фундаментальной основой теоретического дискурса и базой вычислимых макроэкономических моделей. Она даже признается основой основ в оценке проектов экономики благосостояния⁴⁹. А может, перед нами еще один пример «голового короля»?⁵⁰

VI. Реакция на провал теории общего равновесия

Очевидная неспособность теории общего равновесия достичь заявленной цели, т. е. обеспечить научные решения проблем существования, единственности и устойчивости равновесия, вызвала несколько типов реакции. Одни экономисты стали утверждать, что теория общего равновесия, несмотря на свою ограниченность, может каким-то образом быть применена негативно, для того чтобы опровергнуть определенные распространенные экономические предположения. Именно такой была классическая защита теории общего равновесия Фрэнка Хана, и я многократно выступал против этого подхода, который мне напоминает *джиу-джитсу*⁵¹. Другие просто подстраховались в надежде, что в любой момент теория общего равновесия будет внезапно и таинственно преображена дозой реализма⁵². Интереснее других выступил Вайнтрауб, который защищал теорию общего равновесия при помощи «конструктивизма». Для Вайнтрауба «равновесие является характеристикой наших моделей, а не мира», а устойчивость равновесия не является чем-то, существующим «где-то в экономике»⁵³. Его исследование литературы на тему устойчивости равновесия является примером «конструктивизма». Знание в науке, утверждает он, конструируется социально в том смысле, что оно имеет значение только в пределах дискурса соответствующего сообщества, в данном случае сообщества экономистов-теоретиков. Таким образом, вопросы о научной достоверности или эмпирическом подкреплении теории общего равновесия не имеют значения хотя бы потому, что теоретики, играющие в Витгенштейнову языковую игру под названием «теория общего равновесия», не задаются подобными вопросами. Книга написана старательно, почти болезненно конструктивистски в том смысле, что автор ни одобряет, ни критикует эпистемологические утверждения теории общего равновесия.

Конструктивизм имеет множество значений. В своей наиболее крайней форме он утверждает, что научное знание, включая экономическое, является продуктом намеренной человеческой деятельности и, следовательно, по сути, «изделием»: оно скорее создается, чем откры-

⁴⁷ *Ingrao B., Israel G.* The Invisible Hand. P. 361–362.

⁴⁸ *Mas-Colell A., Whinston M. D., Green R.* Microeconomic Theory. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 620; см. также: *Luenberger D. G.* Microeconomic Theory. N.Y.: McGraw-Hill, 1995. P. 224.

⁴⁹ *Starr R. M.* General Equilibrium Theory: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 151, 194.

⁵⁰ *Kirman A.* The Intrinsic Limits of Modern Economic Theory: The Emperor Has No Clothes // *Economic Journal*. 1989. Vol. 99. No. 395. P. 126–139.

⁵¹ *Blaug M.* The Methodology of Economics. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Ch. 8.

⁵² *Ingrao B., Israel G.* The Invisible Hand. P. 362.

⁵³ *Weintraub E. R.* Stabilizing Dynamics. P. 108–109.

вается⁵⁴. Непонятно, почему Вайнтрауб готов так далеко зайти. Должны ли мы действительно поверить, что утверждения, опирающиеся на предположения сравнительной статики (например, что рост пособий по безработице приведет к росту безработицы), являются лишь допущениями о логических свойствах моделей и ничего не говорят нам о состоянии мира? Что произошло с «правилами соответствия», которые все мы связываем с экономическими теориями, явно или не явно? Когда экономистам говорят, что налог на масло увеличит равновесную цену масла, они знают из «правил соответствия» теории рыночного равновесия, что этот вывод верен только при такой-то эластичности спроса по цене. Они будут рассматривать это предположение как достаточно актуальное для практической деятельности, потому что оно содержит определенное заявление о природе реальности, а не просто ходы в языковой игре.

Вайнтраубова «конструктивистская» интерпретация равновесия – это завершающий этап его долгого пути через несколько книг и много лет к созданию неуязвимой аргументации в защиту теории общего равновесия. Если общее равновесие не является реальной ситуацией, которая гипотетически может наступить, но является лишь эвристическим методом, ориентиром, фигурой речи, то спрашивать, существуют или отсутствуют рынки того или иного блага или обладают ли агенты совершенным даром предвидения, примерно так же имеет смысл, как спрашивать, действительно ли простых чисел существует бесконечное множество или действительно ли квадратный корень отрицательного числа определяется только в терминах мнимых чисел i . Но все это неважно, так как, что бы мы сегодня ни сказали, Эрроу и Дебре, последователи Вальраса и Парето, не говоря уже о самих Вальрасе и Парето, не сомневались в том, что теория общего равновесия занимается существенными вопросами, имеющими непосредственное отношение к реальной жизни и экономической политике.

VII. Совершенная конкуренция и прочее

Во всей этой истории остался еще один элемент, который мы до сих пор игнорировали, но теперь должны вернуться к нему, чтобы завершить беседу о недостатках теории общего равновесия. Это концепция совершенной конкуренции, которая, как это ни удивительно, была изобретена Курно в 1838 г.⁵⁵ Данная концепция сама по себе, а также связанные с ней аналитические традиции, в частности концентрация внимания на конечном состоянии конкурентного равновесия, при котором фирмы выступают исключительно как пассивные ценополучатели, были чужды не только великим экономистам классического периода, но даже ранним маржиналистам последней четверти XIX в. (исключая лишь Эджуорта). Модель совершенной конкуренции, которую теперь мы считаем стандартной в неоклассической микроэкономике, впервые появилась в трудах Фрэнка Найта в 1920-е гг., а затем окрепла и превратилась в догму благодаря распространению теории несовершенной и монополистической конкуренции в 1930-е гг.⁵⁶

Для этого потребовалось исключить гипотезу о том, что рынки могут приспосабливаться не через цены, а через количества или, во всяком случае, что рынки могут быстрее приспосабливаться через количества, чем через цены. Маршалл и Вальрас всегда расходились во мнениях относительно условий устойчивости конкурентного рынка, но ни один из них так

⁵⁴ Ziman J. *Real Science: What It Is, and What It Means*. Chicago: Chicago University Press, 2000. P. 333–339.

⁵⁵ Machovec F. M. *Perfect Competition and the Transformation of Economics*. L.: Routledge, 1995. Ch. 2; Blaug M. *Competition as an End-State and Competition as a Process*. P. 67–71; Kirzner I. *Competition and the Market Process: Some Doctrinal Milestones // The Process of Competition* / ed. by J. Kraft. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. P. 11–26.

⁵⁶ Machovec F. M. *Perfect Competition and the Transformation of Economics*. Ch. 8; Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 68; *Competition* / ed. by J. High. Cheltenham: Edward Elgar, 2001. P. xiii – xlv.

и не прояснил, что это расхождение касалось конкретно процесса конкуренции⁵⁷. Для Маршалла парадигматическим случаем рыночного приспособления была экономика производства, в которой производители-продавцы корректируют выпуск продукции в ответ на высокую цену спроса, в то время как для Вальраса таковым была экономика обмена, в которой покупатели корректируют свои ценовые предложения в ответ на излишний спрос, который, как предполагается, является типичным. Возрождение теории общего равновесия в 1930-е гг. похоронило саму идею корректировки количеств даже на рынках труда. Когда же в 1950-е гг. началась формалистическая революция, почти абсолютный запрет на анализ неравновесия окончательно утвердил корректировку цен как единственный возможный способ реакции рынков на потрясения. По мере того как экономическая наука становилась все более статической, все неценовые формы конкуренции: удачное расположение, инновационные продукты, рекламные войны, быстрая доставка, улучшение качества технического и гарантийного обслуживания и т. д., – оказались переданы таким непрестижным научным дисциплинам, как маркетинг и бизнес-менеджмент. Даже теория отраслевых рынков – единственная область экономической науки, благодаря которой у студентов была бы надежда узнать что-нибудь о конкуренции, – в 1970–1980-е гг. уцелела в стандартном учебном плане экономических факультетов университетов, только приняв теорию игр в качестве основного аналитического инструмента.

Совершенная конкуренция никогда не существовала и никогда не могла существовать, в этом единогласно сходятся все учебники⁵⁸, однако реальный мир, говорят нам, приблизительно похож на идеализированный мир совершенной конкуренции. Откуда нам это известно? Так об этом свидетельствуют исторические аналогии. Именно неформальные, ненаучные оценки убеждают нас в том, что конкурентные рынки работают лучше, чем централизованно планируемые экономики. Рыночная экономика информационно экономна, технически динамична и отзывчива к потребительскому спросу, поэтому мы оцениваем капитализм выше социализма, несмотря на присущие ему периодические экономические кризисы и неравномерное распределение доходов⁵⁹. Коротко говоря, мы оцениваем систему частного предпринимательства в терминах динамических последствий процессов, происходящих на рынке, оставляя все прекрасные статические свойства конечного состояния равновесия для экзаменационных вопросов.

VIII. Заключение

Центральный вопрос ортодоксальной довоенной микроэкономики: как достигается рыночное равновесие? – был отодвинут в сторону с началом формалистической революции 1950-х гг. В теории общего равновесия вопрос о существовании общего равновесия как такового стал настолько важнее вопроса о пути к этому состоянию равновесия, что полностью поглотил его. Даже теория игр посчитала этот вопрос не требующим доказательства, потому что ее определение равновесия как результата игры имеет смысл, когда мы уже нашли решение, но никак не объясняет, как мы к нему пришли⁶⁰. Тот факт, что все зависит от всего осталь-

⁵⁷ *Blaug M. Competition as an End-State and Competition as a Process. P. 72–76.*

⁵⁸ *Blaug M. Economic Theory in Retrospect. P. 70–71.*

⁵⁹ *Nelson R. R. Assessing Private Enterprise: An Exegesis of Tangled Doctrine // Bell Journal of Economics. 1981. Vol. 2. No. 1. P. 93–111 (переиздано в: The Legacy of Friedrich von Hayek / ed. by P. J. Boettke. Vol. III. Cheltenham: Edward Elgar, 1999. P. 80–98).*

⁶⁰ *Как было сказано у Дози и Уинтера: «Эволюционные теории имеют общий методологический императив: динамика важнее всего! То есть объяснение того, почему что-либо существует или почему переменная принимает то или иное значение, должно опираться на отчет о том процессе, в ходе которого объясняемое явление стало таким, каким оно стало» (Dosi G., Winter S. G. Interpreting Economic Change: Evolution, Structure and Games // The Economics of Choice, Change and Organizations. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2002. P. 146). Отличительная черта всех объяснений экономических явлений на основе*

ного, не является основанием считать, что все зависит от всего одновременно и мгновенно, без того, чтобы прошло какое-то реальное время. Это не повод считать, что цены или количества никогда не бывают неподвижными, что, раз информация обычно бывает симметричной для обеих сторон рынка, то отсутствующих рынков быть не может, что принятие цен в состоянии неравновесия так же универсально, как и в состоянии равновесия. Коротко говоря, метафора, сводящая определение цен к математическому решению систем уравнений, может ввести в заблуждение. Я бы даже сказал, что одномоментность определения цены, которая глубоко укоренилась в теории общего равновесия, с течением времени зарекомендовала себя как исключительно обманчивая метафора. Лучший способ *не* узнать, как работают рынки и как в реальности работает конкурентная экономика, – это изучение теории общего равновесия.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

История экономической науки

В. С. Автономов

Самая значительная перемена в истории экономической науки: возвращаясь к осмыслению маржиналистской революции

Так называемая маржиналистская революция – наверно, самая увлекательная тема в истории экономической науки. Еще бы: наука меняет метод, предмет и даже имя и все это в течение каких-то трех лет – с 1871 по 1874 г.! Правда, более пристальный взгляд обнаруживает, во-первых, что у троих «революционеров»: Менгера, Джевонса и Вальраса – было довольно много предшественников в разных странах. И если одни из них: Дюпюи, Тюнен и проч. – разрабатывали каждый какой-то ограниченный аспект маржиналистского анализа, то Госсен в 1854 г. изложил теорию предельной полезности практически в готовом виде. В знак признания его заслуг последующие экономисты назвали основные положения этой теории «законами Госсена», но сам автор, огорченный неприятием публикой его труда, ушел из жизни, об этом так и не узнав. Следовательно, опыт маржиналистской революции, скорее, учит нас тому, что ценные идеи несколько раз появляются и отвергаются (а чаще просто не замечаются) в истории экономической науки, пока не складываются условия для их восприятия. Примерно такая же ситуация возникла в связи с другой революцией – кейнсианской (вспомним хотя бы работы Калецкого и Кана, предшествовавшие «Общей теории» Кейнса).

Во-вторых, что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж. С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не ускользала от внимания исследователей, в частности отца Леона Вальраса – Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась. А в немецкоязычном сообществе, для которого писал Менгер (посвящение «Оснований учения о народном хозяйстве» Рошеру позволяет утверждать, что аудитория Менгера не ограничивалась Австрией), дело вообще закончилось победой исторической школы и изгнанием маржиналистов из немецких университетов.

В-третьих, даже в тех странах, где маржиналистская революция победила, это произошло только в 1890-е гг. усилиями второго поколения маржиналистов (Маршалла, Бем-Баверка, Визера, Парето).

Таким образом, даже если рассматривать только временной аспект, маржиналистская революция предстает перед нами как своего рода оптический обман, присущий нашему времени: как только мы наводим на события XIX в. достаточно мощную подзорную трубу, революция размывается, превращаясь в долгий, прерывистый процесс с длительными паузами и даже моментами возвратного движения. Действительно, мы можем, скорее, говорить о «постепенном трансформировании старых идей»⁶¹. Это впечатление оптического обмана еще усиливается, если навести наш прибор на различия между самими тремя богатырями-основоположниками. Именно сходству и различию между ними посвящен данный раздел «Истоков». Но здесь необходимо краткое предисловие. В главах своих трудов, посвященных маржиналист-

⁶¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 287.

ской революции, такие выдающиеся историки экономической науки, как Шумпетер и Блауг подробно и по-разному писали о глубоких различиях между теориями Менгера, Джевонса и Вальраса.

Шумпетер считал, что важнейшим достижением революции в теории ценности и распределения является система общего равновесия, до которой дошел один лишь Вальрас. Предельная полезность сама по себе была лишь «лестницей», по которой Вальрас «поднялся» к своей системе общего равновесия. В теории полезности Джевонса и Менгера мы должны видеть зародыш теории общего равновесия⁶². Их, по мнению Шумпетера, подвела несовершенная техника анализа, не позволившая им пройти все ступеньки той же самой лестницы. Джевонс и Менгер, считает Шумпетер, были не правы, видя «квинтэссенцию своих инноваций» в предельной полезности, а не в том, что они изобрели «эвристически полезный методологический инструмент» для построения системы общего равновесия. Таким образом, Шумпетер выделяет из тройки Вальраса как наиболее преуспевшего в решении задачи, которая представляется важнейшей самому Шумпетеру. Здесь Шумпетер предстает перед нами как истинный историк *экономического анализа*, причем историк, сам расставляющий приоритеты в этой области. Всем известна фраза Шумпетера: «...в том, что касается чистой теории, по моему мнению, величайшим из всех экономистов является Вальрас»⁶³. Но часто цитируют лишь вторую ее часть, хотя оговорка про чистую теорию является крайне важной. Она означает, что если мы согласны с тем, что чистая теория является важнейшей составной частью экономической науки, то нам следует превознести Вальраса над двумя другими сооснователями маржинализма. Если же мы считаем, что чистая теория излишне абстрактна и слабо связана с реальностью, то мы можем, напротив, похвалить Джевонса и Менгера за их реалистичность (что и делает Сандра Пирт в статье, помещенной в данном разделе).

Согласно Блаугу, можно говорить даже о трех «смежных» революциях: «революции предельной полезности в Англии и Америке, субъективистской революции в Австрии и революции общего равновесия в Швейцарии и Италии»⁶⁴. Если же выделять кого-то одного, то, конечно, Менгера: «можно найти значительно больше оснований, чтобы увязать Джевонса и Вальраса скорее с Госсеном, чем с Менгером»⁶⁵. Основания очевидны: Менгер «избегал математических формулировок и, следовательно, непосредственной логики экстремальных задач; он сформулировал второй закон Госсена только в словесной форме и, несомненно, не выделял его... он отвергал теорию ценности на основе издержек... с глубоким подозрением относился ко всем детерминистским теориям ценообразования и подчеркивал явления разрывности, неопределенности и торгов вокруг рыночной цены»⁶⁶.

Эти особенности унаследовали от Менгера и все последующие представители австрийской школы, что позволило ей сохранить обособленность от неоклассического мейнстрима по сей день. Но очевидно, что субъективизм и отсутствие математики, с точки зрения Блауга, являются недостатками. Не случайно австрийской школе в его книге посвящена лишь глава о теории капитала и процента Бем-Баверка.

Новый подход к проблеме «третьего лишнего» основоположника маржиналистской революции продемонстрирован в статье Уильяма Жаффе, занимающей центральное место в данном разделе. Значение этой статьи в историографии маржиналистской революции столь велико, что ее двадцатилетнему юбилею был посвящен специальный мини-симпозиум журнала

⁶² Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 1211.

⁶³ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 1090.

⁶⁴ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 288.

⁶⁵ Там же. С. 285.

⁶⁶ Там же.

«American Journal of Economics and Sociology», материалы которого мы также здесь публикуем. Новизна подхода заключалась в том, что в рассмотрение были введены архивные источники, позволяющие пролить свет на то, как складывалось мнение автора по тому или иному вопросу, какие стадии прошла его теория, в том числе и до своего опубликования. Уильям Жаффе (1898–1980), родившийся в Нью-Йорке в семье еврейских эмигрантов из России, вошел в историю как переводчик на английский язык, исследователь и издатель трудов Леона Вальраса. Именно в его переводе в 1954 г. стали доступны англоязычному, а значит, и мировому читателю «Элементы чистой политической экономии», ранее известные лишь в пересказах и интерпретациях других экономистов. В 1965 г. Жаффе издал результаты своей длительной работы: переписку и неопубликованные произведения Вальраса. Эта работа и послужила источником знаменитой статьи, которую мы здесь помещаем. Узнав историю изысканий Вальраса из первых рук, Жаффе сделал вывод, что их целью с самого начала было решение проблемы взаимозависимости рынков и объяснения относительных цен всех благ, а концепция предельной полезности возникла в конце как вспомогательный элемент для решения этой проблемы. Так, Жаффе исторически уточнил логическую схему Шумпетера, установив, что Вальрас не «поднялся» от предельной полезности к общему равновесию, а наоборот, «спустился» от общего равновесия и достроил недостающую ступеньку в виде предельной полезности.

Напротив, для Менгера (здесь Жаффе ссылается на работу авторитетного австрийского экономиста Эриха Штрайслера) рыночные цены были лишь поверхностным и случайным проявлением более глубоких процессов, детерминирующих индивидуальное поведение экономических субъектов, их отношение к хозяйственным благам. Жаффе подчеркивает специфику позиции Менгера и его учеников, их нежелание абстрагироваться в теории от неопределенности и трудностей получения информации.

Что касается Джевонса, то Жаффе, признавая его временной приоритет в трактовке общих с Вальрасом задач, отмечает, что Джевонс недалеко продвинулся в их решении. Таким образом, Жаффе делает упор на разные контексты, в которых трактуется предельная полезность у Вальраса и Менгера, а Джевонсу отводит роль не слишком преуспевшего союзника Вальраса.

Впрочем, за Джевонса вступилась следующий автор нашего раздела – Сандра Пирт. Она предложила рассматривать Джевонса как союзника не Вальраса, а Менгера. Оба этих автора, отмечает Пирт, изучали сам акт индивидуального обмена, а не сложившуюся систему рыночных цен. Главным же основанием сближения Джевонса и Менгера стала для нее модель человека этих авторов, которая, по мнению Пирт, характеризуется большей реалистичностью, чем у Вальраса. У человека Менгера и Джевонса мало информации, он подвержен заблуждениям. В доказательство того, что такова же и позиция Джевонса, Пирт приводит много цитат. Однако она упускает из виду одно важное различие. Менгер пытался последовательно встроить несовершенство человеческой природы, и прежде всего неопределенность, в свою теоретическую систему – отсюда, в частности, интервалы, в которые попадают равновесные цены вместо точек равновесия у Джевонса и Вальраса. Что касается Джевонса, то единственное место, где он пытается включить даже не неопределенность, а исчисляемый риск в свою систему – это его формулировка второго закона Госсена, в которой участвуют не только полезности, но и вероятности⁶⁷. Но здесь он следует за Бентамом и предполагает, что эти вероятности известны человеку, принимающему решения. В другом месте, рассуждая о законах, определяющих предложение благ, Джевонс вроде бы делает операциональным еще одно наблюдение над реальной человеческой природой: вначале человеку доставляет радость его труд и поэтому кривая предельных тягот его труда на определенном участке проходит в области положительных значений

⁶⁷ История экономических учений / под ред. В. С. Автономова, О. И. Ананьина, Н. А. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 206.

и только потом принимает привычную форму⁶⁸. Но точка, в которой наблюдается равенство предельной полезности изготавливаемых благ и предельных тягот труда находится на том участке этой кривой, где предельные тяготы имеют отрицательное значение и растут (по абсолютной величине), так что конкретизация модели человека заявляется, но не работает.

В целом же Джевонс, как пишет С. Пирт, действительно признает существование многих реальных свойств человека на практике, но считает, что науку можно построить, только если ограничиться исследованием немногих интересующих нас факторов (об этом пишет в своем комментарии Ф. Фонтен).

В заключение можно сказать, что споры о дегомогенизации и регомогенизации тройки основоположников маржинализма показывают нам, что историография экономической науки так же зависит от поставленной задачи и контекста ее решения, как и сама экономическая теория.

© Автономов В. С., 2015

⁶⁸ История экономических учений. С. 209.

У. Жаффе Менгер, Джевонс и Вальрас: дегомогенизация⁶⁹

Перевод сделан по: *Jaf é W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. 1976. Vol. 14. No. 4. P. 511–524.*

Это эссе по историографии написано для того, чтобы продемонстрировать, как распространенная практика объединения под одним заголовком Менгера, Джевонса и Вальраса привела к сильнейшему искажению истории их вкладов в экономический анализ. Общий заголовок звучит, разумеется, как «Маржиналистская революция 1870-х годов», и эта тема подробно развивается в других работах⁷⁰. В этом эссе я не хочу рассматривать вопрос о том, имела ли вообще место «маржиналистская революция» в истинном смысле слова. Я предлагаю другой вопрос: не заслоняет ли от нас использование единого названия для трех «революционных» новаторских теорий 1870-х гг. тех самых различий, которые по прошествии времени стали казаться намного важнее, чем то, что их объединяло?

Я не знаю, когда и как именно появилось название «маржиналистская революция». Для моих текущих целей достаточно взять за точку отсчета том «Истории экономического анализа» Шумпетера 1954 г. изд., поскольку в нем не просто используется это название как ярлык, но и обсуждается его уместность⁷¹. Уже в 1953 г. Т. У. Хатчисон писал о Госсене и Джевонсе: «Решение преувеличить или преуменьшить революционную новизну идей того или иного автора зачастую, конечно, зависит от склада характера и личных интеллектуальных интересов того, кто о нем пишет»⁷². Марк Блауг смело озаглавил восьмую главу своей книги 1962 г. «Экономическая теория в ретроспективе» «Маржиналистская революция», но добавил предостережение: «Говорить о маржиналистской *революции* само по себе не вполне верно»⁷³. Лорд Роббинс в 1970 г. подошел к термину «маржиналистская революция» с типичной для него сдержанностью, признавая, прежде всего, что «с тех пор она стала отправной точкой и стимулом для значительной части теоретических разработок», но добавляя также, что «некоторые новаторы зашли слишком далеко, рассматривая свое новое открытие как полную замену классической теории, а не как ценное к ней дополнение»⁷⁴. Ни один из этих историков экономической науки ни разу даже не намекнул на возможность усомниться в том, достаточно ли родственны между собой открытия Менгера, Джевонса и Вальраса для того, чтобы давать им общую фамилию и объединять их под одним названием. Никто не удостоил вниманием предупреждение Дж. Р. Хикса, сделанное в 1934 г.: «Любой, кто немного ближе знает этих авторов

⁶⁹ Более ранние редакции этой статьи были под другим названием представлены на конференции по истории экономической мысли в Бирмингеме в сентябре 1972 г., а также на Генеральной ассамблее Японской ассоциации экономической теории в Нагое в 1974 г. Данный текст является результатом тех ценных критических комментариев, которые я получил благодаря этим и другим выступлениям. Особую признательность я хотел бы выразить Клаусу Х. Хеннингсу из Редингского университета (Англия) за ценные идеи о теории Менгера. Я также выражаю благодарность Канадскому совету за финансовую помощь в подготовке этой статьи.

⁷⁰ *The Marginal Revolution [in Economics]: Interpretation and Evaluation* / ed. by R. D. C. Black, A. W. Coats, D. W. C. Goodwin. Durham, NC: Duke University Press, 1973. Работы из этого сборника публиковались как в журнале «History of Political Economy» (1972. Vol. 4. No. 2. P. 266–624), так и отдельным изданием, дополненным алфавитным указателем. Далее ссылки на «The Marginal Revolution» будут даваться сначала на отдельное издание, а следом в квадратных скобках будут указаны ссылки на соответствующие страницы журнала.

⁷¹ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 1199–1213.

⁷² Hutchison T. W. A Review of Economic Doctrines 1870–1929. Oxford: Clarendon Press, 1953. P. 15.

⁷³ Blaug M. Economic Theory in Retrospect. 2nd ed. Homewood, IL: Irwin, 1968. P. 298.

⁷⁴ Robbins L. The Evolution of Modern Economic Theory: And Other Papers on the History of Economic Thought. L.: Macmillan, 1970. P. 16.

[Менгера, Джевонса и Вальраса], невольно чувствует некоторое возмущение тем, что они причисляются к одному классу, даже если при этом они получают столь почетный титул [как независимые первооткрыватели принципа предельной полезности]»⁷⁵.

Преувеличенное значение, которое историки экономической науки придают изобретению инструмента предельной полезности, когда говорят о тройном открытии маржиналистской теории, согласуется с Шумпетеровым определением науки как «знания, вооруженного инструментами»⁷⁶. Слишком узкое толкование этого определения часто используется ими, чтобы отвести внимание от собственно знания и привлечь его к инструментам, применяемым для формального структурирования этого знания. То, что само знание важнее, чем инструмент, посредством которого оно создается, нам понятно из того факта, что теоретические построения Менгера, Джевонса и Вальраса, возведенные при помощи сходных вариаций одного и того же инструмента, заметно отличались друг от друга и совершенно по-разному повлияли на развитие теоретических моделей, в то время как сам инструмент вообще вышел из употребления.

Шумпетер привлек внимание читателей к наиболее значимому различию между тремя «революционерами», когда выделил из них Вальраса, назвав его единственным архитектором теории общего равновесия. «Это, – писал Шумпетер, – было достижением Вальраса. Как только мы понимаем, что именно система общего равновесия является действительно важным достижением, мы обнаруживаем, что сам по себе принцип предельной полезности в конце концов не так важен, как полагали Джевонс, австрийцы и сам Вальрас»⁷⁷. Это действительно так, однако, добавляя, что «анализ схемы Вальраса показывает, что предельная полезность была “лестницей”, по которой Вальрас “поднялся” на уровень своей системы общего равновесия», Шумпетер сделал вывод, который, хотя и кажется *a priori* достаточно достоверным, опровергается документальными свидетельствами, ставшими известными впоследствии.

Вальрас не поднимался от предельной полезности на уровень своей системы общего равновесия, он, наоборот, спустился с этого уровня к предельной полезности. Это убедительно подтверждают неопубликованные эссе, посвященные его ранним аналитическим изысканиям⁷⁸ в период с 1860 г. и до тех пор, пока он не отважился на публичную презентацию своего доклада «Принцип математической теории обмена» перед Академией моральных и политических наук в Париже 16 и 23 августа 1873 г.⁷⁹ Более двенадцати лет работы в стол ушло у Вальраса на разработку аналитической схемы взаимосвязанных конкурентных рынков, и за все это время он ни разу не упомянул ни о чем похожем на теорию предельной полезности. Однако в этом докладе он внезапно выдвинул свою новую идею *rareté*⁸⁰, представшую во всей красе, как Афина Паллада, вышедшая из головы Зевса. Он определял понятие *rareté* математически, так же, как мы определяем предельную полезность. При помощи этого концептуального инструмента Вальрас демонстрировал отношение функций *rareté* (предельной полезности)

⁷⁵ Hicks J. R. Leon Walras // *Econometrica*. 1934. Vol. 2. No. 4. P. 338. Не кто иной, как сам Леон Вальрас в 1889 г. подал пример, классифицировав Джевонса, Менгера и себя как сооткрывателей современной теории предельной полезности. См.: Walras L. *Éléments d'économie politique pure*. 2nd ed. Lausanne: Rouge, 1889. P. VIII–IX и § 160, что соответствует с. 36–37 и с. 204–207 перевода на английский язык [Elements of Pure Economics / transl. from the definitive edition by W. Jafé L.; Homewood, IL: Allen and Unwin, 1954 (перепечат.: Economics Classics. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1969; рус. пер.: Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Издграф, 2000. С. 144–146)].

⁷⁶ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. 1. С. 8.

⁷⁷ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. 3. С. 1210–1211.

⁷⁸ Correspondence of Leon Walras and Related Papers [далее – Correspondence] / ed. by W. Jafé: 3 vols. Amsterdam: North Holland (for Royal Netherlands Academy of Sciences and Letters), 1965. Vol. I. P. 216–221, n. (33) to Letter 148.

⁷⁹ Walras L. Principe d'une théorie mathématique de l'échange // Séances et travaux de l'Académie des Sciences morales et politiques. 1874. Vol. 101 of the Collection, 33rd Year of New Series. Part I. P. 97–116; переизд. с незначительными исправлениями в: Walras L. *Théorie mathématique de la richesse sociale*. Lausanne: Corbaz, 1883. P. 7–25.

⁸⁰ В буквальном переводе «редкость». – Примеч. науч. ред.

сти) к индивидуальным функциям спроса, чтобы установить логически «причинную» связь между *rareté* и *меновою ценностью*. Все это излагалось ближе к концу доклада, начало которого посвящалось теории механизма конкурентного рынка, определяющей *равновесные относительные цены* для простого случая двух благ.

Порядок, который Леон Вальрас избрал для представления своих идей в этом произведении, совпадает с тем порядком, в котором они приходили ему в голову. В других работах я уже приводил доказательства⁸¹ того, что Вальрас дошел до концепции предельной полезности и метода ее использования для выведения теоретической кривой спроса только после того, как четко сформулировал математическую теорию системы взаимосвязанных рынков⁸². При этом он опирался на труды Тюрго, Кенэ, Адама Смита, Рикардо и Сэя; для того чтобы перевести видение общего рыночного равновесия, полученное таким образом, на язык математических уравнений, он использовал модели из трудов А. Н. Инара⁸³, Огюстена Курно⁸⁴ и Луи Пуансо⁸⁵. Из Инаровой работы «Трактат о богатствах» (1781) Леон Вальрас вывел некоторые основные черты своей теории рыночного обмена, равно как и предпосылки своей теории денег и образования капитала, хотя Инар предпочитал работать скорее с пропорциями, чем с системами уравнений⁸⁶. Благодаря «Исследованию о математических принципах теории богатства» Курно (1838) Вальрас научился применять метод функционального анализа к экономической теории⁸⁷. Наконец, в «Основах статики» Пуансо (1842), учебнике по теории механики, где часто используются системы уравнений, призванные описать, среди прочего, механическое равновесие Солнечной системы, Леон Вальрас нашел образец для описания каталлактического равновесия рыночной системы⁸⁸.

Однако ни один из этих источников вдохновения Вальраса не содержал ни малейшего намека на теорию ценности, основанную на предельной полезности, равно как и на потребность в такой теории. Эта идея в голове Леона Вальраса родилась, как мы убедимся далее, благодаря его отцу Огюсту Вальрасу. Только в январе 1872 г., когда Леона Вальраса попросили наметить план курса лекций, которые он должен был прочитать в Женеве, он сумел набросать чистую теорию взаимосвязанных рынков, хотя все еще не представлял, как соотнести полезность со спросом⁸⁹. Самое большее, что он мог сделать на этой стадии, это отождествить кривую полезности с кривой рыночного (!) спроса на манер Дюпюи⁹⁰, а затем принять крутизну этой кривой спроса за показатель того, что он называл термином «*utilité d'intensité*»⁹¹, — тем самым, который он впоследствии использовал в параграфе 74 «Элементов» для описания

⁸¹ The Marginal Revolution. P. 113–139 [379–405], особенно p. 127–132 [392–398].

⁸² Ближе к концу жизни Вальрас так писал о продвижении к своему открытию: «В октябре 1871 г., когда я стал профессором, я наконец получил первый из двух ключей к чистой политической экономии в той строго научной форме, в какой я хотел ее видеть, т. е. в математической форме: необходимо знать “уравнение обмена”. В течение 1872 г. я нашел и второй ключ: знать “уравнение максимального удовлетворения”, которое, как мне вскоре стало известно, вывел в Англии Джевонс» (Walras L. Ruchonnet et le socialisme scientifique que // La Revue socialiste. 1909. Vol. 49. No. 295. P. 581).

⁸³ [Isnard A.-N.] Anon. Traité des richesses: 2 vols. Londres; Lausanne: Francois Grasset, 1781.

⁸⁴ Cournot A. A. Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. Paris: Hachette, 1838. Перевод: ed. by G. Lutfalla. Paris: Riviere, 1938. Пер. на англ.: Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth / transl. by N. T. Bacon; ed. by I. Fisher. N.Y.: Macmillan, 1927.

⁸⁵ Poincaré L. Éléments de statique. 8th ed. Paris: Bachelier, 1842.

⁸⁶ См.: Jaffé W. A. N. Isnard, Progenitor of the Walrasian General Equilibrium Model // History of Political Economy. 1969. Vol. 1. P. 19–43.

⁸⁷ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. С. XVII.

⁸⁸ Correspondence. Vol. III. P. 149–150, n. (7) to Letter 1483.

⁸⁹ Ibid. Vol. I. P. 293–296, n. (2) to Letter 198.

⁹⁰ Пять лет спустя в § 370 второго тома первого издания «Элементов» (Éléments d'économie politiques pure: 2 vols. Lausanne: Corbaz, 1874–1877) Вальрас сурово критиковал Дюпюи за то самое отождествление, к которому сам ранее прибегал. См.: Ibid. § 387).

⁹¹ В тексте ошибка, должно быть наоборот: *intensité d'utilité* – интенсивность полезности. – Примеч. науч. ред.

собственно предельной полезности. Пока в его распоряжении не было ничего, кроме этого никудышного методического аппарата, он мудро решил, что не может далее прояснить отношения между «абсолютной ценностью» и спросом, особенно учитывая тот факт, что интенсивность полезности казалась неизмеримой. В результате, пытаясь справиться с проблемой полезности и ценности, Вальрас пребывал в состоянии смятения, пока его коллега, Поль Пиккар, профессор механики в Лозаннском университете, в конце 1872 г. не пришел ему на помощь. Пиккар показал Вальрасу, как математически интерпретировать полезность и ее производные по количеству блага, а также как применять эквимаржинальный принцип к теории меновой ценности⁹².

Путь, который в конечном счете привел Леона Вальраса к необходимости прибегнуть к помощи Поля Пиккара, был когда-то намечен его отцом, также экономистом. Огюст Вальрас пытался доказать, что *rareté*, в обычном значении «редкость», была «причиной ценности», но зашел в тупик⁹³. Ему удалось лишь определить редкость как диспропорцию между общим количеством доступного блага и общей потребностью в этом благе всех индивидов. Со временем он сам понял, что это определение никуда не годится, потому что один из элементов диспропорции – общая потребность, ощущаемая множеством людей с различными вкусами, находящихся в различных условиях и по-разному обеспеченных, в принципе не допускает количественной оценки. Тогда Огюст Вальрас завещал неразрешенную проблему своему сыну Леону.

Леон Вальрас с жаром взялся за эту проблему не только из сыновнего долга, но и потому, что концептуальный аппарат, который он уже разработал для определения равновесных цен, нуждался в движущей силе. Ему не хватало чего-то вроде спаренного двигателя Адама Смита, состоявшего из «определенной склонности человеческой природы к обмену» и универсального «желания улучшить наше положение». При технической помощи Поля Пиккара Леон Вальрас одним махом решил и задачу своего отца по нахождению обоснованного аналитического определения *rareté*, и собственную задачу по нахождению *максимизационного двигателя* для своей всеобъемлющей рыночной машины.

Я не устаю повторять, что Леон Вальрас стремился завершить свою модель конкурентного рынка, а не изложить теорию субъективной оценки потребительских благ. В докладе, представленном им Академии моральных и политических наук в 1873 г., он определил открытую им *rareté* как «интенсивность последней потребности, удовлетворяемой *имеющимся количеством*» (*l'intensité du dernier besoin satisfait par une quantité possédée* [курсив Вальраса]), а не *потребляемым* количеством. Только постулируя убывающую предельную полезность, он позволил себе использовать слово «потребляемый», причем, видимо, непредумышленно. Когда в своих дальнейших исследованиях он обращался к выражению «потребляемое количество» (*quantité consommée*), он никак не показывал, что под этим скрывалось что-то иное, кроме имеющегося количества (*quantité possédée*). Похоже, Вальрас считал, что экономист как таковой, интересующийся рыночным поведением, был не более способен вывести функции полезности из ощущений потребителей, чем он был бы способен вывести эти ощущения из их предполагаемых физиологических, психологических и социологических детерминант⁹⁴.

⁹² Correspondence. Vol. I. P. 308–311, n. (4) to Letter 211.

⁹³ См.: The Marginal Revolution. P. 122–123 [388–389].

⁹⁴ См.: Mill J. S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. L.: John W. Parker, 1844. (Idem // Series of Reprints of Scarce Works [on Political Economy]. No. 7. L.: London School of Economics, 1948). P. 132, n. (*). Здесь Дж. С. Милль пишет, что «политическая экономия... не занимается вопросами потребления богатства, не считая того, что потребление в ней признается неотделимым от производства или от распределения. Нам не известна какая-либо отдельная наука, предметом которой являются *законы потребления* богатства: возможно, эти законы являются лишь законами человеческого наслаждения. Политические экономисты никогда не рассматривают потребление само по себе, но всегда лишь с целью исследовать, каким образом разные виды потребления влияют на производство и распределение богатства». Мое внимание к этому отрывку привлекла неопубликованная статья профессора Джона Менефи из Калифорнийского колледжа в г. Бейкерсфилде под названием

Однако возможно, что его невнимание к потреблению можно объяснить тем, что он был всецело поглощен рынком. Его чистая теория была каталлактической «теорией определения цен в гипотетических условиях совершенно свободной конкуренции»; и ровно в этом контексте Вальрас прибегал к предельной полезности.

Насколько это далеко от основных интересов Джевонса и Менгера! Хотя и Джевонс, и Менгер, каждый в своей манере, отмечали какие-то аспекты анализа общего равновесия, но ни один из них не увидел его целиком. Менгер, например, в своей теории вменения⁹⁵ погрузился в глубокие размышления о той же проблеме, которую Вальрас позднее решил с математической четкостью и универсальностью в главе «Теорема максимальной полезности новых капитальных благ, приносящих производительные услуги», в том виде, в каком она напечатана в четвертом и в посмертно вышедшем академическом издании «Элементов»⁹⁶. Джевонсу мы обязаны достаточно глубокой математической аргументацией, функционально связывающей то, что мы сегодня называем предельной производительностью, с предельной полезностью. Эта аргументация, которая содержится в пятой главе Джевонсовой «Теории политической экономии», если и не решила важную проблему общего равновесия, то, во всяком случае, начала дискуссию на эту тему. Предисловие автора ко второму изданию «Теории» изобилует размышлениями Джевонса на тему общего равновесия, но, как он пишет сам, «с нетерпением ожидая конечных результатов этой теории, я вынужден просить читателя не забывать, что я никогда не утверждал, что эта книга является изложением систематических взглядов на экономическую науку»⁹⁷.

Предвидение будущей системы общего равновесия, интуитивные озарения о некоторых элементах этой системы, программы для будущих исследований общего равновесия – всего этого было недостаточно. Из троих «отцов революции» 1870-х гг. один лишь Леон Вальрас – на торжественном приеме по случаю своего ухода из Лозаннского университета – был назван первым, кто «установил условия общего равновесия»⁹⁸. Именно из-за этого, а также из-за той роли, которую он отвел предельной полезности в своей общей системе, а вовсе не из-за самой теории предельной полезности, ныне совсем вышедшей из моды, Вальраса и по сей день почитают или осуждают (как в английском Кембридже) наиболее выдающиеся теоретики нашего времени.

Достижение Джевонса также было существенным, хотя его влияние на развитие теории не оказалось ни столь глубоким, ни столь далеко идущим, как влияние Вальраса. Конечно, его «последняя степень полезности» (*fi nal degree of utility*) формально и аналитически идентична *rareté* Леона Вальраса. Как и Вальрас после него, Джевонс считал свой дифференциальный коэффициент смертельным оружием, которое навсегда уничтожит классическую теорию ценности. Более того, Джевонс даже опередил Вальраса, сформулировав два фундаментальных предположения. Первое звучало так: «*Меновое отношение любых двух товаров будет обратно пропорционально отношению последних степеней полезности количеств товара, доступных после завершения обмена*»⁹⁹. Данное предположение Джевонс назвал «ядром всей теории обмена». Второе гласило, «что человек распределяет свой доход таким образом, чтобы

«Эволюция понятия досуга в экономических доктринах».

⁹⁵ Menger C. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Vienna: Braumüller, 1871. (Idem // Series of Reprints of Scarce Tracts [in Economic and Political Science]. No. 17. L.: London School of Economics, 1934; пер. на англ.: Principles of Economics / transl. by J. Dingwall, B. F. Hoselitz. Glencoe, IL: Free Press, 1950). P. 67–70, 123–126. [Рус. пер.: Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. (Экономическое наследие). С. 66–69, 127–130.]

⁹⁶ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. С. 241–246.

⁹⁷ Jevons W. S. The Theory of Political Economy. 4th ed. L.: Macmillan, 1924. (1st ed. – 1871; 2nd ed. – 1879; Pelican ed. – ed. by R. D. C. Black. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books Ltd., 1970). P. XLIII–XLIV.

⁹⁸ Correspondence. Vol. III. P. 366–367, n. (5) to Letter 1696.

⁹⁹ Jevons W. S. The Theory of Political Economy. 4th ed. P. 95; курсив Джевонса.

сравнять полезность последних приростов всех потребленных товаров»¹⁰⁰ (это был, как впоследствии узнал Джевонс, второй закон Госсена¹⁰¹). Выразив эти предположения посредством символов, мы можем найти легкоузнаваемые, но более четко сформулированные их аналоги у Вальраса.

Между Джевонсом и Вальрасом, однако, есть одно существенное различие. У Вальраса теорема пропорциональности *raretés* параметрическим рыночным ценам использовалась для выведения функций индивидуального спроса и предложения, которые, будучи агрегированы по всем индивидам, служили для определения равновесных цен в заранее специфицированной рыночной системе с совершенной конкуренцией. У Джевонса, напротив, нет анализа той работы рыночного механизма, при помощи которой он приходит к «соответствующему меновому отношению». Джевонс ограничился тем, что описал свой совершенный рынок в псевдоинституциональных терминах как рынок, на котором «не должно быть сговоров о накоплении и удержании товаров с целью создания неестественных меновых отношений» и на котором действует «закон безразличия». Таким образом он исключил эффективные сделки по ценам, отличным от равновесных, путем полного и мгновенного (и, если придется, принудительного) оглашения всеми продавцами, во-первых, информации о доступных количествах товаров, во-вторых, «намерений совершить обмен» (т. е. *индивидуальных шкал спроса и предложения*), а также «нормы обмена [установленной] между любыми двумя лицами»¹⁰². Это, разумеется, совершенный рынок, достаточно сходный с рынком Вальраса, но трудно себе представить, как на нем могли бы появиться *множественные* равновесные цены или даже хоть какие-то равновесные цены. Кроме того, у Джевонса не было систематического учета взаимодействия взаимосвязанных рынков.

Вальрас, признавая первенство Джевонса в вопросе предельной полезности, справедливо указал Джевонсу на некоторые недостатки его теории. Во-первых, писал он, Джевонсово меновое соотношение было не чем иным, как постулированной господствующей ценой; во-вторых, Джевонс не сумел вывести «уравнение *эффективного спроса* как функции *цены*, к которому так легко можно было прийти [от “функции последней степени полезности”], и которое столь ценно для решения проблемы определения равновесной цены»¹⁰³; в-третьих, Джевонс не создал «теоремы общего равновесия и ее следствий, а именно, законов возникновения и изменения равновесных цен»¹⁰⁴. В своем предисловии к «Теории политической экономики» Джевонса, выпущенной издательством «Pelican», Коллисон Блэк признал, что «Джевонсов подход к этим вопросам нельзя рассматривать как удовлетворительный»¹⁰⁵, а в других публикациях отмечал, что Джевонсова «экономическая теория была бы лучше, если бы он просто занимался “законами спроса”, вместо того чтобы пытаться определить “законы полезности”»¹⁰⁶.

Не только подход Джевонса разительно отличался от подхода Вальраса, но и отправная точка его анализа была иной. Джевонс отталкивался от арифметики счастья (*felicific calculus*) Бентама¹⁰⁷; в трудах Вальраса, как изданных, так и неизданных, мне ни разу не встречалось

¹⁰⁰ Ibid. P. 140.

¹⁰¹ Jevons W. S. The Theory of Political Economy. 4th ed. P. XXXIV.

¹⁰² Ibid. P. 85–88. Хотя Леон Вальрас не так много говорил на эту тему, он также видел конкурентный рынок в квазиинституциональном свете. Он отмечал в 1909 г., что предположил для своей теоретической модели существование «гипотетического режима *организованной свободной конкуренции* (это не то же самое, что просто *laissez-faire*)» [Walras L. Ruchonnet et le socialisme scientifique. P. 581; курсив Вальраса]. Таким образом, свободная конкуренция в модели Вальраса была не спонтанной, она была чем-то, что необходимо было сознательно *организовывать*.

¹⁰³ Correspondence. Vol. I. P. 397, Letter 275.

¹⁰⁴ Ibid. Vol. I. P. 414, Letter 286.

¹⁰⁵ Jevons W. S. The Theory of Political Economy / ed. by R. D. C. Black. P. 21.

¹⁰⁶ The Marginal Revolution. P. 108 [374].

¹⁰⁷ coll_0 Jevons, Bentham and De Morgan // Economica. 1972. Vol. 39. P. 12 2 –127.

имя Бентама, что не удивительно, поскольку Вальрас всегда демонстрировал сильную антипатию к утилитаризму¹⁰⁸. Джевонс же с самого начала сконцентрировался на том, что Эджуорт назвал «гединометрией»¹⁰⁹, и направил все усилия на попытку придать утилитаристским рассуждениям форму точной науки, которую можно было бы использовать как основание теории меновой ценности. Вальрас же категорично и беспечно – чересчур беспечно, по мнению некоторых¹¹⁰, – без долгих разговоров постулировал теорию измеряемой предельной полезности ради того только, чтобы завершить свою ранее сформулированную каталлактическую теорию определения цен.

Карл Менгер явно стоит особняком от других основателей современной теории предельной полезности. Менгер, безусловно, не менее двух своих знаменитых современников заслуживает почестей как открыватель метода включения полезности и редкости в новаторское прогрессивное объяснение ценности. Более того, открытие Менгера было настолько важным, что Стиглер считает теорию Менгера «значительно превосходящей теорию Джевонса»¹¹¹, а Джорджеску-Рёген осуждает тот факт, что почти все историки оценивают Менгера «ниже чем Вальраса или Джевонса»¹¹². Фон Хайек утверждает, что Менгеровы «Основания учения о народном хозяйстве»¹¹³ «куда тщательнее описывали отношения между полезностью, ценностью и ценой, чем любые труды Джевонса и Вальраса»¹¹⁴. Любой, кто читал первоисточники, ни на минуту не усомнится в том, что подход Менгера к структуре потребностей применительно к *оценке благ* был куда глубже и проницательней, чем подход и Вальраса, который не выказывал интереса к подобным проблемам, и Джевонса, концепция которого была основана на аналогии с механическим балансом физических сил. Теория Менгера была украшена лишь одной метафорой из области механики, использованной в защиту аргумента о том, что неверно рассматривать величину цен как «существенный момент обмена»¹¹⁵.

По мнению Менгера, эта ошибка приводит к ошибочной же идее о том, что «являющиеся в акте мены количества благ – *эквиваленты*». Менгер утверждал, что обмениваемые количества благ могли быть *эквивалентами* «в объективном смысле» только в том случае, если, при прочих равных условиях, обмен бы допускал обратный ход. Но поскольку «опыт нам показывает, что в таком случае никто из них не согласился бы на подобную операцию [обратный ход сделки]», равенства ценности двух количеств благ (эквивалентности в объективном смысле) «в действительности быть не может»¹¹⁶.

Как писал Джорджеску-Рёген, «теория Менгера не может объяснить цены»¹¹⁷. Однако Менгер и не пытался объяснить цены. Если бы он задался такой целью, то он бы, безусловно, постарался найти аналитическую связь между «важностью удовлетворяемых потребностей» и рыночными ценами. Он этого не сделал. В ходе обсуждения изолированного натурального

¹⁰⁸ Walras L. Études d'économie sociale (Theories de la repartition de la richesse sociale). Lausanne: Rouge, 1896 (2nd ed. – ed. by G. Leduc. Lausanne; Paris: Rouge: Pichon, 1936). P. 194–196; Walras L. Études d'économie politique appliquée (Theorie de la production de la richesse sociale). Lausanne: Rouge, 1898 (2nd ed. – ed. by G. Leduc. Lausanne; Paris: Rouge: Pichon, 1936). P. 457–459.

¹⁰⁹ Edgeworth F. Y. Mathematical Psychics. L.: Kegan Paul, 1881 (Idem // Series of Reprints of Scarce Tracts. No. 10. L.: London School of Economics, 1932). P. 98–102. [В тексте Жаффе ошибка – правильно было бы «гедониметрией». – Примеч. науч. ред.]

¹¹⁰ Georgescu-Roegen N. Analytical Economics: Issues and Problems. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 18.

¹¹¹ Stigler G. J. Production and Distribution Theories: The Formative Period. N.Y.: Macmillan, 1941. P. 135.

¹¹² Georgescu-Roegen N. Analytical Economics. P. 19.

¹¹³ В русском переводе данная работа озаглавлена «Основания политической экономии», что неточно. – Примеч. науч. ред.

¹¹⁴ Hayek F. A. [von]. Carl Menger // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 10. N.Y.: Macmillan Co.: Free Press, 1968. P. 125.

¹¹⁵ Менгер К. Основания политической экономии. С. 164–165.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Georgescu-Roegen N. Utility // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 16. N.Y.: Macmillan Co.: Free Press, 1968. P. 251.

обмена с двумя участниками Менгер ни разу не обратился к меновым соотношениям, демонстрируя связь между заданными шкалами удовлетворяемых потребностей и количеством обмениваемых коров и лошадей¹¹⁸.

Когда он наконец дошел до случая двусторонней конкуренции, связи между шкалами важности удовлетворяемых потребностей и формированием цены не нашлось места¹¹⁹. Да и откуда было взяться такой связи, если рыночная цена для Менгера была всего лишь поверхностным и случайным проявлением куда более глубоких сил, приходящих в действие при обмене благ и услуг?

Вопрос о роли Менгера как аномалии в «маржиналистской революции» недавно прозвучал в статье Эриха Штрайслера «До какой степени австрийская школа была маржиналистской?» («To What Extent Was the Austrian School Marginalist?»)¹²⁰. Как можно было задать подобный вопрос, когда все считают Карла Менгера одним из отцов-основателей, если не главным отцом-основателем, современного маржинализма? У Штрайслера, однако, были причины поднять эту тему, учитывая, что Менгер вообще не рассматривал максимальные или минимальные значения функций, что, как Штрайслер справедливо считает, и составляет суть маржинализма¹²¹. Эта проблема не связана с тем, что Менгер избегает математики, потому что он мог бы с таким же успехом сформулировать достойную маржиналистскую теорию «простым языком»¹²², нисколько не теряя в точности, если бы у него были такие намерения. Но Менгер держался слишком близко к реальному миру, чтобы излагать теорию словами или математическими символами; в реальном же мире он видел не четко обозначенные точки равновесия, но, скорее, ограниченные неопределенности¹²³ не только при изолированном двустороннем обмене, но также и при торговле на конкурентном рынке. Штрайслер пишет: «Экономическая теория Менгера по своему содержанию была экономической теорией неравновесия»¹²⁴. В широком смысле слова она также была институциональной теорией.

Дело не в том, что Менгер не знал о существовании тенденций к постепенному установлению равновесия в реальном мире. Просто он слишком ясно видел те повсеместные препятствия, которые даже при прочих равных условиях затрудняют наступление рыночного равновесия на обозримом временном горизонте. Поскольку внимание Менгера было неукоснительно приковано к реальности, он не мог и не хотел абстрагироваться от тех сложностей, с которыми торговцы сталкиваются при попытке получить всю информацию, необходимую для появления чего-то, хотя бы приблизительно похожего на *точку равновесия*. Аналогичным образом подход Менгера не позволял ему абстрагироваться от скрывающей будущее, даже ближайшее, неопределенности, которая учитывается при заключении большинства сделок. Не смог он исключить и существование неконкурирующих групп или повсеместное распространение монополистических или квазимонополистических торговцев на рынке.

Суровое осуждение, которое Торстейн Веблен высказывал в адрес того, что он считал австрийским пониманием человеческой природы, гораздо больше относится к теории Джевонса или Вальраса, нежели Менгера. Менгер не изображает человека как гедонистическую «быстродействующую машину для исчисления ощущений наслаждения и страдания, которая вибрирует, как некая однородная глобула стремления к счастью, и приходит в движение

¹¹⁸ Менгер К. Основания политической экономии. С. 155–159.

¹¹⁹ Там же. С. 183–191. Ср.: The Marginal Revolution. P. 120 [386].

¹²⁰ The Marginal Revolution. P. 160 [420].

¹²¹ Как сказал об этом Дж. Л. С. Шэкл: «Маржинализм есть (если мне может быть позволено изобрести еще одно слово) просто максимализм или минимализм, когда эти понятия понимаются в формальном математическом смысле» (The Marginal Revolution. P. 325 [591]).

¹²² Carl Menger and the Austrian School of Economics / ed. by J. R. Hicks, W. Weber. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 38.

¹²³ Речь идет о равновесных *интервалах*, а не точках. — Примеч. науч. ред.

¹²⁴ The Marginal Revolution. P. 172–173 [438–439].

под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной»¹²⁵. Человек, по мнению Менгера, весьма далек от «машины для исчисления»; он представляет собой неумелое, заблуждающееся, плохо осведомленное существо, страдающее от неуверенности, вечно колеблющееся между манящими надеждами и навязчивыми страхами, органически неспособное принимать взвешенные решения в своем поиске удовлетворения. Поэтому Менгеровская шкала убывающей важности удовлетворяемых потребностей представлена дискретными целыми числами. В системе мышления Менгера нет места положительным первым производным и отрицательным вторым производным функции полезности по количеству блага – там нет никаких дифференцируемых функций. Отсутствие в трудах Менгера математических формул и особенно отсутствие в них классического дифференциального исчисления – это не просто формальный признак, отличающий его от Джевонса и Вальраса. Карл Менгер избегал использования математики в своей экономической теории не потому, что не знал, как с ней обращаться, но из принципа. 28 июня 1883 г. он писал Леону Вальрасу, что некоторое время назад внимательно ознакомился с его трудами¹²⁶, и тогда он не отрицал, как это делали другие корреспонденты Вальраса, что достаточно хорошо владеет математикой для того, чтобы понять эти труды; я уверен, будь это не так, он бы об этом упомянул¹²⁷. Однако Карл Менгер заявил Вальрасу свой принципиальный протест против использования математики как метода продвижения экономического знания. Он соглашался, что математика может служить способом разъяснения материала и вспомогательным средством (*Hilfsmittel*). Однако изначально исследования, настаивал Менгер, должны быть направлены на открытие основополагающих элементарных причин экономических явлений во всей их многосторонней сложности. Для выполнения этой задачи требуется не математический метод, но метод анализа процесса, прослеживающий развитие сложных явлений социальной экономики вплоть до лежащих в их основе атомистических сил. Этот подход Менгер называл «аналитически-синтетическим методом»¹²⁸.

Чтобы понять, что Менгер имел в виду, может быть полезно разделить порождающую (*generative*) причинность, о которой писал Менгер, и логическую причинность, на основании которой Леон Вальрас упорно защищал предположение Огюста Вальраса о том, что «*rareté* является причиной ценности», как аналитически верное¹²⁹. В окончательной модели общего равновесия Леона Вальраса пропорциональность *raretés* и цен проявляется во всем: не только в обмене, но также и в производстве, формировании капитала и накоплении денег. Наученный отцом рассматривать всеобщее взаимосоответствие и точную пропорциональность как критерии причинности¹³⁰, Леон Вальрас считал, что его всеобъемлющая система одновременных уравнений, связанных принципом предельной полезности, доказала, что *rareté* является причиной ценности. Менгер же полагал, что цель экономических исследований заключается в том, чтобы открыть законы, управляющие рыночными явлениями, изначальную причину которых можно найти в физиологической, психологической и социальной природе человека. Математика не может этого сделать; для этого годится лишь «аналитически-синтетический метод».

Те идеи Менгера, которые нашли отражение в трудах следующих поколений экономистов, очень сильно отличались от идей, взятых у Джевонса и Вальраса. Несколько авторов, комментируя Менгера, отмечали, что Менгеров отказ от дифференциального исчисле-

¹²⁵ Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 25.

¹²⁶ Correspondence. Vol. 1. P. 768, Letter 556.

¹²⁷ См.: Carl Menger and the Austrian School of Economics. P. 44.

¹²⁸ Correspondence. Vol. 2. P. 4, Letter 602.

¹²⁹ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономики. С. 86–87.

¹³⁰ Walras A. De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. Paris: Johanneau, 1831 (2nd ed. – ed. by G. Leduc. Paris: Alcan, 1938). Ch. XVI. См. также: Walras A. Memoire sur l'origine de la valeur d'échange. Paris: Typographie Panckoucke, 1849; переизд. как приложение в: Walras A. De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. 2nd ed. P. 316–343.

ния и численное изображение «шкал важности» удовлетворяемых потребностей, свободные от предпосылок о непрерывности и дифференцируемости, несли в себе зародыш скорее ординалистской, чем кардиналистской концепции измерения полезности¹³¹. Более того, Менгеры «Основания», с их упором на неопределенность в экономических расчетах и, соответственно, на поиск информации, позволяющей минимизировать ущерб, наносимый этой неопределенностью¹³², предвосхитили нынешний интерес к стохастическим и информационным качествам экономических систем. По мнению сына Карла Менгера, профессионального математика и самостоятельного ученого-экономиста, два выдающихся австрийца, Карл Шлезингер и Абрахам Вальд, внесшие принципиально важные исправления в вальрасианскую модель, особенно со стороны теории производства, как минимум психологически были вдохновлены на эту работу экономической традицией, заложенной Карлом Менгером¹³³.

Нужно ли еще говорить о том, насколько неверно клеить единый ярлык, будь то «маржиналистская революция» или что-то иное, на наследие Джевонса, Менгера и Вальраса так, как будто их можно гомогенизировать? В самом деле, за пределами учебников по истории экономической мысли, построенных по одному стереотипу, эти три автора рассматриваются отдельно. Ведущие теоретики нашего времени даже не смотрят в сторону Джевонса или Менгера; они живут по заветам Вальраса, как сказал бы Милтон Фридмен. Почти единодушно сегодняшние экономисты, пишущие об ортодоксальной теории ценности, называют лишь Вальраса отцом-основателем своей теоретической веры¹³⁴.

Возможно, пришло время поставить эту веру под сомнение, как это сделал Дж. Л. С. Шэкл в работе под названием «Маржинализм: сбор урожая» («Marginalism: The Harvest»)¹³⁵. Это урожай сомнений и сложностей, внимательно изученных (и по возможности разрешенных) не ради того, чтобы отвергнуть маржинализм, но чтобы обозначить его ограниченность в качестве «парадигмы релевантности и когерентности» для систематического объяснения того, как работает наша экономическая вселенная. Возможно также, что возврат непосредственно к первоисточникам 1870-х гг. и внимательное их изучение могут пролить новый свет на эту непростую проблему.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

¹³¹ См., например: *Georgescu-Roegen N. Utility*. P. 250.

¹³² *The Marginal Revolution*. P. 166–168 [432–434]; *Carl Menger and the Austrian School of Economics*. P. 61–74, 164–189.

¹³³ *Carl Menger and the Austrian School of Economics*. P. 47–52.

¹³⁴ Недавнее статистическое исследование Стиглера и Клэр Фридленд (*Stigler G. J., Friedland C. The Citation Practices of Doctorates on Economics // Journal of Political Economy*. 1975. Vol. 83. P. 486–488), в котором рассматривалось, как и кого цитировали в своих работах докторанты шести ведущих американских университетов, получившие степень по специальности «экономическая теория» в 1950–1955 гг., выявило, что в статьях по теории ценности, опубликованных этими докторантами в период с 1950 по 1968 г., Вальрас был третьим после Хикса и Самуэльсона по общему количеству упоминаний, в то время как Менгер и Джевонс сильно отставали.

¹³⁵ *The Marginal Revolution*. P. 321–336 [587–602].

С. Дж. Пирт Джевонс и Менгер: регомогенизация? Жаффе двадцать лет спустя

Перевод сделан по: *Peart S. J. Jevons and Menger Re-Homogenized?: Jaf é after 20 years // The American Journal of Economics and Sociology. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 307–325.*

I. Введение

Прошло двадцать лет с тех пор, как Уильям Жаффе сетовал на излишнее внимание, которое экономисты уделяли достижению, в то время казавшемуся важнейшим вкладом в экономическую науку: идее убывающей предельной полезности. Открытие это принадлежало в равной степени всем прародителям «маржиналистской революции»: Вальрасу, Джевонсу и Менгеру¹³⁶. Однако основной интерес, утверждал Жаффе, представляют именно *различия* между теориями Вальраса, Джевонса и Менгера, те различия, которые «по прошествии времени стали казаться намного важнее, чем то, что их объединяло»¹³⁷. Дегомогенизация Вальраса, Менгера и Джевонса, считал он, позволит нам правильно понять и должным образом оценить значение того вклада, который каждый из них внес в экономический анализ.

Тем не менее попытка дегомогенизировать Джевонса, Вальраса и Менгера, возможно, привела к тому, что некоторые ключевые общие черты теорий ранних неоклассиков, особенно Джевонса и Менгера, оказались в тени. Я не хочу сказать, что Вальраса, Джевонса и Менгера надо регомогенизировать. Но внимательно изучая первоисточники (что Жаффе как раз призывал делать в своей статье¹³⁸), можно обнаружить у Джевонса куда более сложные воззрения на человеческое поведение, чем те, что ему обычно приписывают. Эти воззрения имеют много общего с предпосылками теории Менгера: предрасположенностью человека к развитию, принятием им решений в условиях неопределенности, важной ролью ошибок, а также значением фактора времени при принятии решений. В своей статье я показываю, что некоторые ключевые черты Менгерового экономического человека, те самые, которые, как принято считать, отличают теорию Менгера от двух других маржиналистских теорий, также характеризуют и Джевонсова человека, принимающего решения. Хотя и у Вальраса можно встретить свидетельства того, что его занимал вопрос движения к равновесию на ощупь, он совершенно очевидно гораздо больше интересовался природой общего равновесия и определением равновесных цен. Для Джевонса и Менгера вопрос определения цен не был ключевым; хотя оба они рассматривали экономику как систему взаимосвязанных рынков, ни один из них не пытался дать математическое описание отношений между этими рынками. Может быть, в таком случае имеет смысл «регомогенизировать» Джевонса и Менгера, но не Вальраса?¹³⁹

¹³⁶ *Jaf é W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. 1976. Vol. 14. P. 511.*

¹³⁷ *Ibid.* Жаффе признавал, что некоторые авторы уже писали об этих различиях, например Шумпетер (*Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 1210–1211*) и Хикс (*Hicks J. R. Leon Walras // Econometrica. 1934. Vol. 2. P. 338*), который не одобрял популярного в то время подхода к трем революционерам как к единому целому.

¹³⁸ *Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 523.*

¹³⁹ Нет повода считать это предложение бескомпромиссным. У теории Джевонса есть общие черты с теориями его современников, особенно Менгера, но есть и отличия от них. Однако мы можем использовать термины «гомогенизация» и «дегомогенизация» как отправную точку исследования, поскольку после того, как Жаффе призвал к дегомогенизации (но необязательно в результате этого призыва), общие черты в теориях Менгера и Джевонса стали игнорироваться. В настоящей же статье я пытаюсь исследовать именно эти общие черты.

Статья построена следующим образом. Прежде всего [во второй части] я остановлюсь на различиях между теориями Вальраса, Джевонса и Менгера, которые подчеркивали Жаффе и другие исследователи. Моя идея заключается в том, что по большей части эти различия нужно рассматривать как различия между теорией Вальраса и теорией Джевонса и Менгера. Далее в третьей части рассматривается Менгеровая концепция экономического человека. В четвертой же части я демонстрирую сходство между Менгеровым экономическим человеком и Джевонсовым человеком, принимающим решения. В результате оказывается, что и Менгер, и Джевонс были не вполне верно охарактеризованы Вебленом (и не только им). Как у Менгера, так и у Джевонса человек, принимающий решения, страдает от ошибок, нерешительности и отсутствия информации. Наконец, в пятой части приводятся некоторые замечания по поводу противоречивых утверждений, касающихся политической ориентации Джевонса и Менгера. Возможно, эти утверждения были сделаны вследствие ошибочного понимания природы экономического человека у Джевонса и у Менгера.

II. Различия

Рассматривая, с одной стороны, экономическую теорию Вальраса, а с другой – теорию Джевонса и Менгера, мы замечаем несколько взаимосвязанных различий. Эти различия обуславливают те общие черты, о которых речь пойдет в третьей и четвертой частях этой статьи¹⁴⁰. Во-первых, как утверждал Жаффе, Вальраса отличает от Джевонса и Менгера его сосредоточенность на общем равновесии. Основным мотивом исследований Вальраса был поиск модели конкурентного рынка. В своем поиске он был одинок, так что на юбилейных торжествах по случаю окончания его карьеры Вальрас был назван первым, кто «установил условия общего равновесия»¹⁴¹. Соответственно, Вальраса куда меньше интересовала разработка теории субъективной оценки потребительских благ. Он редко использовал слово «потребление», предпочитая термин «обладание». Такое «невнимание к потреблению» можно объяснить тем фактом, что Вальраса занимал только рынок и ничего, кроме рынка¹⁴². Он разработал каталлактическую теорию определения цен в условиях совершенно свободной конкуренции: «Наша задача заключается в том, чтобы открыть законы, которым эта покупка и продажа удовлетворяет автоматически. Для достижения этой цели мы предполагали, что на рынке существует совершенная конкуренция, так же как в теоретической механике мы для начала предполагаем, что в машинах совершенно отсутствует трение»¹⁴³.

У Джевонса были некоторые идеи о взаимоотношениях экономических агентов, и его анализ обмена предполагает существование каталлактического сообщества¹⁴⁴, но очевидно, что он никогда не разделял интереса Вальраса к поиску условий общего равновесия¹⁴⁵. В пятой главе Джевонсовой «Теории политической экономии» мы находим математический довод,

¹⁴⁰ Я не настаиваю, что нашла *единственное* объяснение того факта, что Менгер и Джевонс придерживались одного мнения о поведении потребителя. Но кажется разумным предположить, что особое внимание, которое они уделяли обмену, в отличие от определения цены, занимавшего Вальраса, привело их к более глубоким размышлениям о природе принятия решений потребителем. Таким образом, это расхождение отчасти объясняет последующие общие черты.

¹⁴¹ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 516.

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Walras L. Elements of Pure Economics [1874] / transl. by W. Jaf é. Philadelphia, PA: Orion Editions, 1984. P. 84 [Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Изограф, 2000. С. 36; ср.: С. 23, 246]. В отличие от Шумпетера, Жаффе считает, что именно в этом контексте Вальрас обратился к предельной полезности. См.: Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 516.

¹⁴⁴ Creedy J. Demand and Exchange in Economic Analysis: A History from Cournot to Marshall. Worcester: Edward Elgar, 1992. P. 174; Peart S. J. The Economics of William Stanley Jevons. L.: Routledge, 1996.

¹⁴⁵ См. предисловие Блэка к «Теории политической экономии», где тот пишет, что подход Джевонса к этому вопросу был крайне неудовлетворительным (Black R. D. C. Introduction // Jevons W. S. The Theory of Political Economy. 4th ed. N.Y.: Penguin, 1970. P. 7–40).

связывающий то, что мы сегодня называем предельной производительностью, с предельной полезностью. В предисловии ко второму изданию книги содержатся некоторые размышления об общем равновесии, но сам Джевонс пишет в этом же предисловии: «С нетерпением ожидая конечных результатов теории, я должен просить читателя не забывать, что эта книга никогда не претендовала на систематическое изложение экономической науки»¹⁴⁶. Аналогичным образом, «общее равновесие» в вальрасианском смысле также не было приоритетом в исследованиях Менгера¹⁴⁷.

Отчасти это первое различие объясняется вторым, очень значительным и довольно очевидным: ни Джевонс, ни Менгер не занимались конкретно *определением* цен, как это делал Вальрас. Вальрас использовал идею предельной полезности для выведения кривой индивидуального спроса и других кривых, а затем для определения равновесных цен. Джевонс и Менгер подобного анализа не проводили. Более того, Джевонс даже подвергался довольно жесткой критике за то, что не уделил этой теме должного внимания.

Как для Менгера, так и для Джевонса ключевым экономическим явлением, требующим объяснения, был акт обмена¹⁴⁸. При данных ценах процесс обмена происходил до тех пор, пока в результате него увеличивалась полезность; обмен прекращался, когда меновое соотношение благ сравнивалось с соотношением их последних степеней полезности. Джевонс совершенно четко пишет, что уравнения обмена предполагают существование того, что он называет «теоретически совершенным рынком: рынком, на котором цены можно считать данными». Часто критикуемая концепция «торгующих сторон» (*trading bodies*) Джевонса была важна потому, что позволяла определять равновесные условия обмена, при которых его участники не могут повлиять на цену¹⁴⁹. Следующие разделы «Теории» Джевонс всецело посвятил ситуации торгова¹⁵⁰, утверждая, как и Менгер, что в этой ситуации все решают «неэкономические» основания: относительное знание, «склонность», «сила характера», «упорство», «ловкость», «опыт» и «чувство справедливости или доброты»¹⁵¹.

Таким образом, изначальный метод Джевонса заключался в том, чтобы предположить существование некоторого обменного соотношения, а затем, учитывая интересы сторон, рассмотреть, будет ли происходить торг и в какой момент он прекратится¹⁵². Однако Джевонс

¹⁴⁶ *Jevons W. S. Theory of Political Economy* [1871]. 4th ed. / ed. by H. S. Jevons. L.: Macmillan, 1911. P. xxx.

¹⁴⁷ Марк Блауг сделал в этом отношении очень полезное замечание. Он утверждает, что вальрасианскую теорию, в которой экономика описывается как несколько систем уравнений, можно охарактеризовать как теорию «общего равновесия», в то время как анализу Менгера (и Джевонса, добавила бы я), в котором все зависит от всего, больше подходит название «экономическая теория полного равновесия». Обе эти теории Блауг противопоставляет анализу частичного равновесия в духе Маршалла, или «экономике не всего сразу» (*one-at-a-time economics*) (*Blaug M. Comment on O'Brien's "Lionel Robbins and the Austrian Connection" // Carl Menger and His Legacy in Economics: Annual Supplement to vol. 22, History of Political Economy* / ed. by B. J. Caldwell. Durham: Duke University Press, 1990. P. 186).

¹⁴⁸ Блэк утверждает, что «Теория политической экономии» «сместила фокус внимания теории ценности с долгосрочной «нормальной» ценности, определяемой издержками производства, в сторону краткосрочного менового соотношения, определяемого психологией вступающих в обмен сторон» (*Black R. D. C. Introduction*. P. 11). Я бы немного скорректировала это замечание, сказав, что «Теория политической экономии» Джевонса стремится объяснить обмен при данных ценах. У Менгера основное внимание также уделяется обмену: «Правильная теория должна постараться показать, как хозяйствующие люди в своем стремлении к возможно более полному удовлетворению своих потребностей приходят к тому, что отдают блага, а именно определенные количества их, в обмен на другие» (*Menger K. Основания политической экономии*. С. 164).

¹⁴⁹ См.: *Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело, 1994. С. 291. Понятие торгующей стороны использовалось, чтобы исключить ситуации, в которых цены невозможно определить. Эта концепция сформировалась отчасти в ходе переписки Джевонса с Флимингом Дженкинсом в начале 1868 г. В письме Джевонса использовалась диаграмма, описывающая поведение двух торговцев, Джонса и Брауна, и Дженкинс справедливо возразил, что цены не детерминированы. См. письма Дженкинса Джевонсу за 4 и 11 марта 1868 г. (*Jevons W. S. Papers and Correspondence of William Stanley Jevons: 7 vols* / ed. by R. D. C. Black. L.: Macmillan, 1972–1981. Vol. 3. P. 167–178), а также: *White M. V. Why Are There No Supply and Demand Curves in Jevons?* // *History of Political Economy*. 1989. Vol. 21. No. 3. P. 443f.

¹⁵⁰ *Jevons W. S. Theory of Political Economy*. P. 119f.

¹⁵¹ *Ibid.* P. 124–125. Ср.: *Peart S. J. The Economics of William Stanley Jevons*. P. 106–107.

¹⁵² *Jevons W. S. Theory of Political Economy*. P. 96.

совершенно определенно писал, что в реальности цены постоянно изменяются. Так, описывая функционирование рынков, он с готовностью признавал, что цены непостоянны: «Реальное условие предпринимательства – это непрерывное движение и изменение»¹⁵³. «Хотя цена одного и того же товара в любой отдельно взятый момент должна быть одинаковой, в разные моменты времени она может различаться, так что ее нужно рассматривать как находящуюся в состоянии постоянного изменения»¹⁵⁴. Закон единой цены, таким образом, был отступлением от реальности, абстракцией¹⁵⁵. В реальности же наблюдаемые цены постоянно изменялись в результате «прихотей» и «внешних обстоятельств», в том числе «недостаточного доверия покупателей» и их несовершенного знания¹⁵⁶.

Менгер в своих «Основаниях политической экономии», как и Джевонс, не стремился объяснить цены, скорее он фокусировал внимание на поведении людей в ходе обмена. Он считал, что цены «не представляют собой существенного в явлении обмена», будучи «только привходящими явлениями, симптомами экономического выравнивания между человеческими хозяйствами»¹⁵⁷. В реальности, пишет он, цены постоянно колеблются¹⁵⁸. Вследствие этого, хотя в конкретный момент времени мы можем наблюдать определенные цены, для будущих сделок эти цены, как правило, не будут действительными: «Попробуем на хлебном рынке или на фондовой бирже купить хлеб или фонды и снова продать их, прежде чем изменились условия конъюнктуры, или в один и тот же момент продать какой-нибудь товар и такой же купить, и мы легко убедимся, что разница между ценой при спросе и предложении – не простая случайность, но общее явление народного хозяйства»¹⁵⁹.

Таким образом, Менгер не пытался аналитически связать важность удовлетворения с рыночными ценами. Он никогда не прибегал к меновому отношению, демонстрируя связь между шкалами желания или удовлетворения и количеством продающихся лошадей или коров. Вместо этого он считал рыночную цену проявлением тех сил, которые показывают, как «хозяйствующие люди... приходят к тому, что отдают блага, а именно определенные количества их, в обмен на другие»¹⁶⁰.

¹⁵³ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 96.

¹⁵⁴ Ibid. P. 92.

¹⁵⁵ И Вальрас, и Менгер также опирались на абстракции. См., например: Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. С. 36; или замечание Менгера: «Для этого я приведу простой пример [обмена], в котором мы сможем наблюдать те отношения, которые мы хотим изучить, не отвлекаясь на вторичные факторы влияния» (Менгер К. Основания политической экономии. С. 167). Различие здесь в степени абстракции: Менгер и Джевонс, похоже, были убеждены, что цены постоянно изменяются, и открыто обсуждают это явление, в то время как Вальрас упоминает эту проблему, но в основном ею не занимается. Редкое исследование «процесса пересмотра» Вальрасом текста своих «Элементов» к третьему изданию, в котором с сожалением говорится об изменениях, внесенных им в более поздние издания, см. в статье Уокера (Walker D. Walras's Mature Models of the Money Market: Paper presented at the June 1995 Annual HES Conference, South Bend, Indiana. South Bend, IN, 1995).

¹⁵⁶ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 91. Джевонс иногда предполагал, что эффект «изменчивости» может быть сбалансирован среди многих индивидов, так что в среднем агрегатная характеристика будет верной: «Использование среднего или, что то же самое, совокупного результата зависит от высокой вероятности того, что случайные и вредные факторы влияния в долгосрочной перспективе будут действовать с одинаковой частотой как в одном, так и в другом направлении, компенсируя друг друга» (Ibid. P. 16; ср.: p. 90). Обсуждение этого метода см. у Джевонса (Jevons W. S. The Principles of Science: A Treatise on Logic and Scientific Method [1874]. L.: Macmillan, 1909. P. 334–398). Подробное исследование его предпосылок в этом отношении см. в моей работе: Peart S. J. “Disturbing Causes”, “Noxious Errors”, and the Theory-Practice Distinction in the Economics of J. S. Mill and W. S. Jevons // Canadian Journal of Economics. 1995. Vol. 28. No. 4. P. 1194–1211). О подходе Менгера к этому вопросу см. сноску 29.

¹⁵⁷ Менгер К. Основания политической экономии. С. 162.

¹⁵⁸ Мосс утверждал, что Менгер называл эту теорию теорией образования цен, а не определения цен, чтобы подчеркнуть неопределенность результата обмена (Moss L. S. Carl Menger's Theory of Exchange // Atlantic Economic Journal. 1978. Vol. 6. No. 3. P. 26f).

¹⁵⁹ Менгер К. Основания политической экономии. С. 164. Джевонс также использовал для примера рынки зерна и ценных бумаг, обсуждая работу рынка «в реальной жизни».

¹⁶⁰ Там же. И далее: «Товаров, которые могли бы в определенных количествах обмениваться друг на друга, например сумма денег и конкретное количество другого экономического блага, товаров, которые могли бы быть по произволу заменены друг другом как при покупке, так и при продаже, словом, эквивалентов в объективном смысле, – даже если мы будем говорить

При этом Менгер все же использовал понятие равновесия, или «точки, в которой нет обмена», в отношении индивида: «...этим обновляются основания для экономического обмена, и вот почему взгляду наблюдателя представляется беспрерывно продолжающийся ряд меновых операций. Но и в этой цепи экономических актов мы находим при более точном наблюдении для данных моментов, лиц и видов благ точки поля, в которых нет места обмену благ, потому что наступил его экономический предел»¹⁶¹. Но, как утверждает Вон, такие случаи равновесия описывались Менгером как «частные и эфемерные»¹⁶².

Менгер утверждал, что в ситуации обмена, когда задействованы небольшие количества товаров, договорная цена обычно находится где-то посередине между ценой спроса и ценой предложения, что предполагает «одинаковые условия и равенство в экономической опытности индивидов»¹⁶³. Однако, как и Джевонс, он признавал, что если одна из двух торгующихся сторон имеет перед другой преимущество, то итоговая цена может быть для нее более выгодной. Соглашаясь, что результат торговли отчасти зависит от «человеческого произвола», Менгер все же придерживался того мнения, что «обоюдное стремление контрагентов извлечь из обмена как можно большую выгоду очень часто взаимно парализуется, и цены имеют тенденцию направляться к этой... средней величине»¹⁶⁴ и поэтому остаются удаленными на равное расстояние от крайних пределов. Однако в дело могут вмешаться прочие, неэкономические факторы, «обусловленные индивидуальностью обменивающихся лиц или внешними обстоятельствами, в которых последние предпринимают мену», и тогда «цены могут отклониться от этой естественной средней в границах указанных пределов»¹⁶⁵.

III. Экономический человек Менгера

«Во всех имеющихся формулировках экономической теории, разработанных как английскими экономистами, так и учеными континентальной Европы, человек рассматривается с позиций гедонизма; иными словами, он представляется как пассивная и инертная, а также неизменная в своей данности человеческая сущность. Физиологические

о таких эквивалентах только по отношению к данному рынку и моменту времени, – таких товаров нет, и, что гораздо важнее, более глубокое понимание причин, ведущих к обмену благами и обороту между людьми вообще, показывает нам, что сама природа отношения исключает такие эквиваленты и что в действительности их и быть не может». В этой части Менгер идет еще дальше Джевонса: он настаивает, что цены могут различаться как в конкретный момент времени, так и в разные моменты времени, а Джевонс подчеркивает различие цен именно в разные моменты. См. по этому поводу: *Vaughn K. I. The Mengerian Roots of the Austrian Revival // Carl Menger and His Legacy in Economics. P. 383; Streissler E. To What Extent Was the Austrian School Marginalist? // History of Political Economy. 1972. Vol. 4. No. 2. P. 436; Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 519–520.*

¹⁶¹ Менгер К. Основания политической экономии. С. 160.

¹⁶² *Vaughn K. I. The Mengerian Roots of the Austrian Revival. P. 384.* Между Джевонсом и Менгером существует дополнительное различие. Джевонс, очевидно, находил понятие равновесия более приемлемым, чем это было у Менгера, и настаивал на том, чтобы описывать условия равновесия математически. Однако у нас нет подтверждения тому, что Джевонс считал такие условия равновесия долгосрочными или широко распространенными. Похоже, он был убежден, что в реальной жизни можно наблюдать преимущественно неравновесные сделки. Он объяснял использование в своей теории условий равновесия тем, что лучше переходить от более простой задачи (условия равновесия) к более сложной (движение по направлению к равновесию), а не тем, что состояние равновесия имеет большую эмпирическую значимость (*Peart S. J. The Economics of William Stanley Jevons. P. 90f.*).

¹⁶³ Менгер К. Основания политической экономии. С. 166.

¹⁶⁴ Менгер К. Основания политической экономии. С. 167. Возможно, поэтому Менгер утверждал, что средние цены могут служить приблизительной основой для оценки: «Конечно, практика жизни вызвала, ввиду некоторых хозяйственных целей, потребность в оценках приблизительной точности, и особенно в денежных оценках, и во всех случаях, где дело идет только о такой приблизительной правильности соображений, в основу соответствующих оценок с полным правом кладут средние цены, потому что они, в общем, лучше всего удовлетворяют этой цели. Но ясно, что этот метод оценки благ должен оказаться совершенно недостаточным даже для практической жизни, и даже больше – прямо ведущим к ошибкам во всех случаях, когда требуется большая степень точности» (Там же. С. 234). Как правило, Менгер избегал агрегирования.

¹⁶⁵ Там же. С. 234.

и антропологические концепции, из которых исходили экономисты, использовались уже несколькими поколениями исследователей в психологии и социальных науках. Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, которая вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной»¹⁶⁶.

В полную противоположность определению, данному Вебленом, Жаффе описывает экономического человека Менгера как «неумелое, заблуждающееся, плохо осведомленное существо, страдающее от неуверенности, вечно колеблющееся между манящими надеждами и навязчивыми страхами, органически неспособное принимать взвешенные решения в своем поиске удовлетворения»¹⁶⁷. Менгеров человека действительно можно представить как действующего в условиях неуверенности и далекого от обладания исчерпывающей информацией. Однако в «Основаниях» постоянно повторяется мысль о том, что принятие решений во многом зависит от получения информации, поскольку для людей «приобретает весьма большой интерес знание не только своего собственного состояния, но и состояния всех тех, кто находится с ними в меновых сношениях»¹⁶⁸. Это поведение является совершенно целенаправленным (хотя и не всегда успешным), так что Жаффе, возможно, был слишком резок, используя слово «неумелый». Хотя Менгеров человек, принимающий решение, имеет мало информации о настоящем, он постоянно пытается *увеличить* свое знание, стремясь «составить себе суждение и о количествах благ, доступных в данное время распоряжению других индивидов, с которыми он связан обменом». Более того, он пытается получить также и информацию о будущих нуждах и желаниях: «Культурные люди тем отличаются от всех других хозяйствующих индивидов, что они заботятся об удовлетворении своих потребностей не на короткое, а на продолжительное время, стремятся к их обеспечению на многие годы»¹⁶⁹. Он даже создает общественные институты для сбора информации¹⁷⁰.

Менгеров человек, принимающий решения, знает о будущем еще меньше, чем о настоящем: «Опыт учит нас, однако, что нередко по отношению к будущему времени более или менее недостоверно, проявятся ли вообще известные потребности в пределах этого времени»¹⁷¹. Раз за разом Менгер подчеркивает *временной* аспект благ и связанную с этим аспектом *неуверенность*. В свете позиции Джевонса, описываемой в четвертой части этой статьи, нам важно то, что Менгер, обсуждая *межвременной* выбор человека, подчеркивает близорукость его оценки будущих нужд, слабую способность предвидеть будущее: «Наслаждение, как учит опыт, кажется человеку более сильным, если оно предстоит сейчас или в ближайшем будущем,

¹⁶⁶ Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 25.

¹⁶⁷ Jafé W. Menger, Jevons and Walras. P. 521.

¹⁶⁸ Менгер К. Основания политической экономии. С. 72. Таким образом, для Менгера технологический прогресс способствует улучшению ситуации и нашего понимания того, как изменяется информационное содержание благ (Streissler E. To What Extent Was the Austrian School Marginalist? P. 431; ср.: P. 432). Актеры изображаются им как активно решающие проблемы. См. оценку Митфорда (Mitford K. Menger's Methodology // Carl Menger and His Legacy in Economics. P. 218).

¹⁶⁹ Менгер К. Основания политической экономии. С. 72, 61.

¹⁷⁰ Там же (ср.: Streissler E. To What Extent Was the Austrian School Marginalist? P. 433). Ключевым качеством экономического человека Менгера является то, что он живет и планирует свою деятельность во времени: «Однако идея причинности неразрывна с идеей времени. Каждый процесс превращения состоит из возникновения и развития и мыслим только во времени» (Менгер К. Основания политической экономии. С. 53).

¹⁷¹ Менгер К. Основания политической экономии. С. 63. Ср.: Streissler E. To What Extent Was the Austrian School Marginalist? P. 433.

чем удовольствие такой же интенсивности, если его можно вкусить только через известное время»¹⁷².

Получается, что экономический человек для Менгера – это не Вебленова быстрое действующая машина для исчисления ощущений наслаждения и страдания, но и не существо, пассивно реагирующее на изменяющиеся ограничения. Его нельзя исчерпывающе описать при помощи статичной, четко определенной функции предпочтений. Он мало знает о мире вокруг, но целенаправленно стремится расширить свои знания о нем.

Важно помнить, что, хотя движение экономического человека к достижению равновесия было в глазах Менгера медленным и трудоемким процессом, он все же приписывал экономическому человеку достаточно четкую цель. Своей задачей в «Основаниях» Менгер называл демонстрацию того, «как люди на основе таких суждений применяют доступные их распоряжению количества благ (предметы потребления и средства производства) к возможно полному удовлетворению своих потребностей»¹⁷³. Однако, хотя Менгер свято верил во власть предпочтений и в целенаправленность человеческой деятельности, он также предполагал, что потребители могут заблуждаться относительно того, что на самом деле составляет их благо¹⁷⁴. Он подчеркивал, что существуют как «истинные», так и «воображаемые» потребности, а также, соответственно, «истинные» и «воображаемые» блага: «...люди могут так же ошибаться по отношению к ценности благ, как и по отношению ко всем другим объектам человеческого познания и потому могут приписывать ценность предметам, в действительности, согласно экономическому положению вещей, ею не обладающим, если только они ошибочно считают, будто от какого-нибудь блага или количества блага зависит более или менее полное удовлетворение их потребностей, тогда как на самом деле этого отношения нет; в таком случае перед нами явление *воображаемой* ценности»¹⁷⁵. Так, например, писал Менгер, потребители ошибочно приписывают ценность примитивным лекарствам или любовным зельям. Как и Дже-вонс, он считал, что люди склонны переоценивать значение удовлетворения тех потребностей, которые «споспешествуют их благополучию хотя и интенсивно, но кратковременно»:

«Это, однако, ни в коем случае не исключает того, что нередко глупые люди благодаря несовершенству своего познания неправильно ценят значение отдельных удовлетворений потребностей, и даже те индивиды, хозяйственная деятельность которых разумна и которые, следовательно, стараются познать истинное значение удовлетворений потребностей в целях достижения таким путем правильной основы своей экономической деятельности, не свободны от ошибок, связанных со всяким человеческим познанием. Особенно легко поддаются люди заблуждению, придавая тем удовлетворениям потребностей, которые споспешествуют их благополучию хотя и интенсивно, но кратковременно, высшее значение, нежели тем, от которых зависит благополучие хотя и менее интенсивное, но простирающееся на долгое время, т. е. они часто ценят преходящие интенсивные удовольствия выше, нежели

¹⁷² Там же. С. 131. Ср.: Ibid. P. 434.

¹⁷³ Менгер К. Основания политической экономии. С. 75. Менгер неоднократно использует выражение «хозяйствующие индивиды».

¹⁷⁴ Kirzner I. Menger, Classical Liberalism, and the Austrian School of Economics // Carl Menger and His Legacy in Economics. P. 102. Люди могут заблуждаться как при оценке «своего собственного состояния», так и «при познании объективного момента определения ценности, особенно при познании величины доступных их распоряжению количеств благ различных качеств» (Менгер К. Основания политической экономии. С. 127). По мере того как хозяйственная деятельность становится более цивилизованной, количество потребляемых воображаемых благ сокращается (Там же. С. 40).

¹⁷⁵ Менгер К. Основания политической экономии. С. 100.

свое продолжительное благополучие, а иногда даже выше, нежели свою жизнь»¹⁷⁶.

Подобное отношение позволяет оправдать вмешательство государства в экономическую деятельность, если его цель – исправить ошибки потребителей при оценке благ. Собственно говоря, Менгер как раз призывал государство принять меры к поощрению бережливости, выражая в этом призыве свое отеческое беспокойство о том, что люди «часто ценят преходящие интенсивные удовольствия выше, нежели свое продолжительное благополучие, а иногда даже выше, нежели свою жизнь»¹⁷⁷. Как и Джевонс, Менгер считал, что те народы, «которые наиболее бедны действительными благами», особенно склонны ошибочно оценивать способность благ удовлетворять их нужды¹⁷⁸.

Отношение Менгера к подобным истинным и воображаемым потребностям повлияло на его теорию цен. Поскольку в теории цены основываются на оценках потребителей, исходящих из предельной полезности благ, а в реальности потребители могут заблуждаться в оценке благ, Менгер разделял «экономические цены» и цены, существующие в реальном мире. Экономические цены – это цены, которые установились бы, если бы люди не ошибались, если бы рациональные экономические акторы преследовали свои интересы, располагая полной информацией о своих нуждах и о рыночных явлениях. Однако в реальном мире люди совершают ошибки, принимая решения, стремясь сделать добро другим людям и в прочих случаях. Таким образом, экономические цены устанавливаются редко; как правило, устанавливаются реальные цены¹⁷⁹.

Полностью рациональным экономическим человеком Менгер считал просвещенное существо, понимающее свои реальные нужды; движение к полному равновесию, к экономике, для которой будут характерны «экономические цены», он считал медленным и непредсказуемым процессом. Однако это движение было чем-то большим. Оно было, как недавно выразился один ученый, «движением всей истории человечества в том виде, в каком представляли его себе европейские либералы XIX в., вторя Кондорсе»¹⁸⁰, или тем, что может быть названо «усовершенствованием человечества», если использовать фразу, которая была употреблена в отношении трудов Дж. С. Милля и У. С. Джевонса¹⁸¹.

IV. Экономический человек Джевонса

Метод Джевонса в «Теории политической экономии» заключается в анализе экономических явлений на основе нескольких важных аспектов (таких как собственный интерес индивида, эгоизм), которые можно выделить в качестве первичных факторов, влияющих на принятие экономических решений, но при этом признается существование и значимость множества

¹⁷⁶ Менгер К. Основания политической экономии. С. 126–127. Подобное отношение имеет богатую историю. Очень близкая позиция изложена в «Утилитаризме» Дж. С. Милля, а также у Джевонса и Маршалла (*Marshall A. Principles of Economics* [1890]. 8th ed. L.: Macmillan, 1930 [рус. пер.: *Маршалл А. Принципы экономической науки*. М.: Прогресс, 1993]), Фишера (*Fisher I. Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices* [1892]. New Haven, CT: Yale University Press, 1965) и Пигу (*Pigou A. C. The Economics of Welfare*. 3rd ed. L.: Macmillan, 1920 [рус. пер.: *Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния*. М.: Прогресс, 1985]). Обсуждение распространенности подобных взглядов см. в нашей работе: *Peart S. J. Impatience, Self-Reliance, and Intertemporal Decision Making in Early Neoclassical Economics*: Paper presented at the June 1996 Annual HES Conference, Vancouver, BC. Vancouver, BC: University of British Columbia, 1996.

¹⁷⁷ Kirzner I. Menger, Classical Liberalism, and the Austrian School of Economics. P. 102.

¹⁷⁸ Менгер К. Основания политической экономии. С. 40–41.

¹⁷⁹ Как мы уже отмечали, Менгер предвидел, что со временем число таких ошибок будет уменьшаться, стало быть, по его убеждению, цены, существующие в реальном мире, в будущем должны будут приблизиться к экономическим ценам (*Vaughn K. I. The Mengerian Roots of the Austrian Revival*. P. 384).

¹⁸⁰ Silverman P. The Cameralist Roots of Menger's Achievement // *Carl Menger and His Legacy in Economics*. P. 90–91.

¹⁸¹ Peart S. J. W. S. Jevons's Applications of Utilitarian Theory to Economic Policy // *Utilitas*. 1990. Vol. 2. No. 2. P. 281–306.

дополнительных факторов. В общественных науках, утверждал Джевонс, «сложность» экономических отношений мешает точно формулировать теоретические законы. Он писал, например: «Как только мы пытаемся вывести уравнения, описывающие законы спроса и предложения, мы обнаруживаем, что они настолько сложны, что наших математических способностей для этого совершенно недостаточно»¹⁸². Вследствие подобной сложности задачи Джевонс принял «сравнительно абстрактный и общий» метод Милля, «рассматривая человечество с простых точек зрения и пытаясь вывести общие принципы человеческой деятельности»¹⁸³. Этот метод заключался в том, чтобы провести теоретический анализ следствий, вытекающих из нескольких основных явлений, признавая в то же время существование дополнительных факторов. В экономической теории таким основным явлением, отправной точкой исследований, служил эгоизм индивида: «Мы можем начать с какого-нибудь очевидного психологического закона, например с того, что большая выгода предпочтительнее меньшей, и рассуждать далее, чтобы предсказать те явления, которые породит в обществе подобный закон»¹⁸⁴.

При этом Джевонс признавал, что действия потребителей являются следствием множества «внешних», «прихотливых» или «пагубных» воздействий. Он также сознавал, что смешение этих факторов с чистым эгоизмом приведет к тому, что потребитель отклонится от теоретических условий максимизации своей полезности, а цены отклонятся от соотношения конечных степеней полезности. Но поскольку в реальности экономист наблюдает выбор индивида, осуществляемый под влиянием всех факторов (а не только основного), это наблюдаемое поведение редко, если вообще когда-нибудь, совпадает с упрощенной теорией экономиста. На практике выбор может выглядеть как прихоть, и нарушения условий максимизации полезности (ошибки) происходят постоянно. Говоря о решениях, касающихся сбережений, Джевонс называл потребителей близорукими за то, что они недооценивают важность потребления в будущем и, соответственно, сберегают недостаточно средств.

В самом деле, в анализе принятия решений, который проводит Джевонс, он обращает внимание на несистематические и систематические ошибки. Вначале Джевонс предполагал, что несистематические ошибки происходят при каждой сделке, когда вследствие вмешательства «прихотливых мотивов», вследствие нехватки информации или непонимания той информации, которая содержится в ценовых сигналах, покупатели или производители проводят ошибочную торговую операцию. Однако затем в «Теории политической экономии» он даже стал утверждать, что потребители часто неспособны точно оценить полезность того или иного действия: «Разум часто колеблется и находится в замешательстве, когда необходимо принять важное решение; это говорит либо о наличии противоречивых мотивов, либо о понимании неспособности осознать связанные с этим выбором величины. Я не стал бы утверждать, что человеческий разум способен сколько-нибудь точно измерять, складывать и вычитать чувства таким образом, чтобы прийти к точному балансу»¹⁸⁵.

Джевонс признавал тот факт, что на сделки влияют обстоятельства куда более сложные, чем те, что были учтены в его теоретическом анализе максимизации полезности. Поэтому проведение им различия между «теоретически совершенными» рынками и реальными рынками – рынками «на практике» – имело огромное значение. В «Теории» он описал три несовершенства рынка, которые «более или менее» характеризуют решения, принимаемые на практике:

¹⁸² *Jevons W. S. The Principles of Science. P. 759.*

¹⁸³ *Ibid. P. 760.* Этот метод, однако, имеет ограниченную предсказательную силу (*Ibid.*).

¹⁸⁴ *Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 16–17.*

¹⁸⁵ *Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 13.*

недостаток информации, недостаток конкуренции и существование нерациональных мотивов, прихотей¹⁸⁶.

На теоретически совершенном рынке информация точна и присутствует в полном объеме. На практике, однако, информация только более или менее соответствует этой предпосылке. Отличительным признаком совершенного рынка, считал Джевонс, является не его расположение, а информация, полная и доступная всем участникам сделок, совершающихся на этом рынке¹⁸⁷.

«На практике» теоретическая концепция совершенной информации реализуема лишь «в большей или меньшей степени»¹⁸⁸.

Не удивительно, что некоторые рынки характеризуются лучшими информационными потоками, чем другие¹⁸⁹. Любое отклонение от предпосылки «общедоступной и непрерывной информации», утверждал Джевонс, ведет к заключению сделок, нарушающих равновесные условия обмена, что приводит к образованию «неестественных» относительных цен. Сговор, имеющий целью сокрытие информации, Джевонс считал одной из причин уничтожения «обычных рыночных условий», в результате чего «цены не отражают должным образом наличные количества благ»¹⁹⁰.

В дополнение к этому теоретически совершенные условия редко выполняются при сделках, заключаемых в реальном мире, поскольку то, что наблюдается, является конгломератом «случайностей», влияющих на поведение индивидов. Теоретический анализ обмена предполагает, что индивидов мотивирует лишь эгоизм: «Каждого индивида нужно рассматривать как обменивающегося из соображений исключительно собственных нужд или собственных интересов»¹⁹¹. В действительности же Джевонс признавал значение альтруизма и других внешних мотивов¹⁹².

Джевонс также соглашался, что на практике действие того, что он называл «прихотями», может оказаться сильнее предсказанной теорией реакции, скажем, на рост цен или даже скрыть ее, что приведет к непоследовательному поведению:

«Обычно мы не можем наблюдать никаких точных и постоянных колебаний в желаниях и поступках индивида, потому что действие внешних мотивов или того, что может показаться прихотью, оказывается сильнее четких тенденций. Как я уже отмечал, отдельный индивид не меняет еженедельно

¹⁸⁶ Границы между этими тремя явлениями подчас размываются. Иногда Джевонс говорит о недостатке конкуренции как о нерациональном мотиве или как о причине несовершенной информации. Иногда он ссылается на несовершенную информацию как на причину несовершенной конкуренции. В сущности, недостаток конкуренции редко обсуждается как отдельное явление. Эджуорт, который в своих исследованиях отталкивался от теории Джевонса (*Creedy J. Demand and Exchange in Economic Analysis*. P. 174), начинает работу с обсуждения конкуренции (*Edgeworth F. Y. Mathematical Phychics* [1881]. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1967. P. 17f). Он утверждает, что Джевонсов закон безразличия действует только при условии совершенной конкуренции (*Ibid*. P. 109), и критикует Джевонса за то, что тот не поднял проблему количества людей на рынке (*Creedy J. Demand and Exchange in Economic Analysis*. P. 120).

¹⁸⁷ Аналогичный аргумент Джевонс приводит касательно своих знаменитых «торгующих сторон» (*Jevons W. S. Theory of Political Economy*. P. 88–89). Как уже было сказано, Эджуорта очень волновал вопрос о том, как количество торговцев влияет на конкуренцию, а значит, и вопрос природы «торгующих сторон» Джевонса. Он описал это понятие так: «Пара торговцев Джевонса, как я понимаю, это некая типичная пара, наделенная свойством “безразличия”, чье происхождение на “открытом рынке” столь доступно объяснено...» (*Edgeworth F. Y. Mathematical Phychics*. P. 109). Каждый является «отдельным представителем», а «на заднем плане» предполагается наличие «класса конкурентов» (*Ibid.*). В других местах Эджуорт говорит об «индивидах, наделенных свойствами рынка» (*Ibid*. P. 31, n1).

¹⁸⁸ *Jevons W. S. Theory of Political Economy*. P. 86.

¹⁸⁹ *Jevons W. S. Theory of Political Economy*.

¹⁹⁰ *Ibid*.

¹⁹¹ *Ibid*.

¹⁹² См.: *Ibid*. P. 141.

количество потребляемого им сахара, масла или яиц вслед за каждым мелким изменением цен. Как правило, потребление им этих продуктов остается на одном и том же уровне, пока случай не привлечет его внимание к росту цен, после чего, возможно, он на время перестанет потреблять их вовсе»¹⁹³.

Действия индивида, повторяет Джевонс в предисловии к «Теории», часто могут «выглядеть как прихоть» из-за «многочисленных и сложных» влияющих на них «мотивов и обстоятельств»¹⁹⁴.

В рассуждениях Джевонса об «иерархии мотивов» мы находим свидетельство его веры в то, что экономические решения могут быть неверными постоянно, особенно в среде необразованного рабочего класса. В «Теории» Джевонс очертил границу своих исследовательских целей, отметив, что рассматривает только «чувства низшего разряда» – чувства, направленные на то, чтобы обеспечить удовлетворение «обычных человеческих желаний при помощи как можно меньшего количества труда»¹⁹⁵. Таким образом, заявленная им задача заключалась не в оценке того, что люди *должны* желать или потреблять, но в анализе того, что они потребляют *в реальности*: «Пища, которая предотвращает муки голода, одежда, которая предохраняет от зимнего холода, обладают несомненной полезностью; но мы не должны ограничивать значение этого слова какими-либо моральными соображениями. Все то, что индивид находит желанным, все, ради чего он готов работать, должно считаться обладающим для него полезностью. В экономической науке мы исследуем не идеальных, а реальных людей»¹⁹⁶.

Несмотря на заявления о главенствующем значении потребительских предпочтений, Джевонс, как и Менгер, имел весьма четкое собственное представление об иерархии благ. Хотя он и пытался оставаться нейтральным в своих рассуждениях о желательности тех или иных действий, его личное мнение о предпочтительности того или иного выбора очевидно даже в том, как он подходит к так называемым удовольствиям низшего разряда. Исходя из мотивов низшего уровня (наиболее эгоистичных), человек должен удовлетворять только свои «истинные и скромные» желания. Далее, писал Джевонс, для того чтобы «показать, как человек наилучшим образом может употребить это богатство для блага остальных так же, как и своего», требуется «более сложный расчет того, что является правильным или неправильным с точки зрения морали», из чего следует, что несоординированные действия индивидов способны максимизировать их собственное благосостояние, но необязательно благосостояние общества. Затем, если на потребителя ложатся «требования семьи или друзей», «может стать желательным, чтобы он отказался от привычного ему полного удовлетворения собственных желаний и даже физических нужд»¹⁹⁷. Как и Менгер, Джевонс оказывал предпочтение удовольствиям длитель-

¹⁹³ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 89. На самом деле здесь могут действовать два концептуально разных фактора: разнородность потребительских единиц и внешние мотивы.

¹⁹⁴ Ibid. P. 15. Джевонс нечасто рассуждал о тех мотивах, которые имел в виду, хотя в одном отрывке он пишет о «мотивах, более или менее чуждых для экономической теории»: знаниях, склонности, силе характера, упорстве, находчивости, опыте и «чувстве справедливости или доброты» (Ibid. P. 124, 125). Менгер также называл подобные мотивы «чуждыми» экономической науке.

¹⁹⁵ Ibid. P. 38.

¹⁹⁶ Ibid. P. 38; ср.: P. 3. Примером такого анализа является Джевонсово обсуждение азартных игр: «Если человек с определенным доходом предпочитает рисковать потерять часть его в ходе игры, вместо того чтобы потратить его любым другим способом, то экономист как таковой не может убедительно возражать против этого. Если игрок настолько лишен иных пристрастий, что трата денег за игровым столом для него является наилучшим способом их использования, то с точки зрения экономики добавить тут нечего. Вопрос переходит в плоскость морали или политики» (Ibid. P. 160–161). Однако даже здесь неодобрение Джевонса очевидно: игроки «лишены иных пристрастий». Вальрас относится к этому вопросу аналогично, хотя и более жестко: «С точки зрения всех остальных, вопрос о том, требуется ли лекарство врачу, чтобы излечить пациента, или убийце, чтобы отравить свою семью, крайне серьезен, но с нашей точки зрения, он несущественен. С нашей точки зрения, лекарство полезно в обоих этих случаях, причем, возможно, во втором случае его полезность выше, чем в первом» (Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. С. 17).

¹⁹⁷ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 25–26.

ным, хотя и более умеренным, по сравнению с удовольствиями краткими и более интенсивными. Опять же, как и Менгер, он предполагал, что потребители в подобных случаях часто делают неправильный выбор (см. его эссе об утилитаризме (1879)¹⁹⁸ и нашу работу (1990)¹⁹⁹). Такая аргументация оставляла широкие возможности для масштабного политического вмешательства в экономику со стороны государства (см. часть V).

Говоря о *межвременных* решениях потребителей, Джевонс, как и Менгер, предполагал, что и в теории, и на практике потребители проявляют близорукость, систематически недооценивая преимущества будущего потребления. Он описал ситуацию, в которой полезность блага распределена во времени. «Если мы рассмотрим все будущие удовольствия и страдания так, как если бы они существовали в настоящем», утверждал Джевонс, то решение задачи максимизации полезности будет формально идентично решению задачи выбора одного или нескольких из многих возможных способов использования блага²⁰⁰. Если благо используется на протяжении n дней, а v_1 – это предельная полезность, связанная с его потреблением в каждый отдельный день, то «существо, наделенное совершенным здравым смыслом и предусмотрительностью»²⁰¹, распределит его таким образом, чтобы $v_1 = v_2 = v_3 = \dots = v_n$. Такое распределение, писал Джевонс, является наилучшим и «будет осуществлено существом, наделенным совершенным здравым смыслом и предусмотрительностью». Чтобы обеспечить себе максимальную выгоду в жизни, нужно рассматривать все будущие события, все будущие удовольствия или страдания так, как если бы они уже происходили в настоящем, при этом помня о неопределенности их наступления. Коэффициент, выражающий эффект отдаленности, должен, коротко говоря, всегда равняться единице, таким образом, время не должно иметь никакого влияния»²⁰².

Джевонс, однако, настаивал на том, что потребители вовсе не столь совершенны, поскольку удовольствия в будущем ценятся ими меньше, чем удовольствия в настоящем: «Однако ни один человеческий ум не обладает таким совершенством: ощущение в будущем всегда имеет меньшее влияние, чем ощущение в настоящем»²⁰³. Этот предполагаемый недостаток означал, что без вмешательства государства индивиды не сэкономят достаточно средств на будущее; к этому вопросу Джевонс возвращался раз за разом в ходе анализа проблем бедности и перенаселенности²⁰⁴.

Таким образом, в ходе своего анализа Джевонс указывает на различные «ошибки» потребителей. Некоторые из них совершаются вследствие «причуд» и прочих внешних причин, другие связаны с тем, что потребители неспособны принимать взвешенные решения, третьи отражают неумение индивидов четко оценить удовлетворение, которое можно получить от потребления конкретных благ. Существуют ошибки, связанные с неведением потребителей относительно «истинной» пользы от каких-то благ, и, наконец, самые худшие ошибки проис-

¹⁹⁸ Jevons W. S. John Stuart Mill's Philosophy Tested. IV. Utilitarianism // Contemporary Review. 1879. Vol. 36. P. 521–538.

¹⁹⁹ Peart S. J. W. S. Jevons's Applications of Utilitarian Theory to Economic Policy.

²⁰⁰ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 71.

²⁰¹ Аналогичная фраза относится к решениям, принятым в конкретный момент времени (Ibid. P. 60).

²⁰² Ibid. P. 72. Подход Маршалла аналогичен: «Мудрый человек постарается распределить свои средства между всеми их назначениями – непосредственными и будущими – таким образом, чтобы они в каждом случае обладали одинаковой предельной полезностью» (Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. С. 163). Как и Джевонс, Маршалл считал, что потребители делают две поправки при оценке будущей полезности блага: первая, оправданная, обусловлена неопределенностью получения удовольствия в будущем, а вторая, неоправданная, обусловлена недостатком мудрости или нетерпением. Об аналогичном подходе к решениям, касающимся сбережений, у Джевонса, Фишера, Маршалла и Пигу см. нашу работу: Peart S. J. Impatience, Self-Reliance, and Intertemporal Decision Making.

²⁰³ Jevons W. S. Theory of Political Economy. P. 72.

²⁰⁴ Jevons W. S. The Coal Question: An Inquiry Concerning the Progress of the Nation, and the Probable Exhaustion of our Coal-mines [1865]. 3rd ed. [1906] / ed. by A. W. Flux. N.Y.: Kelley Reprints, 1965; Jevons W. S. Methods of Social Reform [1883]. N.Y.: Kelley Reprints, 1965; Peart S. J. The Economics of William Stanley Jevons.

ходят от того, что потребители недостаточно высоко оценивают «истинную» пользу от будущего потребления. Джевонс, очевидно, предполагал, что некоторые типы ошибок эмпирически менее важны, чем другие. Так, например, он считал, что последствия «причуд» невелики, а также компенсируются со временем. Однако с другими ошибками, например связанными с распределением потребления во времени, а также с систематической недооценкой некоторых конкретных благ (например, библиотек), нельзя обойтись так просто, так что они, по мнению Джевонса, требуют формального исследования экономистами-теоретиками.

Этот тип ошибок также стал аналитическим основанием для многочисленных рекомендаций Джевонса относительно просвещения потребителей, неправильно тратящих свои средства.

V. Заключение

В ходе анализа экономического выбора и Джевонс, и Менгер различали «правильные» и «неправильные» решения потребителей и описывали те результаты, которые вытекали бы из правильных (ведущих к равновесию) решений для экономических агентов и экономики. Подобному методу сопутствует неоднозначный подход к экономической политике, который, возможно, способствовал некоторому недопониманию общей политической позиции этих авторов.

Оценки потребителя управляют экономической системой у Менгера, если последствия заблуждений и прочих осложнений не существуют, игнорируются или компенсируют друг друга. В случае преобладания цен, которые «правильно» отражают лежащую в их основе реальность – «правильную» оценку благ потребителями, – т. е. «экономических цен», распределение ресурсов будет отражать (правильные) желания потребителей, играющие в экономике верховную роль. Менгер, похоже, предполагал, что рынки стремятся к экономическим ценам, но однозначно писал, что по большей части нельзя считать, что такие цены уже установились²⁰⁵. Его понимание предпринимательских ошибок и других заблуждений служило для того, чтобы отделить экономику реального мира от управляемой потребителем «экономической» модели.

Почти то же самое можно сказать о Джевонсе, которого, как и Менгера, одни считали крайним либералом, сторонником *laissez-faire*, а другие – приверженцем государственного вмешательства. Хотя в теоретическом анализе Джевонса говорится о равновесном обмене и предполагаемой совершенной информации, он четко писал, что на практике сделки заключаются близорукими, плохо информированными, нетерпеливыми или просто капризными потребителями. Его решительные высказывания в пользу политики *laissez-faire* в «Теории политической экономии» основаны на предпосылках о наличии у потребителей совершенной информации и рациональности, но таких потребителей нельзя считать репрезентативными для «экономической теории Джевонса» как таковой.

Одно предварительное заключение, которое можно сделать из приведенного здесь сравнения Джевонса и Менгера, вытекает из их разного понимания так называемого движения по направлению к равновесию. И Менгер, и Джевонс считают потребителей близорукими и нетерпеливыми. Но Менгер полагает, что потребители активно стремятся улучшить свой процесс принятия решений, в то время как, по мнению Джевонса, они не способны достичь такого улучшения без образования.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

²⁰⁵ Kirzner I. Menger, Classical Liberalism, and the Austrian School of Economics. P. 103.

Ф. В. Комим
Джевонс и Менгер: регомогенизация?
Жаффе двадцать лет спустя
Комментарий к статье С. Дж. Пирт

Перевод сделан по: *Comim F. V. Jevons and Menger Re-Homogenized? Jaf é after 20 years: A Comment on Peart // The American Journal of Economics and Sociology. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 341–344.*

В своей работе о регомогенизации Джевонса и Менгера Сандра Дж. Пирт с глубоким пониманием погружается в историю маржиналистской теории. Эта статья должна быть внимательно прочитана и признана самостоятельным аргументом в дебатах о маржиналистском движении. Вначале ее можно понять как попытку произвести переоценку тезиса Жаффе о дегомогенизации Вальраса, Менгера и Джевонса исходя из более тщательного изучения природы экономического человека у Джевонса. В пользу этой интерпретации говорит то, что новизна статьи заключается в том особом значении, которое в ней придается общим чертам теорий Джевонса и Менгера, не получившим должного отражения в работе Жаффе. Однако на самом деле Пирт поднимает вопрос, с аналитической точки зрения отличающийся от темы работы Жаффе, а именно проблему разрыва между теорией и практикой в истории маржиналистского анализа. Обсуждая значение этой статьи, необходимо иметь в виду, что все три тезиса, предложенные историками для оценки истоков маржинализма (гомогенизация, дегомогенизация, регомогенизация), были сформулированы с разными целями.

Тезис о гомогенизации как таковой не был постулирован, но представляет традиционное мнение. Коутс пишет об этом: «Объединенные достижения Джевонса, Менгера и Вальраса в начале 1870-х гг. действительно представляли собой существенный интеллектуальный прорыв в развитии экономического анализа и могут рассматриваться как революционные с точки зрения выводов, если не с точки зрения новизны или скорости распространения»²⁰⁶. Этот тезис применялся либо для того, чтобы выразить концепцию экономической науки как знания, вооруженного инструментами²⁰⁷, либо для того, чтобы провести историографическое разграничение между классической и неоклассической теориями²⁰⁸, либо для того, чтобы выделить предмет и метод экономической науки, выросшей из трудов Джевонса, Вальраса и Менгера²⁰⁹. Общей чертой трех различных версий тезиса о гомогенизации было признание явной прерывности в экономической мысли, связанной с принятием маржиналистского анализа как аналитического метода. Подход, подразумевающий гомогенизацию Вальраса, Джевонса и Менгера, часто также подразумевает, что Менгер стоит особняком в этом триумвирате. К примеру, только игнорируя вклад Менгера, Миrowski может утверждать, что «самым серьезным качественным изменением, внесенным “маржиналистской революцией”, было успешное проникновение математического дискурса в экономическую теорию»²¹⁰. Выделение общих черт у этих трех авторов осуществлялось для того, чтобы решить некоторые из перечисленных выше задач.

²⁰⁶ Coats A. The Economic and Social Context of the Marginal Revolution of the 1870's // History of Political Economy. 1972. Vol. 4. P. 304.

²⁰⁷ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 8.

²⁰⁸ Dasgupta A. K. Epochs of Economic Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1985; Winch D. Marginalism and the Boundaries of Economic Science // History of Political Economy. 1972. Vol. 4. P. 325–343.

²⁰⁹ Deane P. The Evolution of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 1978; Mirowski P. Against Mechanism: Protecting Economics from Science. Rowman & Littlefield Publishers, 1988.

²¹⁰ Mirowski P. Against Mechanism. P. 12.

Говоря о дегомогенизации маржиналистской теории, Жаффе не только предлагает исследовать различия между трудами Менгера, Джевонса и Вальраса, но и призывает изменить цель историографического исследования так, чтобы должным образом охарактеризовать *индивидуальный* вклад каждого автора²¹¹. Вследствие такого изменения цели – изменения, позволяющего уделить больше внимания теоретическим структурам и влияниям, чем аналитическим инструментам, – Жаффе утверждает, что различия между теориями Менгера, Джевонса и Вальраса важнее, чем то, что их объединяет. О некоторых из этих различий Жаффе уже писал раньше в статье, в которой, вслед за Шумпетером, утверждал, что использование Вальрасом предельного анализа как части модели конкурентного рынка отмежевывает его от двух других «революционеров»²¹². Поскольку до этого историки уже и так рассматривали Менгера отдельно от Вальраса и Джевонса, в статье 1976 г. Жаффе попытался окончательно сформулировать новую историографическую задачу и привлечь внимание к различиям между Джевонсом и Вальрасом. Его исследования привели к выводу о том, что «не только подход Джевонса разительно отличался от подхода Вальраса, но и отправная точка его анализа была иной»²¹³, – справедливое утверждение в пределах (но только в этих пределах) заданного Жаффе контекста. Принимая это во внимание, аргументы Пирт в пользу регомогенизации нужно понимать не только как общие рамки для оценки вклада Джевонса в маржиналистскую теорию, но также как постановку новой историографической проблемы. С этой точки зрения разногласия между Жаффе и Пирт относительно соотношения теорий Менгера и Джевонса не имеют первостепенного значения. Когда Пирт рассматривает авторов через призму расхождений между теорией и практикой, она исследует иной тезис, в некоторых аспектах несопоставимый с другими утверждениями, основанными на других аналитических задачах. Те аспекты, которые выделяет Пирт, сравнивая Менгера и Джевонса, не совсем совпадают с теми, о которых пишет Жаффе. Жаффе анализирует расхождения между Менгером и Джевонсом по следующим пунктам: подход к структуре потребностей с точки зрения оценки, равновесие, гедонистическая психология, использование математики, понятие причинной связи. Пирт же исследует их сходства в вопросах потребительского поведения, подхода к сложным случаям, разделения теории и практики.

Таким образом, характеристика, которую Пирт дает Менгеру и Джевонсу, напрямую не пересекается с характеристикой, которую дает им Жаффе, и не противоречит ей. К примеру, те аспекты потребительского поведения, которые она подчеркивает, относятся не к общей утилитаристской схеме Джевонса, но к таким проблемам, как близорукость оценки людьми будущих потребностей при принятии межвременных решений, а также неверные экономические решения, принимаемые «необразованными трудящимися классами». Пока все хорошо. Однако из-за того, что она выдвигает новую историографическую проблему, сопоставление «экономических цен» и «цен реального мира» у Менгера и сопоставление «теоретически совершенных рынков» и «рынков на практике» у Джевонса приобретают значение, которое нельзя оценить с точки зрения, принятой Жаффе. В результате Пирт при помощи этого сравнения иллюстрирует тезис о том, что взгляды Джевонса на человеческое поведение были сложнее, чем принято считать, и что некоторые сходные черты теорий Менгера и Джевонса остаются неисследованными, когда историография маржиналистской теории концентрируется на других аналитических задачах. Большее значение, однако, имеет затронутая Пирт тема разделения теории и практики в экономической истории. В более ранних работах Пирт сравнивала Джевонсову идею о том, что средние величины не являются релевантными для объяснения экономических явлений, и то различие, которое Джон Стюарт Милль проводил между тео-

²¹¹ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // *Economic Inquiry*. 1976. Vol. 14. P. 511–524.

²¹² Jaf é W. Léon Walras's Role in the "Marginal Revolution" of the 1870's // *History of Political Economy*. 1972. Vol. 4. P. 379–405.

²¹³ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 518.

рией и практикой²¹⁴. В то время как метод Милля подчеркивал значение противоречащих теории фактов и конкретных наблюдений для устранения несоответствий между теоретическими результатами и конкретными аспектами реальности, Джевонс признавал маловажными все те элементы, которые не способствовали установлению закономерностей и паттернов. Пирт объясняет это расхождение отчасти различными предпосылками двух авторов относительно возможности определить четкие законы человеческого поведения, а отчасти разными мнениями о необходимости соотносить теоретические аргументы с конкретными явлениями. В этой статье Пирт, приводя доводы в пользу регомогенизации Менгера и Джевонса, рассматривает позицию Джевонса относительно расхождений между теорией и практикой во многом в соответствии с работой Уайта²¹⁵. С этой точки зрения статья Пирт скорее является не пересмотром тезиса Жаффе, а возвращением к ее давнему интересу к проблеме разрыва между теорией и практикой в истории экономической науки, который в этой работе выражается через самостоятельный тезис о регомогенизации.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

²¹⁴ Peart S. "Disturbing Causes", "Noxious Errors", and the Theory-Practice Distinction in the Economics of J. S. Mill and W. S. Jevons // Canadian Journal of Economics. 1995. Vol. 28. No. 4b. P. 1194–1211; Peart S. The Economics of W. S. Jevons. L.; N.Y.: Routledge, 1996. Ch. 9.

²¹⁵ White M. Bridging the Natural and the Social: Science and Character in Jevons's Political Economy // Economic Inquiry. 1994. Vol. 32. P. 429–444.

Ф. Фонтен
Менгер, Джевонс и Вальрас: негомогенизация,
дегомогенизация, гомогенизация
Комментарий к статье С. Дж. Пирт

Перевод сделан по: *Fontaine Ph. Menger, Jevons, and Walras Un-Homogenized, De-Homogenized, and Homogenized: A Comment on Peart // The American Journal of Economics and Sociology. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 333–339.*

И. Что же, в конце концов, имел в виду Жаффе²¹⁶, говоря о дегомогенизации Менгера, Джевонса и Вальраса? Первое, что приходит на ум, – это что в какой-то момент они были гомогенизированы и Жаффе пытался вернуть им изначальный статус «негомогенизированных» авторов. Тут возникает новый вопрос: что означает слово «гомогенизация»? Возьмем, к примеру, гомогенизацию молока. В процессе гомогенизации молока молекулы содержащегося в нем жира разбиваются на мельчайшие частицы; суть всего процесса в том, чтобы смешать различные элементы молока в однородную массу так, чтобы сливки не отделялись от молока. Возможно ли, в таком случае, что, используя метафору из области химии, Жаффе пытался сказать коллегам-экономистам, что теории Менгера, Джевонса и Вальраса оказались несправедливо «низведены» до уровня простейших формулировок? Этот подход всегда был популярен при оценке различных школ в истории экономической мысли; он представляет собой хитрое средство отвлечения внимания от собственного вклада автора в экономическую науку. Не использовал ли аналогичную метафору еще Давид Юм? В письме Морелле о другой группе экономистов, а именно о физиократах, он предлагал следующее: «Я надеюсь, что в своей работе вы разгромите их, раздавите их, сокрушите их, оставив от них лишь пыль и золу!»²¹⁷ На самом деле метафора Юма не может быть приравнена к метафоре Жаффе, хотя и помогает проиллюстрировать последнюю. Действительно, Кенэ, Бодо, Мирабо и прочие давно были гомогенизированы, т. е. смешаны до однородной массы, в которой их возможные различия были не видны. Иными словами, Юм имел в виду, что пришло время превратить физиократов в ничто (а не привести их теорию к простейшей форме), в мелкие частицы, такие как пыль и зола; это скорее пульверизация, а не гомогенизация.

Как выясняется, Жаффе интересовал не столько сам процесс гомогенизации, сколько его результат. Он прекрасно знал, что Менгер, Джевонс и Вальрас были смешаны в однородную массу под названием «маржиналистская революция»²¹⁸, но не слишком распространялся на этот счет, ограничившись одной лишь краткой, хотя и информативной, ремаркой:

«Преувеличенное значение, которое историки экономической науки придают изобретению инструмента предельной полезности, когда говорят о тройном открытии маржиналистской теории, согласуется с Шумпетеровым определением науки как “знания, вооруженного инструментами”. Слишком

²¹⁶ *Jaf é W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. 1976. Vol. 14. P. 511–524.*

²¹⁷ *Hume D. Letter to Morellet, 10 July 1776 // David Hume. Writings on Economics / ed. by E. Rotwein. Madison: University of Wisconsin Press, 1955. P. 215–216.*

²¹⁸ Статья Жаффе является продолжением другой работы, представленной им на конференции в Белладжо в августе 1971 г. В той работе Жаффе подчеркивал, что Вальрас стоит особняком от своих соратников по революции благодаря «той манере, в которой он вводит свои принципы предельной полезности и... роли, которую он отводит им в “Принципе математической теории обмена” и “Элементах”» (*Jaf é W. Léon Walras's Role in the “Marginal Revolution” of the 1870s // The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation / ed. by R. D. C. Black, A. W. Coats, C. D. W. Goodwin. Durham, NC: Duke University Press, 1973. P. 118.*)

узкое толкование этого определения часто используется ими, чтобы отвлечь внимание от собственно знания и привлечь его к инструментам, применяемым для формального структурирования этого знания. То, что само знание важнее, чем инструмент, посредством которого оно создается, нам понятно из того факта, что теоретические построения Менгера, Джеворса и Вальраса, возведенные при помощи сходных вариаций одного и того же инструмента, заметно отличались друг от друга и совершенно поразному повлияли на развитие теоретических моделей, в то время как сам инструмент вообще вышел из употребления»²¹⁹.

Получается, что целью Жаффе было не столько прояснить природу гомогенизации, сколько подчеркнуть изъяны, связанные с ее результатом. Тому, кто хочет на самом деле узнать что-то из его работы, стоит иметь это в виду, потому что точно так же, как Жаффе не стал рассуждать о процессе гомогенизации, он не удосужился дать определение «дегомогенизации»²²⁰. Получается, что призыв Жаффе к дегомогенизации не вполне корректен. Статье Жаффе подошло бы название «Менгер, Джеворс и Вальрас: негомогенизация и дегомогенизация», потому что в его работе содержится два четких утверждения. Во-первых, «дегомогенизация» должна напомнить историкам экономической мысли, что «распространенная практика объединения под одним заголовком Менгера, Джеворса и Вальраса»²²¹ не должна заслонять от них того факта, что Менгер, Джеворс и Вальрас – это три разных автора, каждый с собственными взглядами. С этой точки зрения Жаффе на самом деле выступал не в пользу дегомогенизации, которая должна последовать за неудачной гомогенизацией; скорее он заострял внимание на предпосылке проведения качественных исследований в области истории экономической мысли, а именно на изучении первоисточников. Таким образом, он предлагал подходить к Менгеру, Джеворсу и Вальрасу как к негомогенизированным авторам.

Во-вторых, дегомогенизация связана с одним возможным последствием такого подхода. Различия между авторами могут временами, хотя и не обязательно, быть важнее, чем точки их соприкосновения. В случае Менгера, Джеворса и Вальраса Жаффе четко дал понять, что намерен выяснить, «не заслоняет ли от нас использование единого названия для трех “революционных” новаторских теорий 1870-х гг. тех самых различий, которые по прошествии времени стали казаться намного важнее, чем то, что их объединяло»²²². Таким образом, Жаффе предполагает, что дегомогенизация – это процесс, обратный гомогенизации, и что можно, соответ-

²¹⁹ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 512.

²²⁰ Здесь имеется в виду, что исследование значения слов «гомогенизация» или «дегомогенизация» может оказаться напрасной тратой времени. Однако есть причины полагать, что Жаффе сконцентрировал внимание на терминологии в контексте его исследования, посвященного «маржиналистской революции». Более раннюю редакцию этой работы Жаффе представил на конференции по истории экономической мысли в Бирмингеме в 1972 г. (Report on Birmingham Conference // History of Economic Thought Newsletter. Vol. 9. Manchester: University of Salford, 1972. P. 2–7). Во-первых, в этом докладе Жаффе сначала настаивал на использовании слова «эволюция», а не «революция» для описания событий 1870-х гг. Во-вторых, в этом же докладе Жаффе утверждал, что это различие важно «из-за того, что имена имеют большое значение» (Ibid. P. 4). Это может объяснить, почему Жаффе отказался от употребления в названии печатной версии статьи слов о «маржиналистской революции» в пользу «дегомогенизации». Нужно, однако, помнить о том, что более ранние версии работы Жаффе, которые он представил в Великобритании в 1972 г. («Продолжая размышлять о маржиналистской революции» («Further Thoughts on the Marginal Revolution»)) и в Японии в 1974 г. («Менгер, Джеворс и Вальрас о маржиналистской революции» («Menger, Jevons and Walras on the Marginal Revolution»)), имели иные названия, чем версия, опубликованная в журнале «Economic Inquiry» в 1976 г. («Менгер, Джеворс и Вальрас: дегомогенизация»). Наконец, следует отметить, что Жаффе продемонстрировал нежелание использовать термин «революция» в работе, представленной им на конференции в Белладжо в 1971 г., когда предположил, что более адекватными терминами будут «маржиналистский бунт» или «маржиналистский мятеж», потому что «революция в стандартной экономической теории была совершена лишь спустя несколько десятилетий после 1870-х гг.» (Jaf é W. Léon Walras's Role in the “Marginal Revolution” of the 1870s. P. 113).

²²¹ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 511.

²²² Ibid.

ственно, *дегомогенизировать* Менгера, Джевонса и Вальраса примерно так, как можно деконструировать нечто, что было сконструировано.

В своем комментарии я хотел бы указать на то, что нет смысла интерпретировать дегомогенизацию Менгера, Джевонса и Вальраса как попытку восстановить их воображаемое исходное положение негомогенизированных авторов. Иными словами, альтернативой гомогенизации, проиллюстрированной тем, что Жаффе называет «учебниками по истории экономической мысли, построенными по одному стереотипу», является не столько дегомогенизация, сколько негомогенизация, непосредственное изучение первоисточников, позволяющее признать и акцент на различиях между Менгером, Джевонсом и Вальрасом – дегомогенизацию, и акцент на их сходных чертах – гомогенизацию как две отдельные установки при чтении этих авторов.

II. Пирт соглашается с Жаффе в том, что нужно подходить к Менгеру, Джевонсу и Вальрасу как к негомогенизированным авторам:

«Я не хочу сказать, что Вальраса, Джевонса и Менгера надо регомогенизировать. Но внимательно изучая первоисточники... можно обнаружить у Джевонса куда более сложные воззрения на человеческое поведение, чем те, что ему обычно приписываются. Эти воззрения имеют много общего с предпосылками теории Менгера: предрасположенностью человека к развитию, принятием им решений в условиях неопределенности, важной ролью ошибок, а также значением фактора времени при принятии решений»²²³.

Однако она также возражает Жаффе: она считает, что «попытка дегомогенизировать Джевонса, Вальраса и Менгера, возможно, привела к тому, что некоторые ключевые общие черты теорий... Джевонса и Менгера оказались в тени»²²⁴. К сожалению, Пирт пала жертвой неоднозначной терминологии Жаффе: она представляет гомогенизацию и дегомогенизацию как два противоположных подхода, хотя из структуры и содержания ее статьи совершенно очевидно, что она считает их комплементарными. Убедительный пример этой неоднозначности являет собой следующее заявление Пирт: «Может быть, в таком случае имеет смысл “регомогенизировать” Джевонса и Менгера, но не Вальраса?»²²⁵. То есть она считает, что все три автора в какой-то момент были гомогенизированы, что Жаффе их дегомогенизировал и что, возможно, пришло время регомогенизировать хотя бы двоих из трех на основании их общих взглядов на человека, принимающего решения.

Есть две причины, по которым Пирт не стоит противопоставлять свои аргументы аргументам Жаффе. Одна из них: ничто не свидетельствует о том, что гомогенизация и деомогенизация исключают друг друга или что они должны производиться по очереди. Соответственно, нет никакой нужды в «регомогенизации» авторов в области истории экономической теории. Гомогенизация и дегомогенизация отражают разные точки зрения, принятые историками экономической мысли в ходе изучения первоисточников, – скажем, пользуясь примером Жаффе, определение науки либо как знания, вооруженного инструментами, либо как структурированного знания. Более того, может быть полезно взглянуть на Менгера, Джевонса и Вальраса под заголовком «Маржиналистская революция 1870-х гг.», если нужно показать, что их труды обнаружили знаменательный разрыв с классической теорией вообще и Рикардо в частности. Напротив, стремление классифицировать этих авторов вместе может оказаться не столь акту-

²²³ Peart S. J. Jevons and Menger Re-Homogenized?: Jaf é after 20 years // American Journal of Economics and Sociology. 1988. Vol. 57. P. 307–308.

²²⁴ Ibid. P. 307.

²²⁵ Ibid. P. 308.

альным для тех, кто видит больше преимуществ в аналитических разработках 1870-х гг. Отчасти дело тут в собственных научных интересах историка экономической мысли. И я достаточно пессимистично смотрю на возможность примирить противоборствующие точки зрения при помощи внимательного изучения первоисточников 1870-х гг. Весьма вероятно, что гомогенизация и дегомогенизация сосуществовать будут еще долго.

Есть и другая причина, по которой Пирт не следовало бы перенимать определение дегомогенизации как противоположности гомогенизации, принятое Жаффе. Она начинается с перечисления различий между Менгером, Джевансом и Вальрасом (точнее, в конечном итоге различий между Вальрасом, с одной стороны, и двумя его современниками – с другой), а заканчивается демонстрацией того, что у Джеванса и Менгера были одинаковые взгляды на экономического человека. Точнее, она настаивает, что «для Джеванса и Менгера вопрос определения цен не был ключевым»²²⁶, а для Вальраса был и что последнего «куда меньше интересовала разработка теории субъективной оценки потребительских благ»²²⁷. Далее она подчеркивает, что и Менгер, и Джеванс считают человека, принимающего решения, подверженным заблуждениям, чувствующим нерешительность и сталкивающимся с информационными лагунами. Если статья Пирт – это не попытка соединить дегомогенизацию и гомогенизацию, то я не знаю, что это.

Однако если правда, что дегомогенизацию и гомогенизацию следует рассматривать как взаимодополнения, то от их комбинации должна быть какая-то польза. Иными словами, зачем нам вообще гомогенизировать и дегомогенизировать Менгера, Джеванса и Вальраса? Из статьи Пирт понятно, что оправдание использованию этого смешанного подхода – более ясное понимание воззрений Джеванса и Менгера на экономического человека. Однако нужен ли нам для этого Вальрас? Аналогичным образом, нужен ли нам Джеванс, чтобы разобраться с Менгеровым экономическим человеком? И, наконец, нужен ли нам Менгер, чтобы понять Джевансова экономического человека?

Пирт не дает подробного ответа на первый вопрос. К примеру, она не высказывает суждения о том, объясняются ли сходные взгляды Джеванса и Менгера на экономического человека тем, что в отличие от Вальраса они концентрируются на поведении при обмене, а не на определении цены при совершенно свободной конкуренции. Сходным образом, тот факт, что «Вальраса куда меньше интересовала разработка теории субъективной оценки потребительских благ», не проливает света на тот факт, что «и Менгер, и Джеванс считают потребителей близорукими и нетерпеливыми»²²⁸. Это просто свидетельствует о том, что Вальрас выбрал иное направление исследований. Вальрас вполне может отличаться от Джеванса и Менгера, но это ничего не говорит нам о том, почему у Джеванса и Менгера были схожие взгляды.

Что касается двух других вопросов, Пирт выражается яснее, хотя она могла бы и больше углубиться в объяснение сходных черт Менгера и Джевансова экономического человека. Дело в том, что ее аргументация, хотя и интересная, остается сомнительной. Возможно, между взглядами Джеванса и Менгера на экономического человека и есть сходство. Однако похоже на то, что это сходство заслоняет одно ключевое расхождение между Джевансом и Менгером. В то время как описание экономического человека как заблуждающегося, плохо информированного существа у Менгера относится к сфере теории, за исключением теории цен, у Джеванса оно преимущественно относится к сфере практики. Конечно, не следует забывать случай торга при заключении сделки (*bargaining*), в ходе которого Джевансов экономический человек напоминает Менгера тем, что принятие им решений очень сильно зависит от информации. Очевидно, что в таких ситуациях необходимая информация не связана с «общностью зна-

²²⁶ Peart S. J. Jevons and Menger Re-Homogenized? P. 308.

²²⁷ Peart S. J. Jevons and Menger Re-Homogenized? P. 309.

²²⁸ Ibid. P. 320.

ния», на которую Джевонс ссылается в случае совершенного рынка; она приобретается «в ходе сделки». Однако, как признает сама Пирт, в подобных ситуациях экономическим человеком движут мотивы, которые более или менее чужды экономической теории. Аналогичным образом можно найти общие черты в идеях Джевонса и Менгера о том, как потребители принимают решения. Пирт утверждает, что и у Джевонса, и у Менгера потребители могут заблуждаться относительно того, что на самом деле является для них благом. Однако и здесь тоже, как оказывается, сравнение должно быть уточнено. Когда «Джевонс признавал, что действия потребителей являются следствием множества “внешних”, “прихотливых” или “пагубных” воздействий»²²⁹, он всего лишь хотел сказать, что на практике его условия максимизации полезности могут быть неприменимы. Соответственно, сомнительно, что Джевонс считал бы подобные воздействия частью экономической теории. Напротив, у Менгера понятия «действительных» и «воображаемых» благ открывают возможность для изучения ошибок самой экономической теорией. В любом случае остается неразрешенным вопрос: существует ли однозначная связь между тем, как принятие решений рассматривается в теории обмена, и тем, как оно рассматривается в теории полезности?

III. В заключение я хотел бы подчеркнуть, что попытка Жаффе дегомогенизировать Менгера, Джевонса и Вальраса все еще актуальна. Более того, критической необходимостью является признание вклада каждого из авторов в экономическую науку как самостоятельного, поскольку это может обогатить содержание современной экономической теории. На сегодняшний день только теория экономического равновесия Вальраса пользуется заслуженным вниманием. Однако, как наглядно демонстрирует нам Пирт, историкам экономической мысли может также быть весьма полезно исследовать сходство между экономическим человеком у Менгера и Джевонса не только потому, что оно может пролить свет на их рекомендации относительно экономической политики, но и потому, что оно представляет собой интересную точку зрения на эволюцию парадигмы *homo economicus* начиная с 1870-х гг.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

²²⁹ Peart S. J. *Jevons and Menger Re-Homogenized?* P. 315.

Р. Ф. Эбер
Джевонс и Менгер: регомогенизация.
кто настоящий «третий лишний»?
Комментарий к статье С. Дж. Пирт

Перевод сделан по: *Hébert R. Jevons and Menger Re-Homogenized: Who Is the Real “Odd Man out”? A Comment on Peart // The American Journal of Economics and Sociology. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 327–332.*

I. Введение

Работа Сандры Дж. Пирт «Джевонс и Менгер: регомогенизация? Жаффе двадцать лет спустя» – это попытка по прошествии двух десятилетий произвести переоценку тезиса Жаффе, который он выдвинул как упрек историкам экономической науки в склонности не замечать различий между отцами-основателями так называемой маржиналистской революции – Джевансом, Менгером и Вальрасом. Жаффе выражал недовольство тем, что тенденция к гомогенизации первооткрывателей маржинализма заслоняет важные различия между их концепциями и что из них троих Менгер был «третьим лишним»²³⁰. Пересмотрев этот вопрос, Пирт, однако, заключает, что расхождения между Джевансом и Менгером не так уж велики, как казалось Жаффе, и что при внимательном рассмотрении «третьим лишним» выступает Вальрас. Я нахожу исследование Пирт во многих отношениях убедительным, особенно в той части, где она пишет об образовании естественного союза между Джевансом и Менгером по поводу ключевых проблем, таких как значимость процесса, неопределенности, ошибок и фактора времени. Я также считаю, что многие современные историки экономической мысли упустили фундаментальный характер смены парадигмы, представляющей собой переход от классической экономической теории к неоклассической. Это обстоятельство по-прежнему делает затруднительным понимание места, занимаемого соответственно Джевансом, Менгером и Вальрасом в истории экономической науки.

II. Проблема «революционности» предельной полезности

Тенденция к гомогенизации Джеванса, Менгера и Вальраса возникла вследствие непонимания фундаментального характера смены парадигмы экономической науки – от классической к неоклассической. Значение ключевых изменений, произошедших после 1850 г. в экономической теории, заключалось не столько в том, что в мышление экономистов проникло понятие полезности, сколько в том, что объяснения сдвинулись из плоскости макроэкономики (вопросы экономического роста и распределения доходов) в плоскость микроэкономики (решения, принимаемые фирмой и индивидуальным потребителем). В конце концов, еще древние греки признавали полезность стимулирующим фактором человеческого поведения. Смит осознавал это, хотя и сторонился полезности в своих парадоксальных рассуждениях о ценности. Бентам вернул концепции полезности былую славу, пусть и в роли *агрегированного* показателя благосостояния. Джеванс очевидным образом считал Бентама автором правильной теории человеческого поведения, хотя и сделал центром своего анализа не соображения коллективного благосостояния (как у Бентама), а решения индивида. Аналогично, концепция *маржинализма* также в какой-то мере присутствовала в классической теории. Взять хотя бы теорию

²³⁰ *Jaf é W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. 1976. Vol. 14. P. 511–524.*

ренты Рикардо, согласно которой отдача от земли основывалась на ее предельной производительности, соответствующей плодородности. Или – фон Тюнена, который блестяще применял маржиналистский принцип в собственной версии сельскохозяйственной экономики. Тем не менее экономисты-классики от Смита до Милля не нашли сколь-либо важного места в своих теориях для полезности, а значит, и для предельной полезности. Сениор, к примеру, признавал это понятие, но ни разу им не воспользовался²³¹.

Необходимость в *понятии предельности* (marginal concept), как в свое время писал Хатчисон, появляется, когда одинаковые, следующие одна за другой единицы благ или факторов производства имеют разное значение для потребителя или производителя²³². Поскольку экономисты классической школы обращались преимущественно к конкурентным рынкам, где нет расхождения между предельными и средними издержками, для основных классических моделей понятие предельности, равно как и разделение ценности на предельную и среднюю, было достаточно бесполезным. Отсутствие или наличие соображений, связанных с полезностью, не является тут главным. Таким образом, Хатчисон верно заключил, что «в предельной полезности важно скорее прилагательное, чем существительное»²³³.

III. Джевонс, Менгер и традиция инженеров-экономистов

Важным – недооцененным – экзогенным явлением, которое и обнаружило необходимость в понятии предельности, была железная дорога. Воплощенная на практике новая технология, железная дорога произвела настоящую транспортную революцию; однако она также вызвала теоретическую революцию в экономической науке. Железная дорога сулила огромные потенциальные выгоды практически для всех потребителей, но при этом требовала крупных капиталовложений. Изучение того, насколько такие инвестиции целесообразны, особенно когда в дело должны были пойти государственные средства, изначально было вотчиной инженеров. Поэтому не удивительно, что настоящими пионерами маржиналистского анализа были инженеры, такие как Элле²³⁴, Дюпюи²³⁵ и Ларднер²³⁶. Эти авторы, наряду с менее известными, столкнулись с новыми задачами, связанными с определением цен и объемов выпуска продукции фирмами-монополистами, которые несли высокие постоянные и низкие переменные издержки, а также имели резко возрастающую отдачу. Проблема распределения издержек и поиска оптимальных железнодорожных тарифов стала главной в экономике нового транспорта, и полезность для потребителя была неотъемлемой частью этой проблемы. Классическая теория плохо подходила для решения подобных задач. Поэтому инженеры, опираясь на свои специальные знания и ресурсы, стали искать новые аналитические инструменты, и эти поиски ознаменовали начало плодотворного периода открытий и изобретений.

Джевонс и Менгер с интересом восприняли эти разработки, в то время как Вальрас оставался к ним равнодушен²³⁷. У нас есть даже собственное признание Джевонса в том, что книга

²³¹ Senior N. W. An Outline of the Science of Political Economy [1836]. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1965. (Reprints of Economic Classics).

²³² Hutchison T. W. A Review of Economic Doctrines 1870–1929. Oxford: Clarendon Press, 1953.

²³³ Ibid.

²³⁴ Ellet C., Jr. An Essay on the Laws of Trade in Reference to the Works of Internal Improvement in the United States [1839]. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1966. (Reprints of Economic Classics).

²³⁵ Dupuit J. De la mesure de l'utilité de travaux publics // Annales des ponts et chaussées, mémoires et documents. 2e ser. 1844. Vol. 8. No. 2. P. 332–275; Dupuit J. De l'influence des péages sur l'utilité des voies de communication // Ibid. 1849. Vol. 17. No. 1. P. 170–248.

²³⁶ Lardner D. Railway Economy [1850]. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1968. (Reprints of Economic Classics).

²³⁷ Официальный путь к профессии инженера-строителя во Франции лежал через Политехническую школу (École polytechnique) и Национальную школу мостов и дорог (École nationale des ponts et chaussées). Последняя была чем-то вроде аспирантуры для выпускников первой, которые хотели стать гражданскими инженерами на государственной службе. Вальрас

Ларднера повлияла на него, когда он писал свои первые экономические эссе о проблемах железнодорожной отрасли Нового Южного Уэльса. Он также был осведомлен и о других прорывных исследованиях инженеров. К примеру, Дженкинсово графическое изображение спроса и предложения побудило его отдать свою работу в печать быстрее, чем он изначально планировал. В случае Менгера сложнее проследить прямые связи с трудами инженеров-экономистов, потому что он нигде явно не упоминал о них. Однако его личная библиотека была оснащена самой разнообразной литературой. Только из трудов французов (которые, пожалуй, были наиболее основательны в своих изысканиях) мы находим в библиотеке Менгера следующие: подборку журнала «*Annales des pontes et chaussées*» (за 1844–1849 гг., когда в нем издавались прорывные статьи Дюпюи), книги Инара²³⁸, Дютана²³⁹, Казо²⁴⁰, Дю Мениль-Мариньи²⁴¹, Дюпюи²⁴² и Фовиля²⁴³.

С одной стороны, наличие в библиотеке Менгера этих книг и журналов – это лишь косвенное свидетельство, но с другой стороны, у нас есть все основания предположить, что Менгер был погружен в инженерно-экономическую литературу, поскольку он не был простым библиофилом, собирающим книги лишь для коллекции. Особенно вероятно то, что он впитал смелые идеи Дюпюи, многие из которых столь удивительно похожи на его собственные.

IV. Заключение

Можно с уверенностью сказать, что благодаря ключевой роли, сыгранной ранее инженерами в развитии экономической теории, к 1870 г. переход от макроэкономических изысканий к микроэкономическим в Европе был в полном разгаре. Когда этот переход набрал обороты, стало возможным выделить два явственно различных подхода: подход с точки зрения частичного равновесия Джевонса, Менгера и Маршалла и подход с точки зрения общего равновесия Вальраса. Дюпюи предвосхитил появление теории частичного равновесия, которую Маршалл довел до совершенства поколение спустя. Однако концепция общего равновесия стала теоретическим новшеством первого порядка, и вся заслуга его изобретения принадлежит одному Вальрасу. Как подчеркивали Жаффе и другие исследователи, предельная полезность для Вальраса была почти второстепенным, хотя и стержневым понятием, потому что она позволила ему преодолеть аналитическую пропасть между спросом и уравнениями цен, необходимыми для его системы общего равновесия. Говоря словами Жаффе, «Вальрас не поднимался от пре-

не сумел сдать вступительный экзамен в Политехническую школу, так что оба эти учебных заведения были для него закрыты, и он до конца жизни имел зуб на французское инженерное ведомство.

²³⁸ *Isnard A. N. Traité des richesses: 2 vols. Londres: Lausanne François Grasset, 1781.*

²³⁹ *Dutens J. M. Analyse raisonnée des principes fondamentaux de l'économie politique. Paris: Chez Courcier, 1804; Dutens J. M. Philosophie de l'économie politique, ou nouvelle exposition des principes de cette science. Paris: J. P. Aillaud, 1835.*

²⁴⁰ *coll_0 Eléments d'économie privée et publique, ou Science de la valeur des choses, et de la richesse des individus et des nations. Paris: Huzard, 1825; Cazaux I. F. G. Bases fondamentales de l'économie politique, d'après la nature des choses. Paris: Huzard, 1826.*

²⁴¹ *Du Mesnil-Marigny J. Les libre-échangistes et les protectionnistes conciliés ou solution complète des principales questions économique. 2e ed. Paris: Guillaumin, 1860; Du Mesnil-Marigny J. L'économie politique devenue science exacte, ou, Les libre échangistes et les protectionnistes conciliés [1878]. 3e ed. Paris: E. Pion, 1998.*

²⁴² *Dupuit J. La liberté commerciale: son principe et ses conséquences. Paris: Gillaumin, 1861; Dupuit J. Études théoriques et pratiques sur le mouvement des eaux dans les canaux découverts et à travers les terrains perméables. 2e ed. Paris: Dunod, 1863; Dupuit J. Traité théorique et pratique de la conduite et de la distribution des eaux. 2e ed. Paris: Dunod, 1865.*

²⁴³ *Foville A. [de]. La transformation des moyens de transport et ses conséquences économiques et sociales. Paris: Guillaumin, 1880. Полный перечень книг см. в библиотеке Менгера в «Katalog der Carl Menger Bibliothek» в Университете Хитотубаси в Токио (Katalog der Carl Menger Bibliothek in der Hitotsubashi-Universitaet. 2 vols. Tokyo: Bibliothek von der Hitotsubashi-Universitaet, 1955). Оценку того относительного вклада, который внесли перечисленные выше инженеры в инженерно-экономическую традицию см. у Этнера (*Emer F. Histoire du calcul économique en France [1953]. Paris: Economica, 1987*), а также у нас и Экелунда (*Ekelund R. B., Jr., Hébert R.F. Secret Origins of Modern Microeconomics: Dupuit and the Engineers. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999*). На протяжении всего XIX в. // австрийские инженеры-железнодорожники учились в парижской Национальной школе мостов и дорог, и французские гражданские инженеры часто использовали данные по австрийским железным дорогам в своих эмпирических исследованиях.*

дельной полезности на уровень своей системы общего равновесия, он, наоборот, спустился с этого уровня к предельной полезности»²⁴⁴. Напротив, Джевонс и Менгер начали с понятия субъективной полезности и строили свои теории снизу вверх²⁴⁵.

Двадцать лет назад Жаффе оказал нам услугу, предупредив об опасности смешения авторов в одну кучу путем выделения сходств между ними и игнорирования различий. В разумных пределах каждый автор должен оцениваться согласно его или ее заслугам в соответствующих исторических условиях. Однако есть смысл и в том, чтобы объединять авторов в «лагеря» в соответствии с тем, как они повлияли на развитие экономической теории. Экономисты XX в., как витязи на распутье, стояли перед выбором между системами частичного равновесия и общего равновесия. Судя по тому пути, который они для себя избрали, очевидно, что Вальрас принадлежал к одному лагерю, а Джевонс и Менгер – к другому.

Перевод с английского Н. В. Автономовой

²⁴⁴ Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 513.

²⁴⁵ Жаффе также добавил, что, в отличие от Джевонса и Менгера, «Леон Вальрас стремился завершить свою модель конкурентного рынка, а не изложить теорию субъективной оценки потребительских благ» (Jaf é W. Menger, Jevons and Walras. P. 515).

Экономическая реальность: пространственные и исторические срезы

Г. Д. Гловели

Перипетии экономических периодизаций истории

I. У истоков: от Просвещения XVIII в. к эволюционизму XIX в.

Первые опыты периодизации истории хозяйственного быта появились в просветительском контексте противопоставления цивилизованных народов дикарям и оформления политической экономии как самосознания гражданского общества. Французское²⁴⁶ (А. Р. Ж. Тюрго, Ж. А. Н. де Кондорсе), а затем и немецкое (И. Г. Гердер, Г. В. Ф. Гегель) Просвещение ввело в философию истории идею *прогресса*. Шотландское Просвещение (А. Смит и его друг А. Фергюсон) положило начало соотнесению экономического прогресса со стадийными различиями в сферах занятости и характере собственности.

Фергюсон, исходя из этих различий, в «Очерке истории гражданского общества» (1767) первым выделил стадии *дикости* (пропитание посредством охоты, рыболовства, собирательства и уравнительное распределение), *варварства* (скотоводческо-земледельческое состояние с переходом к частной собственности) и *цивилизации* (неравенство, обусловленное наличием крупного землевладения и применением капитала). Смит своими лекциями в Университете Глазго вдохновил русского слушателя Семёна Десницкого, который по возвращении на родину (1767) стал первым русским профессором права. В «Юридическом рассуждении о разных понятиях, какие имеют народы о собственности» (1781) Десницкий выделил уже не три, а четыре «состояния хозяйственного быта» народов: охотничье-собирательское («первоначальное»), скотоводческое («пастушеское»), земледельческое («хлебопашественное») и торгово-промышленное («коммерческое»).

Шотландский просветитель и практикующий джентльменфермер Генри Хоум (лорд Кеймс, 1716–1782), а затем один из видных деятелей (и жертв) Французской революции Антуан Барнав (1761–1793) ввели в возникшую хозяйственно-стадийную схему *географическое ограничение*: восхождение по всем ступеням осуществилось только в странах умеренного климатического пояса. Барнав отметил, что нации Западной Европы опередили прочие страны в торгово-промышленном состоянии благодаря выгодным географическим условиям для навигации и коммерции (изобилие заливов, озер и судоходных рек), содействовавшим усилению городов как центров движимого капитала в приморских странах умеренного пояса.

Барнав указывал также и на связь перехода от одной стадии к другой с ростом населения. Его книга «Введение во Французскую революцию» была издана, однако, только через пятьдесят лет (1843) после его гибели на гильотине, и *демографический критерий* вошел в историко-хозяйственную периодизацию благодаря другим авторам, прежде всего географу и этнографу итальянского происхождения Адриано Бальби (1782–1848). Бальби указал на многократный рост плотности населения при переходе от охотничьего к скотоводческому состоянию и на дальнейшее сгущение населения у земледельческих и торговых народов.

²⁴⁶ Нелишне напомнить, что слово «цивилизация» (*civilisation*) произошло от французского глагола *civiliser* («смягчать нравы», «просвещать»), восходящего к латинским словам *civitas* – «город» и *civilis* – «гражданский». Происхождение понятия исследовано Л. Февром (*Февр Л. Бои за историю* / пер. с фр. М.: Наука, 1991. С. 239–281).

Далее к поискам критериев хозяйственной периодизации подключились скандинавские археологи, выделявшие роль материалов, из которых делались орудия труда и средства обмена. Датчанин Кристиан Томсен (1788–1865) вывел последовательность «каменный век – бронзовый век – железный век», а швед Свен Нильссон (1787–1887) связал с началом использования металлов переход от дикости (охоты и собирательства) к последующим состояниям кочевого скотоводства (номадизма) и оседлого земледелия, а с началом чеканки монеты – переход к цивилизации.

С середины XIX в. и география, и этнография, и историография вошли в круг исследовательских дисциплин, воспринявших общенаучную идею эволюционных закономерностей. Сложившаяся в Германии историческая школа в политэкономии сфокусировала свое внимание на таких аспектах цивилизации, как расширение *масштабов обмена* и развитие *форм промышленности*. Предтеча школы Фридрих Лист в «Национальной системе политической экономии» (1841) выдвинул линейную схему пяти стадий: дикарской, пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и высшей, «земледельческо-мануфактурно-коммерческой». Эта весьма упрощенная и прямолинейная схема была отброшена, но ее заменили периодизации, основанные на критерии уровня *менового оборота*. Сначала Б. Гильдебранд (1864) ввел категорию *натурального хозяйства*, противопоставив его как первую стадию двум стадиям *менового хозяйства* – *денежной и кредитной*²⁴⁷. Затем К. Бюхер (1893) соотнес уровень менового оборота с длиной пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя²⁴⁸. Схема удлинения этого пути у цивилизованных народов выглядела следующим образом: 1) замкнутое домашнее хозяйство (потребление произведенных в хозяйстве предметов в нем же); 2) городское хозяйство (поступление произведенных предметов для потребления непосредственно в другое хозяйство); 3) народное хозяйство (предметы доходят от производителя к потребителю через ряд посредствующих звеньев). Бюхер показал, что с удлинением пути оборота развиваются и формы промышленности – от работы на себя (1) и на заказ домохозяина (2) к городскому ремеслу (3) и далее (стадия народного хозяйства) – к кустарной промышленности (4) и фабричному производству (5).

Эта эволюция сопровождается распространением сферы влияния капитала вплоть до полного охвата им национальной экономики. На ступени домашнего производства нет капитала (1), а имеются лишь потребительские блага разной степени готовности к потреблению. В производстве на заказ капиталом является лишь инструмент в руках работника (2), изготовляющего продукт для потребителя либо дома у того, либо дома у себя; в ремесле капитал пополняют помещение и сырье (3), но продукт сбывается непосредственному потребителю. В кустарной промышленности уже и продукт становится капиталом, но не работника, а купца-предпринимателя; раньше, чем перейти к потребителю, продукт становится средством наживы одного или нескольких посредников-купцов (4). Наконец, в фабричной системе рабочий лишается капитала в виде материала и капитала в виде орудий – все составные части капитала сосредоточиваются в руках фабриканта-предпринимателя, который сам занимается и сбытом своих товаров (5).

Историческая школа в политэкономии способствовала выделению экономической истории в особую науку. Ее главные задачи российским адептом школы И. М. Кулишером были охарактеризованы как установление периодизации хозяйственной жизни народов и обоснова-

²⁴⁷ Hildebrand B. Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft und Kreditwirtschaft // Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik. Bd. 2. Jena: Mauke, 1864. P. 1–24.

²⁴⁸ Bücher K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Sechs Vorträge. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1893 (рус. пер.: Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Публичные лекции и очерки / под ред. и с предисл. И. М. Кулишера: в 2 вып. СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1907).

ние социальных реформ²⁴⁹. Историческая школа стремилась оправдать направляемые государством преобразования в хозяйстве и социальном (рабочем) вопросе. *Эволюционный подход* исторической школы предполагал неизбежность изменений, но постепенных, без революционных скачков. И этим он принципиально отличался от другого сложившегося историко-стадиального подхода в политэкономии – *формационного*, связавшего рабочий вопрос с доктриной радикальных революционных преобразований собственности.

II. Формационные подходы

Концепция индустриального общества – основа формационных подходов

В широковещательном – от В. Ульянова-Ленина²⁵⁰ (1913) до Ж. Аттали²⁵¹ (2005) – представлении К. Маркса в трех ипостасях как немецкого философа, английского политэконома-классика и общеевропейского революционера-социалиста обычно не замечают одного важного момента. Антиисторизму классической школы английской буржуазной политэкономии противостоит историзм двух других источников марксизма: немецкой диалектики и утопического социализма. М. И. Туган-Барановский, отметив как общую черту утопического (и так называемого научного) социализма то, что идеал выставляется в качестве результата исторического развития, особо выделил учение Ш. Фурье о гарантизме как идею общественно-национального минимума в новом строе, в который преобразуется строй буржуазной цивилизации²⁵².

За трагикомическим опытом «биржи справедливого обмена» Р. Оуэна и его последователей стояла идея историзма форм обмена (бартер – деньги – «трудовые квитанции»). Но, конечно, решающее влияние на марксизм оказало учение К. А. Сен-Симона и его школы, систематизированное в «Изложении учения Сен-Симона» (1828–1829) С.-А. Базара и Б. П. Анфантена. По существу, не Маркс и Энгельс, а Сен-Симон и сен-симонисты должны считаться основателями формационного подхода, соединившего идею линейно-стадиальной периодизации истории и положение о совпадении интересов определенных общественных классов с общим направлением экономического и социального прогресса.

Сен-Симон ввел понятие *индустриального общества*, сменяющего в результате ряда революций (политических и научных) военно-теократическое сословное общество; сен-симонисты – идею убывания классового антагонизма и возрастания ассоциации вплоть до централизованного научного планирования работ. Из сен-симонизма исторический материализм и «пролетарская политэкономия» Маркса и Энгельса заимствовали критерий стадиального смягчения эксплуатации человека человеком (рабовладение, крепостное право, наемный труд), тогда как другой критерий – стадиальный прогресс знания (религиозное, метафизическое, научное) перешел в позитивизм и социологию О. Конта.

²⁴⁹ Кулишер И. М. Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. 1908. Кн. 7. С. 53–65.

²⁵⁰ Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 40–48.

²⁵¹ Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух / пер. с фр. М.: Молодая гвардия, 2008.

²⁵² Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского // Памяти Н. Г. Чернышевского. СПб.: Вольное экономическое общество, 1910. (Труды ВЭО. Т. 1. Вып. 1. Отд. 5. С. 3). У Фурье гарантизм – переходная ступень между строем цивилизации и «социантизмом» («полуассоциацией», перерастающей далее в «гармонизм» – «ассоциацию»).

Заслуживает внимания абзац в «Изложении учения Сен-Симона», который еще до появления самого слова «социализм» очертил формационное понимание социализма, ставшее через марксистскую идеологию каноническим в СССР:

«Человек эксплуатировал до сих пор человека. Господа, рабы; патриции, плебеи; сеньоры, крепостные; земельные собственники, арендаторы; бездельники, труженики – такова прогрессивная история человечества до настоящего времени. Всемирная ассоциация – вот наше будущее. Каждому по его способности, каждой способности по ее делам – вот новое право, которое заменит право завоевания и право рождения»²⁵³.

Наконец, из сен-симонизма марксистское учение о способах производства и общественно-экономических формациях заимствовало *эталонный подход*. Характеристика формаций основывалась на анализе опыта отдельных «образцовых» «классических» стран и регионов: рабовладельческих Греции и Римской империи, феодально-сословной Франции, индустриально-капиталистической Англии. Резюмировав основы формационной теории прогресса в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859), Маркс заявил в предисловии к первому тому «Капитала» (1867), что страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране картину ее собственного будущего.

Стадии капиталистической формации

Из систематизации экономической истории Англии Маркс вывел членение капиталистической формации на две исторические стадии, отождествив с ранней – мануфактуру²⁵⁴ (применение детализированного ручного труда многих наемных работников), а со зрелой – фабричное машинное производство. Переход от одной стадии к другой был отождествлен Марксом с промышленным переворотом в Англии, ранее исследованным Ф. Энгельсом («Положение рабочего класса в Англии», 1845) и датированным 1760–1830 гг.

Понятие мануфактурного периода у Маркса и Энгельса в целом синонимично понятию эпохи первоначального накопления капитала и господства торгового капитала в Западной Европе. Это стадия перехода от общества феодальных стеснений к обществу свободной конкуренции капиталистических фабрик. Хронологические рамки этой эпохи вмещают также великие буржуазные революции. К ним Маркс и Энгельс отнесли революции Нидерландскую (война за независимость от Испании, 1566–1609), Английскую (парламентский «Великий мятеж», 1640–1649), Французскую (низвержение «Старого режима», 1789–1794).

Уточнение деталей как мануфактурной, так и фабричной стадии капиталистического способа производства было сделано последователями германской новой исторической школы, хотя ее основатель-лидер Г. Шмоллер считал, что самый термин «капитализм»²⁵⁵ надо оставить газетчикам. А. Гельд (1844–1880) выяснил, что преобладающей формой мануфактуры была не централизованная мануфактура, как полагал Маркс, а рассеянная; И. Кулишер охарактери-

²⁵³ Изложение учения Сен-Симона. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 110–111.

²⁵⁴ В обыденном словоупотреблении в западных языках, перешедшем после реформ Петра I и в русский язык, мануфактура (по-русски буквально «рукоделие») – крупное предприятие в обрабатывающей промышленности вообще. Категориальное разграничение мануфактуры и фабрики, аналогичное Марксову, раньше него сделал российский политэконом А. К. Корсак в книге «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России» (1861). См.: Гловели Г. А. Корсак – первый русский экономист-компаративист // Вопросы экономики. 2011. № 7. С. 62–78.

²⁵⁵ В Германии его ввел в обиход А. Шеффле («Kapitalismus und Sozialismus», 1870), в России – В. П. Воронцов («Судьбы капитализма в России», 1882), но общеевропейское распространение началось лишь после выхода книг В. Зомбарта в 1900-е гг.

зовал институциональную сторону внедрения фабричного машинного производства как ликвидацию всех установлений и учреждений, препятствовавших свободной конкуренции²⁵⁶.

Но последующее развитие крупной фабричной промышленности, ее сращивание с капиталом крупных банков и биржевой торговлей, «новым» протекционизмом и «новым» империализмом, подчинение отраслевых рынков картельным соглашениям заставило как марксистов, так и представителей новой исторической школы в политэкономии сделать вывод о пришедшей на смену свободной конкуренции стадии капиталистического способа производства. Следуя трактату Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910; рус. пер. И. Степанова, 1912), российские социал-демократы называли эту стадию стадией капитализма финансового (Н. Бухарин), синдицированного (М. Павлович), монополистического и государственно-монополистического (В. Ульянов-Ленин). В сочинениях В. Ульянова-Ленина (включая книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» 1917) были сделаны выводы, что эта стадия создала «полнейшую материальную предпосылку» для «пролетарской революции» и социализма и поэтому она – «последняя» для капитализма.

Археологическое углубление формационного подхода

Марксизм, провозгласив главной движущей силой общественного прогресса борьбу антагонистических классов, пророчествовал о будущей бесклассовой формации, но искал подпоры в археологии и этнографии для характеристики первобытного общества как первой – доклассовой – формации. К. Маркс ухватился за деление на каменные века и века металлов, к которому его младший современник англичанин Джон Лаббок (Леббок) добавил принципиальное разграничение веков «древнекаменного» и «новокаменного» – палеолита и неолита – по критерию раз но обра зия техники обработки камня и орудий из него (1865). Энгельс, опираясь на выводы книги американского этнографа Л. Г. Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877), обрисовал схему появления общественного разделения труда, антагонистических производственных отношений, классов и государства. Это была формационная картина дописьменной истории человечества. А три главные эпохи письменной истории²⁵⁷ – Древний мир, Средневековые и Новое время – были отождествлены с тремя главными формами эксплуатации человека человеком и (выделенными вслед за сен-симонизмом) классовыми антагонистическими формациями: рабовладельческой, феодальной и капиталистической (буржуазной).

Поскольку Марксов анализ классовых докапиталистических формаций остался в рукописях²⁵⁸, формационный подход в целом стал развиваться под воздействием книг Энгельса «Анти-Дюринг» (1878, при участии Маркса) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884, уже после смерти Маркса).

К концу XIX в. археологи выделили мезолит (среднекаменный век), а между неолитом и бронзовым веком – медный век; в течение XX в. это членение уточнялось. Наибольший вклад в материалистическое понимание первобытной истории внес английский археолог Вир Гордон Чайлд (1892–1957). Он назвал неолитической революцией процесс перехода первобытных общин от присваивающего хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство, ремесло), а городской революцией – возникновение структуры классового господства-подчинения при переходе к металлическим орудиям, прежде всего к более совершенным орудиям нападения. В местах сгущения производящего хозяйства усложнялся порядок занятий и накапливалось богатство, притягательное для зависти-

²⁵⁶ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004. Т. 2. С. 457.

²⁵⁷ Впервые выделенные германским филологом Х. Келлером (Целлариусом) в 1695 г.

²⁵⁸ Впервые опубликованы на русском языке под заглавием «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в 1939–1941 гг.

ливых соседей. А медь и металлы, дающие в сплаве с ней бронзу (олово, свинец), были далеко не повсеместны. Редкость делала их стратегическим сырьем и предметом острого межплеменного соперничества. Металлическое оружие превратило стычки в жестокие схватки, отголоски которых прозвучали в легендах о медном веке, отмеченном кровавыми войнами. Возникла потребность в мощной обороне, вызвавшая рост укрепленных поселений – городов. Они возвысились над сельской округой и стали местами сосредоточения государственной власти с ее вооруженными силами, хозяйственно-распорядительными функциями и обслуживающим ремеслом.

Партийная догматизация формационного подхода

Концепция «неолитической» и «городской» революций не вошла в каноническую схему пяти формаций (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая), жестко закрепленную в главной книге сталинского тоталитаризма – «История ВКП(б). Краткий курс» (1938), а также, уже после смерти И. Сталина, в написанном по его указанию учебнике «Политическая экономия» (1954). «Пятичленка» пресекла также дискуссии об особом «азиатском способе производства», развернувшиеся в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. и наводившие на мысли о сходстве основных черт «победившего социализма» в СССР и восточного военно-бюрократического деспотизма.

Октябрьская революция 1917 г., приведшая к власти в России Ленина и партию большевиков, была провозглашена в СССР началом «новейшего» времени, общего кризиса капитализма и формирования лагеря социализма. Социализм, согласно букве книги В. Ульянова-Ленина «Государство и революция» (опубл. в 1918), получил определение «низшая фаза» коммунистической формации. Расширение лагеря социализма после победы СССР в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны дало основания для вывода о втором этапе общего кризиса капитализма.

Сталинской «политэкономией в широком смысле» для каждого способа производства и, соответственно, формации была предложена формулировка «основного экономического закона» (ОЭЗ). Для первобытно-общинной формации он был сформулирован как «обеспечение необходимого продукта на основе примитивных орудий, общинной собственности и уравнительного распределения». Для антагонистических формаций критерием ОЭЗ были приняты способ присвоения прибавочного продукта и характер собственности на средства производства и рабочую силу. Соответственно, ОЭЗ рабовладельческого строя – присвоение прибавочного продукта рабовладельцами на основе их полной собственности на средства производства и на эксплуатируемых рабов, а также посредством завоеваний; ОЭЗ феодального строя – присвоение прибавочного продукта феодалами на основе их собственности на землю и неполной собственности на эксплуатируемых крепостных крестьян; ОЭЗ капиталистического строя – присвоение прибавочного продукта капиталистами в форме прибавочной стоимости на основе их собственности на средства производства и продукт труда формально свободных наемных рабочих. Для ОЭЗ социалистического способа производства была взята ходовая формулировка Сталина «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

Рента как формационная категория и вариативность докапиталистических обществ

Несмотря на развенчание Сталина на XX съезде КПСС (1956), «пятичленка» сохранила еще на тридцать лет монопольное положение в СССР как периодизация экономического раз-

вития, хотя возобновились дискуссии об азиатском способе производства и шире – о вариативности докапиталистических формаций.

Первостепенное значение получила категория ренты, заимствованная К. Марксом у политэкономов-классиков для анализа чистого дохода (части прибавочной стоимости), присваиваемого земельным собственником в капиталистическом сельском хозяйстве. Начало ее исторической универсализации положил Б. Ф. Поршнев, сформулировавший (1953) основной закон феодального способа производства как присвоение частными землевладельцами феодальной ренты, т. е. чистого дохода от основных повинностей крепостных крестьян – полевой барщины, налога (оброка) натурой или монетой (соответственно отработочная, продуктовая и денежная рента). Сторонники концепции особого азиатского способа производства (АСП) его основным законом считали совпадение земельной ренты с государственным налогом (рента-налог). При этом АСП рассматривался как «параллельный» рабовладельческому и феодальному способам производства на Западе, а иногда отождествлялся с восточным «вечным феодализмом» (включая номадизм).

Из дискуссий советских историков, стремившихся «расковать» пятичленную формационную цепь, вышли концепции единого рентного сословно-классового способа производства с переплетением разных типов ренты в разных странах (В. П. Илюшечкин) и «большой» многоукладной феодальной формации с ведущей ролью натурального хозяйства и рентной (повинностной) формой присвоения прибавочного продукта (Ю. М. Кобищанов). В. П. Илюшечкин классифицировал типы ренты и, соответственно, эксплуатации²⁵⁹, как показано в нижеследующей таблице.

Характер соединения работника со средствами производства	Тип ренты	Форма (тип) эксплуатации
Использование несвободного работника в хозяйстве владельца	Личностная	Рабство

Ю. М. Кобищанов связал вариативность в рамках растянувшейся на тысячелетия большой феодальной формации с различными сочетаниями принуждения к труду – внеэкономического (государственно-представительного, общинно-кастового, духовно-религиозного) и экономического (передача земли или скота в аренду, ростовщичество, неэквивалентный обмен) – и с многообразием хозяйственно-культурных типов (ХКТ)²⁶⁰. Основной ХКТ – пахарь с тягловым скотом («крестьянин»), но существовали еще сельскохозяйственно-культурные типы экстенсивного ручного и интенсивного ручного труда оседлых земледельцев и кочевого скотовода-воина, а также разнообразные несельскохозяйственно-культурные типы (от обожествляемого царя до бесправного раба, от рыцаря до ремесленника, от религиозного аскета до торговца и ростовщика). Это разнообразие обусловило наличие в структуре феодальной формации рабовладения как неосновного уклада и возникновение протокапиталистических укладов в различных регионах (например, в Нововавилонском царстве VI в. до н. э. и в греческих полисах V–IV вв. до н. э.). Многообразны были и феодальные цивилизации, имевшие либо синхронные связи (сосуществование), либо диахронные (преемственность); между ними складывались

²⁵⁹ Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. Опыт системно-структурного исследования. М.: Наука, 1990.

²⁶⁰ Кобищанов Ю. М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 5–17.

центрально-периферийные отношения «влияния – вражды». Капиталистическую же цивилизацию Кобищанов трактовал как единую и совпадающую с капиталистической формацией.

Усовершенствованный формационный подход Ю. М. Кобищанова акцентировал переходный воспроизводственный характер большой феодальной формации от присваивающего первобытного натурального хозяйства к капиталистическому крупнотоварному хозяйству, создавшему поступательное расширенное воспроизводство. Такого воспроизводства не могли обеспечить феодальные «ячейки производства», разделенные Кобищановым на мелкие (семейные земледельческие, скотоводческие, ремесленные домохозяйства) и условно крупные (храмовые, придворные, вельможные хозяйства).

Формационная вариативность в организационном подходе А. А. Богданова

Переосмысление догматики и эвристики формационного подхода после того, как он был лишен функции партийно-идеологической ферулы, побуждает обратиться к первому марксистскому опыту «политэкономии в широком смысле» – «Курсу политической экономии» А. Богданова и И. Степанова (в 2 т., 1910–1919), опиравшемся на обоснованный Богдановым организационный (системно-структурный) подход. Считая главным в политэкономии последовательное проведение структурной точки зрения, Богданов принял для характеристики сменяющих друг друга формаций единую структурную схему: отношения общества к природе (или «техничко-производственные отношения») – производственно-распределительные отношения – общественная психология – идеологии. При этом формационному подходу были приданы следующие особенности.

1. Акцент на том, что идеологические формы (от речи до естествознания), будучи «генетически вторичными», т. е. производными от социального бытия (производства), оказывают активное обратное воздействие на экономику как организующие при ее развитии.

2. Трактовка классового строения обществ более через антитезу «организаторских» и «исполнительских» функций, чем в категориях отношений собственности.

3. Отражение различий в сочетаниях реальных организаторских функций и «потребительно-паразитических» тенденций имущих классов через критерий прогрессивности либо деградации формационного развития.

4. Включение в формационный контекст критерия уровня менового оборота.

Богданов и Степанов исходили из отсутствия униформизма в рамках формаций и, например, рассматривали классическое («законченное») рабовладение и многодневную барщину как крайние и несовместные варианты хронологически размытой феодальной, или «авторитарной», формации. Один вариант стал возможным в условиях длительной военной эксплуатации отсталых племен с захватом недвижимой (территория) и движимой (включая рабов) добычи; другой – в условиях, где не смог окрепнуть ремесленно-городской строй и крепостное право придавило крестьянскую общину, позволив господам отяготить подневольный труд ради товарного прибавочного продукта в расчете на максимизацию денежного дохода.

Вариативность Богданов предполагал и в движении капиталистической формации, допуская различные направления ее изменений от «промышленного феодализма» (фашизма) до перехода руководящей роли к классу технической интеллигенции. Но методологический коллективизм привел Богданова к выхолащиванию (несмотря на принятие меновых концепций исторической школы!) анализа обмена и индивидуальных стимулов хозяйственной деятельности и сциентистскому уподоблению социалистической («планомерной») организации хозяйства технической целесообразности при недифференцированном коллективном принятии решений. К тому же некоторые важные работы Богданова опубликованы не были и не смогли

оказать влияние на общественную мысль XX в., хотя по-прежнему представляют немалый теоретический интерес²⁶¹.

Современные неоформационные подходы

Для дискуссий об азиатском способе производства была весьма значимой непроясненная формулировка К. Маркса, что «азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²⁶². Она же дала повод для современных «постмарксистских» и «неомарксистских» интерпретаций, сводящих число общественных формаций лишь к трем: 1) архаической, или доэкономической; 2) экономической, или капиталистической; 3) постэкономической²⁶³, или коммунистической²⁶⁴.

Гораздо более детальная неоформационная периодизация обоснована Ю. И. Семеновым²⁶⁵, определившим свой подход как глобально-формационный; уместно также понятие «эстафетно-стадиальный» ввиду доказанного значения исторической эстафеты как необходимого условия перехода к более производительной формационной стадии в масштабах исторического пространства в целом. Семенов, признанный специалист по экономической истории первобытного общества, прежде всего разграничил палеоисторию (первобытных и предклассовых обществ) и историю цивилизованных классовых обществ (формаций), в которой основными единицами выступают социально-исторические организмы – социоры. Социоры могли быть «магистральными», передовыми, воплощавшими наивысшую для периода ступень социально-экономического развития, и «немагистральными», которые могли либо преобразиться в передовые социоры следующего периода, либо оказаться «боковыми» или тупиковыми.

Формации Семенов отождествляет не со стадиями последовательного развития отдельных социоров (страны, народа), а с периодами, в рамках которых в меняющей свою конфигурацию мировой системе формируются новые магистральные системы социоров в центре исторического пространства, в то время как в периферийных зонах образуются параформации (от греч. *παρά* – около, возле). Формации как стадии всемирно-исторического процесса не совпадают со способами производства, которые могут существовать в рамках разных формаций, занимая различное место в их структуре.

Особое значение в концепции Семенова получило понятие политаризма, или политарного способа производства. Оно было применено не только к характеристике древнейшей («азиатской») формации и вариантов классовых обществ в последующей истории Востока, но и к переломным этапам в развитии средиземноморской (падение республики и установлении империи в Риме) и западной (абсолютизм, фашизм) цивилизаций, а также к определению социально-экономического строя СССР и стран «социалистического лагеря» (индустрополитаризм).

Общая схема эстафетно-стадиального подхода Ю. И. Семенова такова.

I. Палеоистория (35–6 тыс. лет назад) с тремя основными этапами: 1) собственно первобытные общества с уравнительным распределением всего добытого продукта между членами общины; 2) первобытно-престижные общества с возникновением имущественного неравенства и раздвоением экономики на жизнеобеспечивающую и престижную; 3) предклассовые

²⁶¹ Подробнее см.: *Гловели Г.* Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 113–134.

²⁶² *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5.

²⁶³ *Иноземцев В. Л.* К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, 1995.

²⁶⁴ *Колганов А. И.* Что такое социализм? Марксистская версия. М.: Либроком, 2012.

²⁶⁵ *Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. Вып. 1–3. М.: Старый сад, 1997–2001; *Семенов Ю. И.* Философия истории. М.: Старый сад, 1999.

общества в шести альтернативных вариантах (проформациях) в зависимости от преобладающей формы эксплуатации²⁶⁶.

II. История цивилизованного общества (4 тыс. лет до н. э. – современность).

1. Древнеполитарные общества (от греч. *πολιτεία* – государство) IV–II тысячелетий до н. э., сосуществовавшие с первобытными и предклассовыми. Возникновение разрозненных исторических гнезд и формирование из их числа (Междуречье, Египет) первой мировой системы социоров – ближневосточной, по отношению к которой другие социоры остались периферией.

2. Античность (VIII в. до н. э. – V в.). Возникновение из западнофиникийского (Карфаген), греческого (включая колонии на берегах Черного моря) и италийского (латины, этруски) исторических гнезд мировой средиземноморской системы. Ее объединение с ближневосточной системой в центральное историческое пространство, по отношению к которому внешней периферией оказались новые исторические арены – южно- и восточноазиатские, возникшие вокруг исторических гнезд – Индии и Китая, а также великостепная, возникшая вследствие обособления кочевых обществ Евразии. (Возможно, особыми историческими аренами были также индокитайская и индонезийская.)

3. Средневековые (VI–XV вв.). Изменение конфигурации и расширение центрального исторического пространства: образование западноевропейской, византийской, исламской, центрально-восточноевропейской и североевропейской зон. Позднее – разделение центрально-восточноевропейской зоны на центрально-европейскую и восточноевропейскую (российскую); образование на основе западноевропейской зоны феодально-бюргерской мировой системы.

4. Новое время (XVI–XIX вв.). Развитие вглубь (Западная Европа) и вширь (распространение на весь земной шар) капиталистической мировой системы; возникновение всемирного исторического пространства и разделение его на зону-центр, или ортокапитализм (от греч. *ορθός* – прямой, истинный), и периферийные зоны, или паракапитализм. Ортокапиталистический центр сам образовал систему и входил в более обширную систему; паракапиталистическая периферия, входя в более обширную систему, сама системой не была.

5. Новейшее время (1905–1991 гг.) «социорно-освободительных революций» на паракапиталистической периферии; образование и распад в противоборстве с ортокапитализмом мировой неополитарной, или индустрополитарной, мировой системы («лагерь социализма»).

6. Современность (после 1991 г.). Глобальное классовое общество, разделенное на ортокапиталистический центр, старую и «новую» (бывшие индустрополитарные социоры) паракапиталистическую периферию.

III. Цивилизационные и антропогеографические подходы

Локально-цивилизационные и геополитические подходы

Как видно из сделанного выше обзора, правильное говорить не о каком-то одном «формационном», а о формационных подходах, из которых дискредитировавший себя линейно-пятичленный вовсе не является единственно возможным. Но еще более справедливо такое замечание по отношению к цивилизационным подходам, тем более что в этом случае мы имеем две принципиально разные группы подходов: 1) историософские концепции локальных цивилизаций, отрицающие единство всемирно-исторического процесса, и 2) напротив, исходящие из такого единства концепции, так или иначе универсализующие опыт западной цивилизации.

²⁶⁶ После появления первобытно-престижных и затем предклассовых обществ многие собственно первобытные общества остались таковыми и продолжали существовать.

Наиболее известные локально-цивилизационные подходы были обоснованы в России Н. Я. Данилевским («Россия и Европа», 1869), в Германии О. Шпенглером («Закат Европы», 1922), в Англии А. Дж. Тойнби («Постижение истории», 1934–1961). Имевшие больше критиков, чем сторонников, и сосредоточенные более на духовной культуре, чем на хозяйстве, локально-цивилизационные подходы, тем не менее, выдвинули категории, значимые и для экономической истории, – особенно концепция Тойнби («вызов – ответ», «внешняя и внутренняя периферия» и др.).

В случае школы русского евразийства, основанной в 1920-е гг. в эмиграции экономистом-географом П. Н. Савицким, филологом Н. С. Трубецким и историком Г. В. Вернадским и своеобразно продолженной Л. Н. Гумилевым, локально-цивилизационный подход (восходящий к идее замкнутых культурно-исторических типов Данилевского) соединился с антропогеографическим и геополитическим. Главным вкладом евразийцев стало обоснование категории месторазвития как географической основы локальных цивилизаций. Но антропогеография и геополитика, выросшие из сравнительного земледения XIX в. (изучения отношений различных человеческих обществ с географической средой), подытоженного в Германской империи кавалером прусского Железного креста Ф. Ратцелем²⁶⁷, а во франкоязычной Европе – парижским коммунаром Э. Реклю, дали серьезный импульс и концепциям, отразившим стремление западной цивилизации стать универсальной.

Антропогеографическая периодизация Л. Мечникова

Наиболее известную антропогеографическую схему всемирной истории предложил Лев Ильич Мечников (1838–1888). Русский публицист, французский географ (друг и соавтор Э. Реклю), деятельный участник объединения Италии и просвещения Японии, он за свою бурную жизнь объехал вокруг света, пересекая страны и моря Евразии, воды Атлантического и Тихого океанов, Северную Америку по первой трансконтинентальной железной дороге. В итоговой книге «Цивилизация и великие исторические реки» (изд. посм., 1889) Мечников выделил три эры: 1) речных цивилизаций, сложившихся в форме государств-деспотий – организаторов ирригационного (поливного) земледелия в речных долинах Ближнего Востока, Индии и Китая; 2) средиземноморскую – от основания финикийскими торговцами-колонизаторами Карфагена (около 800 г. до н. э.) до открытия испанцами Америки (1492 г.) и португальцами пути в Индию вокруг Африки (1498 г.); 3) океаническую, характеризующую европейским проникновением во все уголки земного шара.

Хотя археологические раскопки, прочтения древних писем и другие исследования в XX в. намного расширили представления о древних цивилизациях сравнительно с той информацией, которой располагал Л. Мечников, полностью остались в силе такие достоинства его схемы, как:

- противопоставление «запершихся» в бассейнах своих великих рек Индии и Китая ближневосточно-европейской передаче исторической эстафеты («светоча цивилизации») из «Плодородного Полумесяца» (от дельты Нила до тигро-евфратского Междуречья) средиземноморским народам: финикийцам, грекам и италийцам;
- обоснование этапного значения для всемирной истории средиземноморской колонизации (после 800 г. до н. э.) и западной заокеанской экспансии (после 1500 г.).

²⁶⁷ Примечательно, что Й. Шумпетер, пренебрегший «малоинтересными попытками» исторической школы в политэкономии выделить последовательные стадии роста хозяйства, охарактеризовал работу Ратцеля «Антропогеография» (1882–1891) как «чрезвычайно значительную» (*Шумпетер Й. А. История экономического анализа*. Т. 3. С. 1035, 1037).

Периоды всемирной истории и диффузионизм

Великим географическим открытиями и западной заокеанской экспансии (после 1500 г.) отводится роль поворотного всемирно-исторического рубежа и в периодизациях, придававших гораздо большее, чем Л. Мечников, значение неприродным факторам общественного развития: религии, государственности и накоплению капитала. Германский социолог Альфред Вебер (1868–1958), заимствовав у О. Шпенглера противопоставление культуры и цивилизации, а у своего старшего брата Макса Вебера – учение о западной рациональности, также выделил три периода в истории цивилизованных обществ. «Почти статичный» период (от примерно 4000 г. до н. э. до 1500–1600 гг.) сменился динамичным освоением и «стягиванием» земли Европой (1500–1600 гг. – начало 1900-х гг.). Запад, осуществив смену ориентации с потусторонней на посюстороннюю интерпретацию бытия, достиг общемирового доминирования благодаря своей «насыщенности» экспансионистскими силами капитала, государственных организаций, науки, техники и социальных религий (капиталистическая религия «свободы и равенства шансов»; социал-демократическая религия «равновесия между свободой и равенством индивидов»; коммунистическая религия равенства). Но сохранение привычных для прошлых эпох силовых способов реализации политических целей привело к нарастанию расхождения между сферами цивилизации и культуры (первая половина XX в.), дошедшего до самоубийственной формы глобального вооруженного конфликта в двух мировых войнах (1914–1918 и 1939–1945 гг.).

Ученик Тойнби американец У. Макнил в трактате «Восхождение Запада» (1963) положил в основу периодизации истории диффузию привлекательных новшеств из центров – лидеров цивилизации, становившихся для соседей культурными «раздражителями», что, однако, приводило к применению (с разных сторон) грубой военной силы для добычи накопленных предметов роскоши и для захвата стратегических ресурсов, а также и к противоречию между нововведениями и старыми институтами (обычаями и учреждениями). Макнил выделил как основные периоды культурного доминирования Ближнего и Среднего Востока (3000–500 гг. до н. э.), евразийского «культурного равновесия» (500 г. до н. э. – 1500 г.) и доминирования Запада (после 1500 г.).

Заслуживает внимания трактовка Макнилом универсальных признаков цивилизации:

- 1) письменный канон и оформленные в нем нормы поведения;
- 2) возникновение благодаря профессиональной специализации и элите передовых знаний и технологий – военных, административных, ремесленных, научных, а также литературы и искусства;
- 3) постоянство циркуляции новостей между отдельными городами, регионами, социальными и этническими группами, что придает особое значение средствам сообщения.

Антропогеографический подход

В. П. Семенова-Тян-Шанского: средиземные моря и мировые колонизационные волны

Российский ученый Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (его не надо путать с прославленным отцом, путешественником и государственным деятелем П. П. Семеновым-Тян-Шанским) не предложил периодизации как таковой. Но в статьях «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915) и «Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение» (1919) он обосновал три антропогеографических критерия для сравнительного изучения цивилизаций Востока, Запада и России.

1. Степень освоения естественных ресурсов: зональных, расположенных на поверхности (почвы, флора, фауна), и азональных, лежащих в недрах. Признак цивилизованной страны – развитие торговли и промышленных производств, которые группируются преимущественно на морских побережьях и в азональных районах, но не связаны исключительно с добычей минеральных ресурсов.

2. Территориальное могущество держав относительно мировых средиземных морей, каковых три:

- Средиземное море между Европой, Африкой и западной Азией;
- азиатское средиземное море – группа морей между Китаем и архипелаговой Азией (Южно-Китайское, Восточно-Китайское, Желтое, Японское);
- американское средиземное море – Карибское с Мексиканским заливом.

3. Сочетание земледельческой колонизации с дальней морской торговлей, которая на Западе дала стимулы интенсивному земледелию и городской промышленности.

Семенов-Тянь-Шанский выделил также три типа могущественного территориального владения, характерных для мировых держав. Два типа появились в 800–200 гг. до н. э.: «от моря до моря» и «кольцеобразный» (охват Средиземного моря), а третий – после 1500 г.: «кочкообразный» (разбросанный по берегам океанов). Этот тип был присущ великим державам европейского Запада – колониальным империям, тогда как величайшая держава «от моря до моря» – Российская империя – стала следствием славяно-русской сухопутной колонизации Евразии. Обе территориальные экспансии – и западная, и российская – продолжили мировую колонизационную волну белой расы по Старому Свету (Афроевразийскому суперконтиненту) от срединного полуострова Индостана в направлении к Атлантическому океану (с поворотом от его берегов внутрь Евразии), тогда как в противоположном направлении к Тихому океану (и тоже с поворотом внутрь Евразии) разлилась мировая колонизационная волна желтой расы, сформировавшая самую устойчивую в мире оседлую земледельческую государственность (Китай) и сплошную «лавину» кочевников-скотоводов на широких степных пространствах Монголии, Сибири, Средней Азии и значительной части Великой Русской равнины. Российская государственность стала результатом столкновения с азиатско-тихоокеанской волной североевразийского миграционного потока, отделившегося от европейско-атлантической колонизационной волны и обеспечившего развитие лишь экстенсивного земледелия и отсталой промышленности.

Концепция В. П. Семенова-Тянь-Шанского особенно интересна тем, что подводит историко-геоэкономическую основу под современную мировую ситуацию трех главных центров накопления капитала (вокруг трех мировых средиземных морей²⁶⁸) – североамериканского, западноевропейского и восточноазиатского.

IV. Аграрно-эволюционный подход

Вклад сельскохозяйственной экономики в периодизацию истории

Современник В. П. Семенова-Тянь-Шанского Николай Петрович Огановский также пришел к выводу, что историческое отклонение экономического развития России от западного пути коренится в колонизационном закреплении экстенсивного земледелия. Но Огановским этот вывод был обоснован гораздо более обстоятельно в капитальном труде «Закономерность

²⁶⁸ Точнее было бы говорить о трех группах мировых средиземных морей, причем в Западной Европе и Северной Америке выделять южную и северную подгруппы. Северное «средиземное море» в Европе – это Балтийское и Северное моря с Ла-Маншем, в Америке – Великие озера, соединенные с Атлантическим океаном рекой Св. Лаврентия, а с внутриматериковым пространством – бассейном Миссисипи.

аграрной эволюции» (в 3 т., 1909–1914), дополненном экономико-географическими работами 1920-х гг. Концепция Огановского стала, на мой взгляд, высшим достижением исторического направления в политэкономии. Хотя сам Огановский критиковал германскую новую историческую школу (схему Бюхера) и марксизм (особенно его русских адептов Вл. Ильина (Ульянова-Ленина) и историков-экономистов П. Маслова и П. Лященко) за игнорирование специфики сельского хозяйства и искажение исторической перспективы вследствие экстраполяции опыта XIX в., «залитого яркой краской индустрии», на более ранние эпохи. Отвергал Огановский и мальтузианский закон народонаселения, впитанный английской классической школой, поэтому себя относил не к политической, а к сельскохозяйственной экономии.

Основоположник сельскохозяйственной экономии И. Г. Тюнен первым выделил (из практики своего времени) паровое трехполье, травосеяние и плодосмен как последовательность ступеней полеводства. К началу XX в. сельскохозяйственная экономия установила, что трехполье (озимые и яровые посевы хлебных злаков, возделываемые пахарем с использованием тяглового скота, при наличии отдыхающего участка земли – пара) как экстенсивной системе хлебопашества в странах умеренного климатического пояса предшествовали подсечно-огневая и переложная системы. Происходило расширение площади пашни по колонизируемым пространствам: расчищенные вырубкой и выжигом лесные территории или девственные почвы степей засевались хлебными злаками и после сбора двух-трех урожаев либо забрасывались, либо оставлялись на 8–15 лет в залежь, для медленного восстановления плодородия земель.

Оседлое трехполье стало результатом территориального истощения угодий для сельскохозяйственной колонизации, вынудившего к сжатию многолетней залежи до однолетнего пара, чередуемого с озимыми и яровыми. Трехполье на много веков составило агротехническую основу феодального строя с крепостным правом – захватом верховных прав на землю привилегированными классами и соединением права пользования землей с массой повинностей по отношению к этим классам. Возможности парового земледелия для роста урожайности (и, соответственно, количества продовольствия) были ограничены. Почве не хватало отдыха для восстановления, и земля истощалась, что вынуждало расширять площади пашни за счет пастбищных угодий для скота, что нарушило равновесие между земледелием и скотоводством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.